

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

7 '89

ДОЛИНА

НА ЗЕМЛЕ НЕМАЛО ЧУДЕСНЫХ МЕСТ. НО НЕМНОГИЕ ИЗ НИХ СТАЛИ ЭЛЕМЕНТАМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ, ИЗОБРАЖАЮТСЯ НА ПОЛОТНАХ КЛАССИКОВ, ГЕРБАХ И ЭМБЛЕМАХ СТРАН И ГОРОДОВ. СИМВОЛОМ КУБЫ ЯВЛЯЕТСЯ ДОЛИНА С РОМАНТИЧНЫМ НАЗВАНИЕМ — ВАЛЬЕ-ДЕ-ВИНЬЯЛЕС, ИЛИ ПРОСТО ВИНЬЯЛЕС. ОНА ЗАТЕРЯНА В ГОРАХ СЬЕРРА-ДЕ-ЛОС-ОРГАНОС НА ЗАПАДЕ ОСТРОВА В ПРОВИНЦИИ ПИНАР-ДЕЛЬ-РИО.

Чем замечательна эта долина? Она окружена горами, напоминающими башни. Горы-башни покрыты растительностью. По долине разбросаны башенки-останцы. Небольшие издали, они превращаются вблизи в скалистых исполинов. Кубинцы называют их «моготе». В моготах на разной высоте зияют входы-выходы пещер. В пустотелых закарстованных башнях имеется множество залов, украшенных сталактитами и сталагмитами, галерей с подземными реками и озерами, тесных проходов и узких щелей.

У подножия могот исчезают под землю реки. Моготы имеют свои названия: Валье, Ла-Феата, Сакариас, Робустьяна, Ла-Эсмеральда, Ла-Пенитенсия, Дос-Эрманос. Равнина между башнями-останцами напоминает пестрый ковер. Строгой формы зеленые лоскутки насаждений чередуются с бесформенными пятнами красных почв. То здесь, то там среди равнины виднеют-

КАМЕННЫХ

ВЯЧЕСЛАВ АНДРЕЙЧУК

ЧУДЕС

Фото автора

ся крестьянские хижинки, опоясанные густой зеленью. По всей равнине белеют тысячами стволов светлые пальмовые рощи. Пальма «риал» — неотъемлемый элемент кубинского ландшафта. К этому дереву кубинцы относятся с почтением, ощущая через него связь с неповторимой природой своей родины.

ДОЛИНА ВИНЬЯЛЕС — ОДНА ИЗ КРУПНЫХ КОТЛОВИН БАШЕННОГО КАРСТА. Подземные реки и поверхностные ручьи, частые ливни как бы «вгрызаются» в податливые возвышенности, расчлениают их. Башенный карст — явление нечастое даже для тропических областей: кроме Кубы он известен лишь в Южном Китае, Северном Вьетнаме и на Флориде.

ДОЛИНА ВИНЬЯЛЕС — МЕСТО ПАЛОМНИЧЕСТВА ТУРИСТОВ. Ее пересекает оживленное шоссе. Здесь созданы смотровые площадки, построены кемпинги, пещеры оборудованы для экскурсий. Некоторые рестораны, как, например, в пещере Хосе Мигель, размещены под каменным небом из нависающих сталактитов. В них хорошая акустика и не жарко в самый знойный день. Манящие вглубь ходы, множество теней, таинственные звуки вызывают у посетителей пещерных ресторанов восторженные чувства.

На гладкой каменной «спине» одной из моготе выделяются гигантских размеров фрески. Они рассказывают о прошлом острова, его мирных жителях.

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

7 '89

В НОМЕРЕ:

А. Кердан СИБИРСКИЙ ТРАКТ. Фрагменты поэмы	2
В. Соскина НЕОБРАТИМОЕ	4
З. Рымаренко «ВАША ВЕРА МУХИНА»	14
В. Степанов О ТЕОДОРЕ НЕТТЕ — ЧЕЛОВЕКЕ И ПАРОХОДЕ	16
М. Петров ЭХО АНГАРСКОГО ЗАЛПА	17
А. Нестеров БОЛЬШЕВИК ИЗ ПОЛЕВСКОГО	19
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БУМЕРАНГ	20
В. Ветлугин ЗАПОВЕДНИК, КОТОРОГО НЕТ НА КАРТЕ	22
А. Ромов БЕЗ ОСОБЫХ ПРИМЕТ. Повесть. Начало	25
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
С. Другаль ЯЗЫЧНИКИ. Повесть. Начало	29
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	51
* * * *	
Т. Буруковская ГАРМОНИЯ	55
В. Золотарев НОВЕЛЛЫ О ПРИРОДЕ	58
М. Буянов АЛЕКСАНДР ДЮМА В РОССИИ	73
А. Хамзин ЧЕМ ЛЕЧАТ ЧАСЫ	79
В. Пашин МИЛЛИАРДЕР	79
МИР НА ЛАДОНИ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов:
51-55-58 (писем,
молодежных проблем),
51-22-40 (секретариат),
51-09-71 (фантастики, прозы
и поэзии),
51-53-20 (науки и техники,
публицистики),
51-09-69 (краеведения).

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

Сдано в набор 06.04.89.
Подписано к печати 25.05.89.
НС 25354.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 12,50.
Усл.-кр. отт. 11,34.
Тираж 494 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 455.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
620219, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — штупф «Победа» с 26 кристаллами голубого топаза. Фото В. Ветлугина.

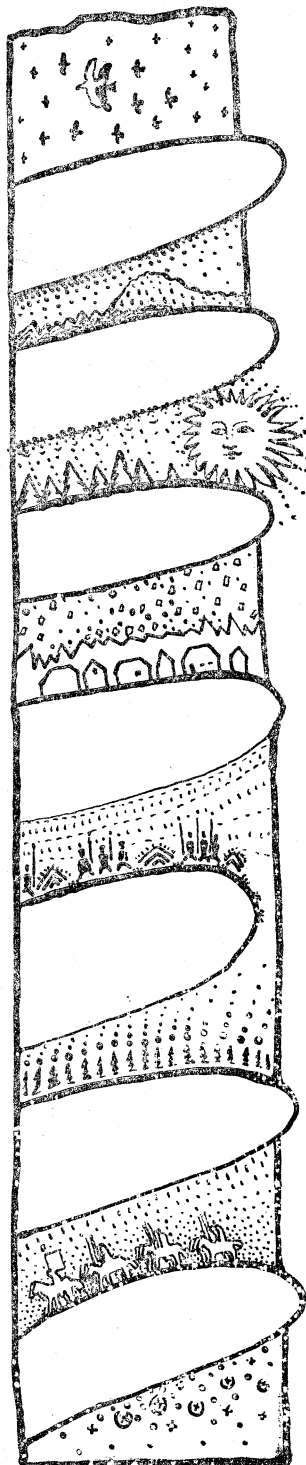
© «Уральский следопыт», 1989 г.

Сыну Ивану

СИБИРСКИЙ

Фрагменты поэмы

ПРОЛОГ

Хребт Уральский одолев, рвалась
Россия юная к вратам Сибири...

По диким тропам, через топь и грязь
Дружины Ермака здесь проходили.
И оставались за спиной дружин:
Селенья, гати и потомки тоже...

Как ни остры кучумовы ножи,
Но первопуток все же был проложен.
Вот от него и взял начало тракт —
Дорога и страданья, и прозренья...
Бежит бетонка на семи ветрах,
Собой связуя судьбы поколений.
И сердцу тесно сделалось в груди —
Судьба сказала:

— Твой черед, иди!

* * *

Как скучает жена молодая
по милому мужу,
Так по правде тоскует все время душа.
Никого не хочу обелить —
разобраться мне нужно,
Перед тем как судить,
перед тем как прощать.
Никого не хочу обвинить.
Это сделает время.
Мне же — надо все знать,
чтобы дальше по тракту идти.
Было брошено в душу эпохой
сомнения семя.
Все я должен понять,
чтобы правда смогла прорасти.

НА РАСПУТЬЕ

Я на распутье. Все темней в округе.
Куда идти? Ни дома, ни огня.
Ни стрелки-указателя,
ни друга,
Чтоб к правде вывел в этот час меня.
Нет и машин: ни встречных, ни попутных.
И звездный компас в небе не горит...
И вдруг из тьмы ночной выходит путник
И мне слова такие говорит:
— Пойдем со мной.

Поищем правду вместе.
Доверься мне — не ошибешься ты...
Гляжу во все глаза: он — мой ровесник,
Но где-то видел я его черты...
Скажи, ты кто?
И улыбнулся странник
(Мне показалось: грежу наяву...):
— Я — дед твой...
— Ты же умер?!
— Разве? Странно...
А я считал, что все еще живу...
Ведь ты же, внук мой,
в призраках не веришь,
Коль ищешь правду...
Призраки, они

Не так страшны, как люди, те,
что — звери...

И он шагнул по тракту.
Я — за ним.

ЦАРЬ

Когда страну, дошедшую до грани,
Февраль взметнул, оковы сбив с сердец,
Сибирский тракт —

стегию людских страданий
Увидел самодержеце наконец.
Еще царя Сибирь встречает звоном
Церквей

в провинциальных городках...
И на плечах — полковничьи погоны,
И золотые перстни на руках.
Еще на ушко царедворец верный
Ему лопочет, что готов побег.

Мол, с корнем вырвем революций скверну!
А главарей? На фонари их всех!
Еще царица верит в заграницу.
(Такая вера у царя в цене...)
И за граница верит, что в столицу
Царь-победитель въедет на коне.
Но на восток возвращаются колеса.
И точкой всех монарших чувств и вер
Уж в Екатеринбурге,

у матроса,
Шесть пуль хранит до срока
Револьвер.
— А что потом? — я вопрошаю деда.
— Как жил ты сам? — и слышу:
— А потом —
За нашу власть рубился до победы.
В село вернулся и построил дом.

ДОМ

Дед срубил пятистенку.
Был он — плотник, мастак.
Сам срубил. Не свалилась с небес.
У избы три окошка смотрели на тракт,
Два окошка — на поле и лес.
Жизнь по тракту текла —
Не удержишь ее.
А у деда — заботы, дела.
У него, честь по чести,
Хозяйство свое:
Лошадь, овцы, буренка была.
Дед когда-то батрачил.
Потом воевал.
У Чапая разведчиком был.
Власть землицу дала.
Раньше — кровь проливал.
Потом эту землицу полил.
Чтоб воздала она: успевай, не ленись!
Вот земля, не во сне и не в долг!
Поработай как надо, и сделаешь жизнь! —
Верил дед и работал, как мог.
Труд, по праву, ценил он превыше всего,
И людей различал по труду...
Урожаем землица дарила его
И в скупом на погоду году.

когда судьба по следу
шла за нами
... так сумасшедший
с бритвою
в руке...

1949
1950
1947
1948
1945
1946
1953
1952

СПРАВКА. Дело по обвинению СОСКИНА Романа
пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда
5 января 1938 года. Приговор Военной Коллегии от
СССР 29 июня 1938 года в отношении СОСКИНА Р.И. по вновь
открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсут-
ствием состава преступления прекращено.
СОСКИН Р.И. реабилитирован посмертно.
8 января 1957 года.

1958
1959

Оформление Ольги Горячевой

Валентина СОСКИНА

НЕОБРАТИМОЕ

Памяти отца моего, Романа Соскина,
первого секретаря райкома партии
Оршанского района, члена ЦК КП Белоруссии,
делегата XVII съезда партии

«Лейся, песня, на просторе, не скучай, не плачь, жена!
Штурмовать далеко море посылает нас страна...»

Привычная мелодия за стеной. Я открываю глаза. Лучик маленький, как зайчишка, заскочил в мою комнату и исчез. Качнулись занавески.

«Курс на берег невидимый, бьется сердце корабля,
Вспоминаю о любимой у послушного руля...»

Это панина любимая песня. Каждое утро он проигрывает эту пластинку. Милый мой папа, как я люблю тебя. Мама говорит, что я — копия отца, особенно глаза. Глаза у моего папы серые, нежные, ласковые, особенно когда он, забыв обо всем на свете, играет с нами.

Нас три сестры: Лена, Дина, Валя. Валя — это я. Я — младшая! У меня свои привилегии. Вот и сейчас Лена и Дина уже в школе, а я еще сплю. Нет, я не сплю, я думаю: вставать или не вставать? Но мама говорит, что нужно вставать сразу же, не раздумывая. Быстро вскакиваю с кровати и бегу в комнату папы.

Ну конечно, папа уже готов к зарядке. Он марширует. Становлюсь за ним и начинаю шагать. Потом мы идем умываться. Я очень люблю смотреть, как умывается папа. Говорят, что человек аппетитно ест, а мой папа аппетитно умывается: шумно, звонко и, похлопав ладошками, обрызгивает меня. Я стараюсь подражать ему: тоже хлопаю.

Потом мы завтракаем, папа, мама и я, и отправляемся на работу. Папа в райком, он — секретарь райкома партии; мама к себе в библиотеку, а я в детский сад.

В детском саду передо мной выстроилась целая очередь. Я — герой дня. У меня на левой ноге оказался птичий ноготь. Всем хочется посмотреть на это чудо. Сегодня в обед все мне что-нибудь отдают, а вечером все хотят попасть ко мне в гости. Папа доволен, он любит детей, он всем нравится, и я счастлива. Потом он подходит к Лене и Дине, берет со стола альбом. В этот альбом Лене все девочки и мальчики пишут всякие стихи. Сюда же Лена пишет стихи свои собственные. Я все ее стихи знаю наизусть. Я слежу за папой и мысленно читаю с ним.

БОРЦАМ ИСПАНИИ

*И в окопах, и в отрядах, и в тылу
борись смелей,
Завоеешь счастье, радость, как и мы.
От меня, мой друг испанец,
От меня привет прими.*

Папа улыбается довольный. «В меня дочка», — говорит он, а сам уже листает дальше альбом. Вдруг лицо его хмурится.

— Нет, нет, это неверно, совсем не так, — говорит он и быстро что-то пишет в альбом. Лена читает. Оказывается, в альбоме было написано:

*Юность мчится, словно поезд,
Только разница одна:
Поезд мчится, возвратится,
Наша юность никогда.*

Папа сделал приписку:

*Лишь теперь возвратилась наша
юность,
Юной стала вся страна.*

Я люблю слушать папу. Он мне кажется большим и сильным, справедливым и красивым.

Я так увлеклась историей с альбомом, что совсем забыла про подружек.

Когда же я про них вспомнила, мне показалось, что они чем-то напуганы. Они стали быстро прощаться и ушли.

И вот я собираю игрушки, поднимаю свою красавицу куклу-москвичку с закрывающимися глазами — глаза у нее выкатываются, ноги отпадают...

Мой рев наполняет все уголки нашей квартиры. С погибшей куклой в руках я бегу к маме.

— Перестань плакать, — говорит спокойно мама. — Кукла не стоит таких слез.

— Нужно быть великодушной, — говорит папа. — Девочек не ругай. Им сейчас хуже, чем тебе. Завтра в детском саду скажи, что ничего страшного не случилось.

...Вот, кажется, я готова была умереть от горя, а сейчас у меня радость. Папа получил путевку в санаторий, но поехать не может, поэтому поедет мама с детьми! Ура! Мы едем в санаторий.

Ой, как нам везет! В санатории много интересных людей. Здесь отдыхают белорусские артисты. Быть актрисой — моя давнишняя мечта. Я люблю подражать. Посмотрю кинофильм, например, «Юность Максима», ложусь на пол и воображаю, что я у реки, в руках у меня гитара, я пою: «Люблю я летом с удочкой на берегу сидеть». Это я подражаю Чиркову. Все смеются и говорят, что из меня выйдет толк. Кто-то замечает, что толк выйдет, бестолочь останется, я не обижаюсь.

Здесь, в санатории, я знакомлюсь с сыном Александровской. Я ее часто слышала по радио. Она пела:

*Янка стань у горы,
А я стаю у долины,
Янка сеить кавуны,
А я журавыны.*

Сын ее веселый и шалун. Мы мчимся с ним на волейбольную площадку и он кричит своей маме, играющей в команде:

— Сколько будет дважды двадцать пять?

Она отвечает:

— Пятьдесят.

— Привет тебе от поросят! — кричит он в рифму, и мы убегаем. Александровская смеется нам вслед.

Мне вообще везет на интересные встречи. Еще до санатория, прошлым летом, к нам в город Оршу приехал негр с сыном Джимином. Они остановились у нас. Мы весь день ездили по городу, были в детском доме, в пионерском лагере, где наша Дина-пампушка танцевала в кругу и пела с подружками:

*Мы — Матрешеньки,
мы круглешеньки,
Глаза кругленькие,
сами пухленькие...*

Было очень смешно, потому что все хороводницы были в роде нашей Дины, да еще пели: пухленькие да кругленькие.

Джимикю возле дарили много игрушек, а я ему ничуть не завидовала. Мы целый день провели вместе. Вот и сейчас, в санатории, так все интересно. На веранде по вечерам собираются настоящие белорусские артисты, мы окружаем веранду и просим «Меланью», они смеются и начинают петь:

— Меланья, Меланья! Голубка моя!
Когда же я снова увижу тебя?

Это поют мужчины. Женщины отвечают:

— В понедельник.

И снова мужчины:

— Ах, если бы был понедельник всегда,
Тогда бы я видел, Меланья, тебя.

Меланья!

И снова тот же вопрос, в ответ раздается:

— Вторник!

И так без конца, пока не переберут все дни недели. Голоса у них хорошие, вечер ясный, и так легко и радостно на душе.

А скоро будет «Большой концерт». Я никому ничего не говорю, иду на репетицию и сообщаю, что тоже хочу выступать. Ура! Меня включают в концерт...

И вот вечером, в середине концерта конференсье объявляет:

— Товарищи! Сейчас перед вами выступит заслуженная артистка БССР, которая только что оторвалась от соски и фамилия ее Соскина.

В зале смех, аплодисменты. Меня выносят на руках и ставят на стул. Я начинаю читать:

Целый день сынишка пропадал.
Прибежал, за ним толпа ребят.
— Мама! Я сегодня Сталина видал,
Я ходил с отрядом на парад.
Он и в книжке у меня такой.
Он махал нам весело рукой.
Черные большие рупора
Подхватили дружное «Ура!».
Мы прошли немножко в стороне.
Флаг нести мне дали одному.
Мама, Сталин улыбнулся мне,
А Володька спорит, что ему.
Самолеты в небе высоко.
Прилетели к нам издалека,
Стали в буквы быстро и легко:
«Сталин» — мы прочли на облаках.

Под гром аплодисментов я спрыгиваю со стула и бегу за кулисы.

Так весело — не может быть лучше. И вдруг лучше — к нам в санаторий приезжает папа. Ура! Папа, папочка! Я бросаюсь к нему и не оставляю его ни на минуту. Я рассказываю обо всем сразу: о том, что я научилась есть макароны, как Чарли Чаплин, что я заслуженная артистка БССР и что в санатории много хороших людей.

А вечером папа уезжает и я начинаю рыдать.

— Папочка, не уезжай!

Я цепляюсь за папины брюки и не отпускаю его. Папа уговаривает меня. Потом зареванную быстро отдает маме и, поцеловав всех, уходит. Я не успокаиваюсь. Я задыхаюсь от горьких, горьких слез, и у меня начинается жар.

Чемоданы собраны. Поезд, дороги, рельсы, деревья, вокзал... И вот мы дома. Мама открывает дверь ключом и мы входим. Пусто, никого нет. Мама звонит по телефону в райком и ей сообщают, что папа вызван в Минск. Мама вызывает Минск. Лицо ее становится серым. Она тяжело садится на стул и смотрит в пол:

— Папу арестовали...

Маме плохо. Лена и Дина уходят в детскую. Я ложусь с мамой, но не могу уснуть. Мне страшно. Вдруг в дверях, прямо передо мной, я вижу маленького старичка, с наперсток величиной. Он кивает мне головой и смотрит на меня в упор.

— Мамочка, — шепчу я, — там старик пришел.

Но в это время старик исчезает.

— Спи, доченька, — говорит мне мама, — никого нет.

Она притрагивается рукой к моему лбу. Я чувствую жар ее руки, и мне очень жалко маму.

«Где мой папочка?» — думаю я и со слезами, выплывающими из глаз, мгновенно засыпаю.

Мне видится длинная очередь. Тихо, медленно люди продвигаются вперед... Вдруг все смешивается, шум, и я лечу куда-то вниз вместе с кроватью. Потом взлетаю вверх, и снова очередь тихо движется, а из-за угла выглядывает старичок и улыбается:

— Я — Галлюцинация!

Мама ведет меня в детский сад. Мы всю дорогу молчим. Мамина горячая рука крепко держит мою. Нам попадаются навстречу знакомые, они почему-то отводят глаза. Я смотрю на маму и вижу: губы ее сжаты, голова гордо откинута назад.

— Мамочка, за что арестовали папу?

— Не знаю, доченька, разберутся. Папа наш честный человек. Его скоро отпустят.

«Папочка, папка, хороший мой!» — думаю я и вспоминаю.

Вот папа выступает с докладом в кинотеатре. Говорит горячо, его слушают внимательно, его даже передают по радио, и я горжусь им. Мой папа кировец. Я не знаю, что это значит, но только это очень хорошо. Лена всегда говорит: «Наш папа большевик». Нет, папу, конечно же, скоро выпустят. Это при царе он сидел в тюрьме. А сейчас кругом свои.

Мои мысли прерывает голос мамы:

— Вот детский сад. До свидания, доченька.

Я целую маму и привычно распахиваю дверь детского сада...

Здесь меня встречают странно. Со мной не играют, на меня косятся.

— Витя, — говорю я своему дружку, — почему все на меня так смотрят?

— Моя мама говорит, что твой папа очень хороший, а никакого не враг народа...

— Враг народа? Почему враг? Мой папа — враг?

Слезы душат меня.

— Идем со мной, — говорит мне воспитательница.

Она уводит меня к столикам. Мы садимся. Она некоторое время молчит. Потом очень мягко, как будто боится обидеть меня, говорит:

— Передай маме, чтобы она тебя больше не приводила в детский сад.

— Хорошо.

Я встаю и направляюсь в раздевалку.

— Сегодня ты можешь пробыть до конца дня, — говорит она мне вслед.

Я ухожу не оглядываясь. «Сами вы все враги народа», — думаю я зло...

По улице я бегу не останавливаясь. Вот сейчас откроется дверь, и папа дома. Сердце бьется. Я взлетаю по лестнице. Звоню, звоню, звоню... Открывает дверь какая-то незнакомая тетя.

— Вы кто? — спрашиваю я.

— А ты кто? — отвечает она.

— Я здесь живу, — хмуро сообщаю я.

— Тогда проходи. Не стой в дверях. Мы — ваши новые соседи. Для четверых у вас многовато места. Так-то!

Не нравится мне эта тетя. Я закрываю глаза, открываю в надежде, что она исчезнет... Но она не исчезает. Тогда я вхожу.

— Тебе сюда, — говорит она мне.

Иду в детскую. Здесь Лена сидит одна.

— Леночка, — шепчу я. — Что значит враг народа? Почему меня прогнали из детского сада? Что там за тетенька у нас в квартире?

Лена вскакивает, хватает меня и прижимает к себе.

Маму уволили с работы. Она больше не заведует библиотекой. Теперь она швея. Дома у нас пусто и скучно. Мамина подруга тетя Рая даже по телефону боится звонить. Соседи с нами не разговаривают. Я хожу в школу

в первый класс, хотя по возрасту мне еще ходить в школу рано. Долгая, долгая зима. Каждый день одно и то же. Мы ждем папу. Мама ездит в Минск, возит ему передачи. Ждем.

И вдруг однажды вечером раздается звонок. Мы уже отвыкли от звонков, к нам никто не ходит. А тут пришел гость. Мама ему очень обрадовалась. Мы сидим в детской. Меня просят прочесть стихи. И я читаю:

...Один лишь маленький, один билет потерял,

А в деле партии зияющий провал...

А потом я сообщаю, что это неправильные стихи. Гость спрашивает меня:

— Почему?

— Потому что из-за одного человека партия не может погибнуть.

— Кто тебя этому научил? — спрашивает гость улыбаясь.

— Лена! — гордо отвечаю я.

Мама и гость смеются. Он садит меня на колени и гладит по голове.

Я сижу у него на коленях. И пусть он очень ласковый и добрый, и пусть мама впервые улыбается за эту зиму, и пусть он даже мне нравится — все равно мне неудобно у него на руках, потому что удобно было у папы. И я тихонечко сползаю с его колен и сажусь рядышком с мамой.

Когда гость прощается и уходит, я спрашиваю у мамы, что это за дядя такой хороший и почему он не побоялся к нам прийти.

— Это настоящий человек, — говорит мне мама. — Запомни — Янка Купала.

Каждый день я прибегаю в мамину швейную мастерскую. Мне там нравится. Вбежишь в дверь и сразу за углом — мамина машина. Шум стоит какой-то необыкновенный. Здесь я узнаю новое слово: поток. Вот одна мастерица делает какие-то швы и передает лоскутки другой, другая пришивает пуговицы, третья гладит... И все так ладненько. Все швей мне нравится, только я не люблю, когда меня жалуют. А они часто говорят какие-то жалкие словечки.

Ночью я сплю всегда с мамой. Утром просыпаюсь, а мамы уже нет — она ушла на работу.

В это утро я просыпаюсь, как обычно, но почему-то спрашиваю:

— А где мама?

— Маму арестовали, — говорит мне Дина.

— Нет, ты врешь, врешь! — кричу я ей.

Я хватаю платье, надеваю его наспех и мчусь в швейную мастерскую. «Сейчас, сейчас я увижу маму...» Вбегаю... а мамы нет.

— Где мама? — спрашиваю с отчаянной надеждой. Швей смотрят на меня растерянно. Я выбегаю на улицу.

— Бедные дети, — слышу я, убегая.

Я бегу домой. Я на что-то надеюсь, я надеюсь, я надеюсь...

Дома застаю каких-то военных.

— Собирайтесь, — говорит нам один из них. — Папа и мама ждут вас в Витебске. Мы вас отвезем.

Я уже совсем хочу обрадоваться, но по глазам Лены и Дины вижу, что они не верят, и тоже начинаю сомневаться.

— А это правда? — спрашиваю я.

— Разве я буду вас обманывать, — говорит военный.

Мы быстро собираемся. Потом они что-то наклеивают на дверь нашей комнаты, что-то поджигают, что-то шипит.

— Сургуч, — говорит Лена. — Квартиру опечатывают. А зачем это?

— Так никто сюда не войдет, а то, пока вы ездите, вас ограбить могут.

Мы выходим на улицу, садимся в машину, едем... Но не проходит и пятнадцати минут, как машина останавливается. Шофер выходит и долго копаются в машине, а мы

сидим и ждем. Потом он садится, но не закрывает дверцу, а говорит:

— Машина вышла из строя. Ее надо в ремонт.

— Придется выйти, — обращается к нам военный.

Я оглядываюсь вокруг, и...

— Лена, — шепчу я, — это детдом. Мы здесь были тогда, помнишь, с Джиммиком.

Ах да, Лена не помнит. Они тогда с Диной были в лагере.

— Не выходим, — приказывает нам Лена и добавляет укоризненно: — Вы обещали, везите нас в Витебск к маме и папе.

— Но машина сломалась. Мы не можем ее ремонтировать, когда в ней люди. Придется все-таки выйти и остаться здесь, но я вам обещаю, что это только на одну ночь...

Прошел уже месяц, как мы попали сюда. Мы возвращаемся с Днепра, на линейке объявляют распределение по детдомам.

Мы попадаем на Украину.

Поезд довозит нас до Корыстовки Кировоградской области. Машина доставляет в село Ясиноватка.

Вот наше новое жилье. Огромная территория обнесена высокой стеной.

— Здесь была раньше колония, — отвечает на вопрос Лены шофер.

Нас распределяют в разные спальни... по возрасту.

Мне — 7 лет, я попадаю в спальню семилеток.

«Скаблуха» — какое странное слово.

Верховодит в спальне девочка с тонкими губами, светлыми прозрачными глазками, высоким скрипучим голосом: Клавка Регина-скаблуха (так все ее называют).

В первый же день она отбирает у меня мое домашнее шерстяное платье-матроску и надевает на себя. Я облачаюсь в детдомовскую одежду.

Все поступают только так, как хочет она. Никто не смеет противиться. Я пытаюсь не слушаться ее. За это ночью меня посылают к речке ловить пиявок. Иду. Ставлю ногу в речку и жду, пока присосется пиявка, потом отдираю ее от ноги и кладу в банку с водой. Так я насобирала девять пиявок и, гордая своей смелостью, вхожу в спальню.

Прихожу — все спят. Ставлю баночку на тумбочку возле кровати и мгновенно засыпаю, устала, но тут же просыпаюсь от ужаса и боли: вся банка воды вылита на меня, и по кровати, и по мне, изгибаясь, ползают черные пиявки, некоторые из них уже присосались к плечам, груди... Я отрываю их и реву. Все в восторге, смеются.

Я встречаю взгляд злых, маленьких глазок из-под белесых ресниц.

Клавка Регина довольна проделкой.

Во второй класс меня не взяли, потому что мне мало лет, а я еще должна переучиваться на украинский язык.

И вот я снова в первом классе. Учительница мне нравится: красивая, стройная украинка с каштановой косой, толстой-претолстой, уложенной вокруг головы. В конце урока мы все ей громко хором кричим:

— До побачення!

На уроках мне скучно: я уже все это знаю. Ведь первый класс в Белоруссии я закончила с похвальной грамотой. По всем предметам я получаю «видмінно» (отлично), а по поведению «погано» (плохо). После уроков я боюсь идти в детдом, потому что меня будут ругать за поведение. И я хожу за моей учительницей Верой Якимовной до тех пор, пока она не скажится надо мной. Она смотрит на меня мягкими, ласковыми глазами и, взяв дневник, исправляет «погано» на «видмінно».

Счастливая, я мчусь в детдом. Сердце поет!

Поем. В детском доме мы часто поем. Я научилась

многим украинским песням. На хоре затягивает Клавка Регина своим пронзительным голоском:

Из-за гир тай за високих
Сизокрыл орэл лэтить.
Нэ зломать тих крыл широких,
Тього лету нэ спинить...

Потом воспитательница рассказывает о Сталине. Она говорит о мальчишке, который, оказавшись в лесу, заблудился и подошел к обрыву. Он не мог перепрыгнуть огромный ров.

— Веди, наш Сталин, вперед,— воскликнул он, и ров сузился, и он легко перескочил его.

Теперь, когда я встречаю сельских мальчишек, а они дразнят нас инкубаторскими и всегда дерутся, я произношу мысленно: «Веди, наш Сталин, вперед, чтобы они меня не тронули». И с уверенностью прохожу мимо. Мальчишки не трогают меня.

На нашу спальню напала чесотка. Все чешутся, руки у всех в мелких водянистых прыщиках. Самых чесоточных отбирают и отправляют в изолятор. Я — среди них. Изолятор (домик) стоит один посреди большой украинской степи. Нас — семь человек. Намазали нас черной мазью, надели какие-то мазутные платья, и мы бегаем, похожие на негров, и все время чешемся.

По вечерам страшно. За окнами кто-то ходит и выкрикивает:

— Где нож, давай его сюда!

Нас пугают, кто-то шутит, но мы замолкаем в ужасе. Одни в степи семеро семилетних...

Утром приходит медсестра и смазывает нас снова черной мазью и, обмакнув ножницы в спирт, срезает экзему тем, у кого она появилась. Стоит рев. Так продолжается несколько дней. Затем нас ведут в баньку и отпускают в спальню.

Лена, моя сестренка. Она все время жалеет меня, старается мне помочь чем только может. Но я ее гоню, потому что совсем забрать к себе она меня не может, а после ее прихода Клавка Регина всегда начинает издеваться:

— Ах, неженка! Ах, сестра. Ах, сю-сю.

И все опять принимаются смеяться и кривляться. Я боюсь Клавку и злых насмешек девочек и гоню мою хорошую, мою родную Лену. Я говорю уже только по-украински. Гляжу на Лену и Дину и зло кричу:

— Идти вид мэна, може я нэ хо, якого чорта!

Но когда они уходят, передо мной встает обиженно-печальное лицо Лены, и, уткнувшись куда-нибудь в угол, я тихо, заунывно плачу.

Лена понимает меня. Когда утром мы делаем зарядку на улице, она останавливается на секунду, смотрит на меня и проходит мимо.

И вот однажды радостная весть. От тети Аси из Могилева пришло письмо. Она прислала еще и посылку. А главное, в письме своем она сообщает адрес мамы.

Мама в ссылке в Казахстане, но у нее есть право переписки, и мы можем ей писать. Радость! Радость! Радость!

И пусть Клавка Регина отбирает все мои сладости из посылки, я счастлива — пошла моя мама, моя черноглазая красавица. Мама Юлия очень красивая. Волосы у нее лежат черными волнами вокруг головы, а самое прекрасное — это мамины две родинки: одна над верхней губой, другая на этой же стороне под глазом. Полная, свежая, она запомнилась мне в зеленом модном пальто и в зеленом берете. Моя мама, мамочка моя Юлия нашлась!

Сегодня мы едем в Корыстовку. Мы будем фотографироваться и вышлем фотокарточку маме. Нам выдают сухой паек на день, и мы втроем: Лена, Дина и я — уезжаем.

Директор детдома дает нам разрешение и свой адрес. Если мы устанем, мы можем зайти к нему домой и отдохнуть.

Мы нашли маму, мы едем фотографироваться, день

мы будем вместе, день я не увижу Клавку Регину. Жизнь все-таки хороша!

Находившись по городу, уставшие и голодные, мы еле-еле добрались до дома директора детдома... Нас встречают вежливо, но холодно. Мы просим разрешения поесть свой холодный паек. Нам разрешают.

Пока мы едим, я замечаю, что у Лены портится настроение.

Я спрашиваю:

— Что с тобой?

— Потом,— отвечает мне она.

Когда мы, простившись, выходим, Лена говорит:

— Дина, ты обратила внимание на их кровати?

— Ага, там наши подушки. Я их хорошо знаю.

— Точно,— говорит Лена.— Подумать только, взять у детей. Я вспомнила, как директор говорил мне, что спать в детдоме на своих подушках не разрешается...

— А зачем тогда он дал нам свой адрес? — спрашиваю я.— Мы бы не увидели никаких подушек.

— Да ну их, эти подушки,— говорит Лена.

День все равно испорчен.

На весенние каникулы нас, семилеток, отправляют в лагерные палатки.

Здесь свежий воздух, речка рядом. Но всю жизнь портит Клавка Регина. Прямо не знаешь, куда от нее деться. Вот и сегодня. Я очень не люблю змей, они вызывают во мне отвращение. Клавка приказывает мне взять ужа и обмотать вокруг себя. Я знаю, что уж не жалит, но мне противно. Тогда она, схватив ужа, заталкивает мне его за пазуху. Я достаю ужа, а он, скользкий, извивается у меня в руках. Чувствую, как тошнота подступает к горлу. Я убегаю в палатку и, упав на постель, рыдаю от обиды. Я больше так жить не могу...

Вдруг рядом со мной кто-то садится и гладит по голове. «Лена»,— думаю я и оборачиваюсь. Нет, возле меня сидит девочка из нашей спальни — Галя Веракса, она из Бурят-Монголии.

— Нам всем плохо,— говорит она.— Ты знаешь, девочки все обозлились. Сегодня вечером свергаем скаблуху.

Слезы высыхают. Радость наполняет меня. Даже не потому, что будут свергать Клавку Регину, а потому, что рядом со мной первый друг в детдоме.

Я обнимаю Галю. Мы вместе бежим к речке. Вместе — это уже не одна.

Вечером в палатке идет суд над скаблухой. Кровать ее разоряют, из тумбочки извлекают все, что она отбирала в течение почти целого года. Все кричат, смеются, издеваются теперь уже над ней. Она же молчит, зло плачет у себя в углу. Власть ее кончилась.

«Кто же теперь будет скаблухой?» — думаю я перед сном.

Жизнь без скаблухи кажется невероятной.

Ночью разражается гроза. Молнии разрезают темноту каждое мгновение. Гремит гром, как будто над головой кто-то перекатывает огромные бочки по железной крыше. Что-то трескается, стреляет, вспыхивает, и кажется, что сейчас загорится наша палатка. Воеет ветер, хлещет по палатке дождь. Жутко...

Вдруг вбегает в палатку Лена и, не дав мне сказать ни слова, утаскивает меня к себе. Я тоже, ни слова не говоря, ночью, когда она засыпает, выскальзываю из кровати и убегаю в лагерь: я боюсь больше насмешек девочек, чем грозы. Да и именно в эту ночь я не могу быть в тепле, когда моя Галя Веракса там, в палатке...

Думы мон, думы мон,

Льхо мэни з вами.

Чом вы стали на папири

Сумными рядами...

Это наша любимая песня с Галей. Мы знаем, что она написана на слова украинского поэта Шевченко. Слова и мелодия так соответствуют нашему настроению.

У Гали тоже арестован папа, а где ее мама, она еще не знает. Ей хуже, чем мне. Я крепче обнимаю ее, мы ходим по аллее сада и поем:

Идти, дити, на Украину,
На ридну Украину,
По пид тыну сиротами,
А я тут загину...

Мы замолкаем. Каждый думает о своем. Нам грустно и хорошо.

Потом мы говорим, говорим с ней о том, что другие девочки совсем не помнят родителей, что они всю жизнь в детдоме... Это как открытие. Я забываю насмешки, зло, что они мне причинили, и мне их жалко. Как это страшно — всю жизнь без мамы, в детдоме. Нет, я не хочу. У меня есть мама, я хочу к ней. А может быть, мама уже отыскала папу?..

Первый класс я закончила вновь с похвальной грамотой, да меня еще награждают лыжами. Лена просит вместе лыж разрешить мне поехать с ней в Могилев. Лена закончила седьмой класс, а значит, окончила детдом. Она может уехать, куда хочет. Мне разрешают поехать погостить на родину.

Я еду в Белоруссию. Я очень рада, но я решаю твердо: что бы со мной ни случилось, в детдом больше не возвращаться. Мы едем вдвоем. А как же Дина? Мы ее оставляем одну?..

— Уезжайте,— говорит она нам,— а я буду писать маме, чтобы она меня забрала к себе. Может, ей разрешат взять одну дочку.

— Будем писать,— говорит Лена.

— До свидания, Дина,— кричу я, когда поезд трогается, и мысленно добавляю: «Веди, наш Сталин, вперед, чтобы я никогда сюда не вернулась».

Последнее, что я вижу на перроне — печальные глаза Гали Вераксы.

Я думаю под шум поезда: «Прощай, Галка! Я больше сюда не вернусь. Пусть ты найдешь свою маму, пусть тебе будет хорошо». Потом я вспоминаю Клавку Регину, и холодок страха проползает по спине. Я высовываюсь в окно и кричу назло своему страху:

— Клавка Регина — дура! Я ее не боюсь! — И долго хохочу, подставляя ветру лицо.

Мы идем по улицам Могилева. Мы идем к нашей тете. Могилев разделен Днепром как бы на две половины. Одна половинка — просто Могилев (город), другая — Луполово.

Наша тетя живет на Луполове. Я вспоминаю, что один раз была уже здесь. Мы приехали, все три сестры с мамой, в гости к тете, маминной сестре...

Здесь на углу живет мальчик, помню, что я ему нравилась тогда. Я прошу Лену:

— Идем быстрее!

Волосы мои острижены наголо. Руки чешутся. На лбу красуется огромный чирый... Мы быстро проходим этот дом. Я с облегчением вздыхаю.

Вот и тетина калитка. Мы стучим... Тетя сбегает со ступенек крыльца, открывает нам калитку и начинает плакать.

— Бедные, бедные мои!

На крыльцо выходит дядя. Из-за спины его выглядывает черная кудрявая голсва моей двоюродной сестры Ани.

— Перестань их оплакивать. Они живы и здоровы. Приглашай их в дом,— говорит дядя.

— Я в детдом больше не поеду,— сообщаю я на ходу.

Тетя молча, растерянно смотрит на дядю.

— Она остается у нас,— спокойно говорит он.

Дядя мне нравится. Я восторженно смотрю на него.

Лена решает пойти работать на завод копировщицей и учиться в вечернюю школу в восьмой класс. Она будет

жить у другой маминной сестры; по ту сторону Днепра, в городе.

Утром следующего дня мы идем в милицию. У меня есть старенькая бабушка — папина мама. Жить я у нее не могу, но в милиции мы говорим, что я хочу остаться у бабушки. Тетя отдает начальнику милиции паспорт бабушки и ее подпись, что она согласна взять меня.

Начальник милиции долго рассматривает паспорт, потом меня и говорит:

— Оставьте нас одних.

Все выходят.

— Как тебя зовут, малышка? — спрашивает он.

— Валя.

— Что же ты, Валя, делаешь, извини, такую глупость. Как ты будешь жить у такой старой бабушки. Тебе же за ней придется ухаживать. А тебе надо учиться. В детдоме лучше...

— Лучше?

Я больше ничего не слушаю.

— Умру под забором, в детдом не поеду,— выпаливаю я, да еще как зло.

Он растерянно смотрит на меня. Качает головой. И не сказав ни слова, подписывает документ.

— Будь счастлива,— говорит он.

— Спасибо.

Я выхожу из кабинета. Прощай, детдом!

Тетя меня поместила в отдельную комнату. Эта комната находится прямо за кухней. От печки в комнату выходит теплая лежанка. В комнате две кровати, но временно в ней нахожусь одна я. Тетя купила все ту же черную мазь и теперь каждое утро смазывает меня этой мазью. Я никуда не выхожу, ко мне никто не входит...

Из-за двери ко мне летит записка и я слышу голос Ани:

— Правда, всю таблицу умножения тебе еще рано учить, но от скуки чего не сделаешь. Проверим, какая у тебя воля.

Потянулись однообразные дни: смазывание, еда, зубрежка, и так без конца. Все это начинает мне надоедать, мне кажется, что я в тюрьме.

Наконец меня купают в кладовке, надевают чистое белье и какое-то симпатичное платье, и я мчусь к Ане.

— Спрашивай! — говорю я ей гордо.

Она неумоимо гоняет меня по всей таблице и говорит улыбаясь:

— Молодец! Воля у тебя есть. Будем дружить.

Но мы не подружались...

В школе меня выбирают старостой класса, неизвестно почему, ведь я новенькая.

Я же полна рвения. Перед каждым уроком заставляю ребят стоя ждать Ольгу Григорьевну. Если кто-нибудь не подчиняется мне и пытается сесть или разговаривать, я, не задумываясь, больно бью чем попало всякого без разбора. Чувствую, что меня боятся. Откуда это у меня взялось?

Ну, прямо Клавка Регина-скаблуха.

Учиться меня ожидала ее же. На собрании весь класс обрушился на меня, и с позором я перензбрана. Вот так нам и надо — скаблухам. Что-то во мне испортилось, как в той моей поломанной кукле. Характер надо менять.

Я медленно бреду по улице из школы. Мне плохо, плохо, плохо. Вдруг я вся встрепенулась, сердце забилось: впереди в зеленем пальто идет женщина.

— Мама,— кричу я и бегу, бегу за ней, догоняю, обгоняю, заглядываю с бешеной надеждой ей в лицо...

Нет, это не моя мама. Совсем раскисшая, бреду домой...

Школу я заканчиваю отлично. Ура, начинаются каникулы.

Каждый вечер я выбегаю на улицу. Мы собираемся

в соседнем дворе и играем в разные игры: классики, лапту, прятки. Здесь появились гости из Москвы — брат и сестра. Брата зовут Игорь, сестру Оленька. Оленька младшая, капризная девочка. Игорь старше меня на год. Они так красиво акают. Я слушаю их с удовольствием. Мне хочется научиться говорить, как они. А я говорю на тарбарском языке: русские, белорусские и украинские слова — все перепуталось в моей голове. Я стыжусь своей речи, а Оленьке нравится. Правда, я ей не верю. По-моему, она хитрит.

Почему-то перед выходом на улицу я долго рассматриваю себя в зеркале. Все мне во мне не нравится: глаза какие-то серые, нос длинный, веснушки...

А Игорь такой красивый, но мне все равно хочется, чтобы св. никого, кроме меня, не замечал. Мне почему-то кажется, что так оно и есть...

Тетя Римма — Оленькина тетя — учит Олю вышивать. Однажды Оля прибегает ко мне и капризно заявляет:

— Будешь со мной учиться вышивать, так и я буду. Вот. Я так тете Римме и сказала. А то одной скучно.

— Нечего капризничать. Я и так без капризов твоих буду учиться.

Так все лето мы с Оленькой учимся вышивать...

В этот день я пришла, как всегда, на урок. Тетя Римма попросила меня подождать. Она после купания расчесывала Оленьке косы.

Я присела на диван. Подошел Игорь и сел с другого края. Мы сидели и слушали радио.

— Хорошая песня? — пододвигаясь ко мне, сказал он.

— Мне нравится, — ответила я.

Он снова подвинулся поближе. Потом вскочил и чмокнул меня в щеку. Я убежала. Урок вышивания не состоялся...

Зато теперь на улице по вечерам мы не смотрим друг другу в глаза. Все стало как-то просто, у нас появилась тайна.

Лето подходит к концу. Скоро уезжают москвичи. На углу нашей улицы стоит школа слепых детей. С Оленькой мы случайно заглядываем во двор и видим огромные гиганты.

— Ой, как хочется прокатиться, — тянет Оленька.

— Давай найдем, — говорю я.

Мы входим во двор. Никто нас не гонит. Сначала я боюсь слепых ребят, потом становится их жалко: ведь они совсем ничего не видят. Оленька как ни в чем не бывало вовсю разговаривает с ними. И вот мы становимся друзьями. «Что бы сделать для них?» — думаю я...

Тетя всегда запирает от меня буфет на ключ. Я понимаю, что она думает, что я что-нибудь утащу из буфета. Ну, конечно, я же была в детдоме...

Как раз сегодня я вижу, что в буфете торчит ключ. Интересно, что там? Я подхожу, открываю дверцу и вижу вазу, полную конфет. Я набираю полную горсть конфет и бегу в школу слепых.

Я раздаю конфеты своим новым друзьям. Сколько радости у них и у меня. Счастливая бегу домой.

— Тетя, — кричу я в восторге, — я отнесла...

Из комнаты выскакивает Аня.

— Воровка! — говорит она и больно бьет меня по лицу.

Я молчу и даже не плачу. Мне их жалко, они не хотят меня выслушать и понять.

— Даже не покраснела, бессовестная, — шипит Анька.

— Ее приютили, пригрели, — это уже тетя.

— Змею пригрели...

Третий класс... Что-то в этом году меня опять выбрали звеньевой. Я решаю быть настоящим командиром. Я вспоминаю, как папа говорил, что он — кировец, как он плакал, запершись у себя в кабинете, когда убили Кирова, и решаю: «Я — тоже кировец!»

Мое звено не жалуется на меня. Я всем помогаю, ни на кого не сержусь... Мы готовим со звеном сказку Пуш-

кина «О рыбаке и рыбке», где я играю рыбку. Сами делаем костюмы. Нам помогает студентка-практикантка.

Среди зимы вдруг начинаются сильные морозы. Потом в магазинах появляются очереди. Я долго стою на морозе на улице за постным маслом. Все обеспокоены. Ведь совсем еще недавно хлеб в фургонах развозили по домам и говорили, что это первые признаки коммунизма.

Но все внезапно разъясняется. Оказывается, началась финская война. Тетя плачет: ее сын Яков на фронте... Она то и дело смотрит на его фотографию и что-то шепчет, как будто молится или колдует. И Яков приезжает домой. У него обморожены ноги. Он лежит все время в постели. После школы, когда уроки выучены, я люблю сидеть возле него и слушать его рассказы. Я пою ему смешные песенки, чтобы он забывал про боль.

Сидели два медведя

На берегу реки.

Один читал газету,

Другой стирал носки.

Итак, они сидели

На берегу реки.

Один стирал газету,

Другой читал носки.

— Валя, дай человеку отдохнуть, — кричит мне тетя.

— Нет, нет, мама! Пусть она побудет со мной. Она мне не мешает, — отвечает Яков и подмигивает мне.

Через два месяца Яков поправился и уехал в Ленинград в военное училище.

И вдруг новое событие. Неожиданно с сопровождающим из детдома появляется Дина.

— Дальше я ее не повезу, — заявляет сопровождающий.

— Мы с удовольствием бы ее оставили у себя, но трудно с питанием. У нас ведь своя семья и еще... — начинает тетя.

— Да я и не собираюсь оставаться. Мне разрешили жить с мамой. Я поеду к маме, — заявляет Дина.

— Но кто же, кто тебя отвезет? — удивленно спрашивает тетя.

— Я повезу. Валю с Украины привезла, отвезу и Дину в Казахстан, — сообщает Лена.

Никто не возражает. Я радуюсь, что все так хорошо складывается, но завидую Дине и Лене, что они увидят маму.

Вечером перед сном в кровати я представляю Дину и Лену. Вот они разговаривают с мамой, обнимают, целуют ее. Я крепко зажмуриваю глаза и представляю маму Юлю...

Помню, мама купала меня, мы с ней смеялись, я плескалась, плавала. Мама вылавливала меня из воды, поливала из ковшечка, потом заворачивала в простыню и передавала папе. Папа нес меня в детскую. По дороге он напевал:

— Продается чистенький свеженький барашек.

Лена кричала:

— Покупаю!

— Нет, не продам, самому нужен, — смеялся папа и укладывал меня в постель.

Как-то на нас собрались гости. В кабинете у папы звучала музыка. Мне так хотелось посмотреть, что там делается, но я боялась, что меня заругают. Но все же решилась и вошла.

— Вот пришла моя дама, — сказал папа и пригласил меня танцевать...

— Нет, вы взгляните, — восторженно говорил папа. — Танцует же, а?

— Папочка мой миленький, где же ты? — шепчу я тихонечко и, уткнувшись в подушку, плачу.

Если вечером плачешь, утром обязательно случается что-нибудь хорошее.

В школе у меня радость. Меня пропустили на городской смотр. Я читала стихи о Чапаеве.

На городском смотре я волнуюсь ужасно. В зале пол-

но народу. Все разговаривают. Шумно, ничего не слышно. Я боюсь выходить. Кто-то меня подталкивает, и я оказываюсь на сцене. Передо мной огромная, черная дыра. Никого не видно, только шум, будто море ночью.

Стою и молчу. Чего это я буду читать, если они разговаривают. Потом чувствую, что мне их не переждать, и начинаю...

И почему-то вдруг становится тихо-тихо. Удивительно! Мне кажется, что я лечу куда-то и будто бы крылья у меня есть. Закончила читать, подошла к краешку сцены и вглядываюсь в зал: здесь они, люди, или нет? Слышу смех, а потом аплодисменты. Бегу за кулисы без оглядки.

Ну, уж если начались хорошие дни, значит, не один. Утром не успела я открыть глаза, как меня хватает, обнимает и целует Лена.

— Ну, ну же, Леночка! Ну, расскажи мне про маму.

— Мама живет в поселке Тогузак, — начинает Лена.

— Это я знаю. Расскажи, какая она?

— Разве ты не помнишь маму?

— Не знаю. Ведь уже прошло почти три года...

Лена смотрит на меня одно мгновение, потом весело продолжает:

— Казах маму называют Юла-столовой. Мама работает в столовой. Сначала ее поставили работать посудомойкой, но однажды повар заболел, некому было готовить обед, и мама вызвалась приготовить его. С тех пор в мамино дежурство в столовой полно народу. Все ее хвалят...

— Я тоже хочу увидеть маму, — капризно тяну я. — Когда она придет?

— Увидишь. Маме осталось еще два года ссылки. Потерпи, — вдруг как-то строго возражает Лена.

В воскресенье 22 июня мы у нас дома играли в фантики. Девочек было много. Я насобирала уже много фантиков.

Вдруг открывается дверь и вбегает тетя. Волосы у нее растрепались, она запыхалась. Сунув корзину с продуктами куда попало, она подбегает к радио и включает его.

По радио говорит Молотов.

— ...Немецкие фашисты вероломно напали на нашу страну... Они бомбят Киев, Одессу... Наше дело правое — мы победим.

Вечером тетя нарезает длинные полосы бумаги.

— Помогай нам с Аней, — говорит она. — Заклеим окна, а то при бомбежке, говорят, вылетают стекла.

Я намазываю длинные полосы крахмалом, а Аня наклеивает их крест-накрест на стекла...

Ночью я просыпаюсь от того, что становится светло, как днем. Выбегаю на крылечко, а там уже вся семья в сборе.

— Кажется, Минск горит, — говорит дядя.

— А сколько километров до Минска? — спрашиваю я.

— Двести будет, — отвечает он мне.

— И так видно...

Днем тетя целый день в хлопотах. Мы собираем какие-то вещи, грузим их на телегу. К вечеру в телегу впрягают корову, и, когда дядя приходит с работы, трогаемся в путь. Мы едем в деревню, потому что в городе много заводов и рядом с нами тоже завод. Жить в городе опасно. Везде только и слышно, что с минуты на минуту начнут бомбить Могилев. Все время воют сирены.

Мы едем долго-долго. В пути нас застает ночь. Тихо, ни облачка, ни ветерка. Только на душе тоскливо. Вдруг где-то позади как грохнет что-то. Я оглядываюсь и вижу, что там какое-то зарево. Снова грохот, но уже далеко впереди, и опять зарево.

— Ой, что это? — говорю я.

— Из огня да в полымя, — произносит тихо тетя.

Неожиданно над нами вспыхивает ракета. Дядя быстро сворачивает с дороги к лесу. Мы прыгаем с телеги и прячемся в лесок. Я сижу под каким-то кустиком в овражке. Мысли в голове ни одной, только вертится бессмысленная фраза: «Почему я не плачу? Почему я не плачу? Ну, почему же я не плачу?»

Светает. Мы выходим из леска, садимся в телегу и

едем дальше. Только дядя не садится, он идет рядом с коровой и поглаживает ее.

— Вот какая-то деревушка. Дальше не поедет. И так далеко заехали, — говорит дядя. Он куда-то уходит. Возвращается не один, а с какими-то дяденьками, и мы въезжаем во двор.

Мгновенно нас окружают. Все спрашивают, что в городе. Бомбят или нет?

— К вечеру вернусь с работы, все расскажу, — отвечает дядя. — О семье позаботьтесь.

Со всех сторон несут каравай хлеба. Тетя доит корову, и мы все вместе принимаемся есть...

Деревушка маленькая. За день сто раз уж ее осматрели. Все говорят бог знает какие страсти: фашисты будто бы жгут людей, даже детей, в могилу живыми закапывают... Тоска все крепче заползает в душу.

К вечеру возвращается дядя. Он рассказывает, что город бомбят, что там уже есть разрушения и жертвы...

Полужинав, рано ложимся спать. Все укладываются на полу. Я никак не могу уснуть: меня что-то кусает.

Вдруг снова взрыв и вся изба чуть ли не подпрыгивает вверх...

— Ох, здесь еще страшнее, — раздается в темноте тетин голос. — Завтра же поедем обратно. Умирать, так дома.

И вот мы снова в городе. Но мы не возвращаемся домой, а остаемся у дядиной родни подальше от заводов. Бомбят без конца. То и дело мы падаем на пол. Говорят, что воздушной волной может снести голову. В убежище под землей дядя запрещает ходить...

— Завалит живьем и погибнете. Сидите здесь. Чему быть, того не миновать.

Сам он каждый день ходит на завод, на работу, да еще заходит навещать дом. Я так шагу боюсь ступить. Мне кажется, что все бомбы так и норовят ударить именно в меня.

Каждый вечер, прежде чем укладываться спать, я мысленно произношу, как молитву: «Если мне суждено умереть, пусть меня убьет ночью во сне, чтобы я даже не успела проснуться».

Я так напугана, что если вижу на улице улыбающегося человека, я размышляю, сумасшедший он или шпион.

Сегодня на крылечке я замечаю, что в небе кружит немецкий самолет. Мы уже отличаем наши самолеты от фашистских. Наши самолеты гудят так ровненько, а немецкие прерывисто. Никого дома нет, все ушли в тот наш дом.

Наблюдаю за самолетом, задрав голову вверх, и жду, что вот-вот, сейчас он бросит бомбу. Потом, слышу, застрочили зенитки: недолет, перелет. И — шлеп, самолет вспыхивает и начинает гореть. Он медленно падает вниз, его относит в сторону. Мне кажется — в мою сторону. Я в ужасе начинаю пятиться назад, не спуская с самолета глаз. Кто-то меня хватается за руку. Я вскрикиваю и оглядываюсь.

— Лена! — кричу я, забывая про самолет. Но вдруг слышу, что воздух наполнен одним криком. Прислушиваюсь:

— Ура! — кричит, кажется, весь город.

Значит, не я одна следила за самолетом.

— Поедем к маме, — не то говорит, не то спрашивает Лена.

— К маме! К маме! — прыгаю я от радости.

Мы мчимся к тете.

— Мы едем к маме, — заявляет Лена.

— Правильно делаете, — отвечает ей дядя. — Вам тоже надо уезжать, — это он уже тете и Ане.

Он деловито раскрывает чемодан Лены, выбрасывает из него все, кроме фотографий.

— Барахло наживешь. Фотографии — память.

Дядя заполняет чемоданчик большими кусками сахара.

— С этим с голоду не помрете. Ну, с богом, удачи вам!

Тетя обнимает нас, заворачивает в мое зимнее пальто боты...

В летнем платье с пальто и ботами подмышкой я убегаю за Леной.

До моста мы доходим быстро, но через мост не пропускают. Бежим к берегу. Лена уговаривает отплывающих милиционеров перевезти нас в лодке. Один из них, такой голубоглазый, симпатичный, протягивает нам руку. Мы вскакиваем в лодку, и она отчаливает от берега. Я все время смотрю в небо.

— А вдруг бомбы, а мы посреди реки,— размышляю я вслух.

— Не бойся, детка, бомбы в воде не разрываются,— говорит мне симпатичный блондин. Я успокаиваюсь...

На том берегу через улицу Подвальную мы по лесенке поднимаемся в центр города и мчимся к вокзалу.

Наконец мы на перроне. Я чувствую, что у меня вроде бы сузились пальто. Смотрю, одного бота нет. Я выбрасываю и второй.

На пути стоит эшелон. Яблоку негде упасть. Народу тьма. Все рвутся в теплушки. Движемся вдоль состава.

Небо темнеет. Тучей над вокзалом летят немецкие самолеты. Мы прижимаемся к стене.

— Я боюсь, боюсь,— шепчу я.

— Не бойся, дочка, поезжай к нам в солнечный Казахстан,— успокаивает меня мой сосед у стенки.

— В Казахстан? А мы и впрямь туда едем,— говорит Лена.

— Ну, вот и хорошо. Поклонитесь от меня земле моей родной.

Пока мы разговариваем, самолеты пролетают. Мы облегченно вздыхаем и снова бросаемся к эшелону.

Оказываемся у какой-то будки, обходим ее и видим: тихо, спокойно к вагону, да не к теплушке, а к настоящему пассажирскому вагону движутся дети.

— Вы кто?— спрашивает Лена у первого попавшегося мальчика.

— Минский детдом,— отвечает он.

Лена вталкивает меня в очередь, сама становится рядом... Мы входим в вагон.

«Хоть бы скорей поезд тронулся...— думаю я.— Говорили ведь, что немцы будут в городе в шесть часов вечера, а сколько же сейчас?»

Наконец поезд трогается, набирает скорость... Мы в пути. Но не прошло и полчаса, как он останавливается. Под окнами нашего вагона раздается крик:

— Выходи! Все выходи! Немецкие самолеты!

Выскакиваем и мчимся в поле. Мы прячемся в густую рожь. Лена мне шепчет:

— У меня документы остались в поезде.

Я ее не понимаю. Лишь бы живому остаться, другой мысли нет...

Отбой. Мы садимся по местам, поезд снова трогается. Говорят, что под окном кричал военный. В нашем поезде везут раненых с фронта.

В пути происходит знакомство. Я, оказывается, всех младше, поэтому надо мной все подшучивают. Особенно старается мальчишка, смуглый, как цыганенок.

Я приподнимаюсь и брякаюсь головой о верхнюю полку... Мне больно.

— Есть такая примета,— говорит Мишка-цыганенок.— Кто головой стукнется об полку, на той голове бомба разорвется.

— На твоей голове бомба разорвется,— говорю я ему, а сама думаю: а может, в самом деле есть такая примета? Скорее бы Орша. Говорят, что за Оршей уже не бомбят...

— А скоро Орша?— спрашиваю я.

— Привет. Проехали уже.

— Проехали?

Я начинаю хохотать как-то по ненормальному. «Спасены, спасены»,— ликую я и сразу становлюсь общительной.

— А давайте сахар грызть, у нас сахар есть,— предлагаю я ребятам.

В дороге нас кормят соленой камсой, да еще каждый день. На каждой станции мы долго-предолго стоим— пропускаем эшелоны на фронт. Камса и сахар— вот все, что мы едим. Пить хочется, хоть плачь. Я смотрю в окно и шепчу:

— Деревце, дай мне попить. Милый колодец, дай нам водички!

Лена расстраивается, что она не может мне помочь. И все меня ругают за то, что я такой несносный ребенок.

— У вас золотой характер,— говорят ей ребята постарше.

— Дать бы ей по шее,— прибавляет Мишка.

Мы едем уже две недели. Подъезжаем к Пензе. Выходим из вагона, а здесь прямо на перроне стоят столы и тарелки, и хлеб. Всем раздадут суп.

— Не ешь много,— просит меня Лена.

Но я съедаю всю тарелку супа и прошу еще.

Сытые, счастливые, мы вползаем в вагон. Поезд вздрогнул и поплыл, поплыли и мы. Всем плохо. У всех болят животы. А меня так тошнит, кошмар один.

— Что, плохо?— спрашивает Лена.

— Не, ничего,— говорю я.

Всегда почему-то она бывает права, хоть бы один раз в жизни я.

На одной из станций недалеко от Казани Лена мне говорит:

— Здесь мы выходим.

— А почему здесь?— спрашиваю я.

— Нам к маме через Казань, а этот поезд свернет на другой путь.

— Куда вы? Поехали с нами. Пропадете, две девочки!— говорит воспитательница.

— Нет,— возражает Лена,— мы едем к маме. Спасибо за все!

И мы выходим из вагона.

— До свидания! Доброго пути!— кричат нам из окон.

На станции мы покупаем билет на пригородный дачный поезд. До Казани...

На вокзале в Казани мы просто не знаем, куда деться. На последние копейки Лена покупает мне хлебный квас. Я первый раз в жизни пью квас хлебный, в Белоруссии все делают его больше из фруктов. Но жарко, пить хочется, и я довольна. Попив кваску, садимся на траву и обдумываем, что делать дальше... Наконец, Лена решает пойти к начальнику вокзала. Уходит, наказав мне не двигаться с места. Я и не двигаюсь. Пригревшись на солнышке и напившись воздуха, я засыпаю прямо на траве у вокзала.

Будит меня Лена. Она улыбается.

— Идем скорей.

— Куда?

— На эвакупункт.

— А что это такое?

— Идем, по дороге расскажу.

Эвакупункт— это дом, где можно получить питание, постель и даже деньги для покупки билета на поезд. Все это придумано для эвакуированных с прифронтовой полосы.

— Ура!— кричу я и спрашиваю:— Правда, умный человек это придумал?

— Хорошие люди это придумали. Ведь подумай только— война, столько забот, а о таких, как мы, тоже успели подумать. Вот в какой стране мы живем.

— Прекрасная страна моя!— пою я, и мы входим в город.

— Вы не скажете, где здесь пункт для эвакуированных?— спрашивает Лена у прохожего.

— Идите прямо. Там, рядом с кремлем, большое здание— эвакупункт.

— Спасибо,— говорим мы хором.

Кремль? Я расстраиваюсь. Для меня Кремль — это Москва, а тут вот у них тоже почему-то Кремль.

Эвакопункт оказывается большим светлым зданием со множеством комнат. Нам показывают нашу комнату и две кровати. Они стоят вдоль стены у двери так, что подушка на одной кровати оказывается у подушки следующей кровати.

Идем в столовую. Я помню Пензу и потому ем острожно. Потом нам выдают денежное пособие, и мы мчимся в баню.

Ночью я внезапно просыпаюсь от грохота.

— Бомбят,— кричу я в ужасе.

— Ты чего кричишь? Спать людям не даешь,— ворчит какая-то женщина.

— Так ведь бомбят же!

— Нет, нет! Это гром, обыкновенный летний гром. Хочешь, дай мне твою руку, успокойся,— шепчет Лена.

— А пусти меня к себе.

— Беги.

Я переползаю к Лене, обнимаю ее и мгновенно засыпаю.

В поезде узнаем из газет, что в Могилеве уже немцы. «Что с тетей, дядей, Анькой?» — думаю я в ужасе.

В Свердловске пересадка. Мы снова идем в эвакопункт, потому что поезд на Кустанай отходит только завтра. Почему-то здесь, в Свердловске, меня удивляет мирная жизнь, в окнах свет. Я так привыкла к затемнениям, одеялам на окнах, полоскам крест-накрест...

На вокзале сижу в вагоне у окна, вдруг вижу, прямо к окошку нашего вагона бежит Лена. Ну, слава богу, а то уж я беспокоилась. Поезд вот-вот отойдет, а она куда-то пропала. Чего это она бежит к окошку, а не в вагон? Может, мы сели не в тот поезд? Выглядываю из окна и вижу, что следом за Леной спешат тетя и Аня.

— Живы? Ура! — кричу я.

Тетя плачет от радости. Потом говорит со вздохом:

— Не знаю, что с дядей... Он сказал, что выедет с завода... Успеет ли?

Свисток. Поезд трогается. Мы машем руками.

— Привет маме,— кричит тетя.— Пишите в Дегтярку...

Я вспоминаю, что у тети там живет старший сын — горный инженер.

— Знаю, хорошо, напишем,— кричу я, высунувшись из окна.

Поезд увозит нас... Мы проспали и проехали станцию, где нужно было выходить. Выходим на станции под названием Каргалы.

Вечер. На вокзале никого. Лена договаривается, нас отправят обратно с воинским эшелоном, идущим на фронт.

Сидим и ждем... На перроне затихает шум остановившегося поезда. Входят два подростка.

— Буфет работает? — спрашивает один из них.

И вдруг кричит:

— Лена, Леночка!

Лена вскакивает и бросается к нему. Они обнимаются.

— Откуда вы?

— Эшелоном из Орши. А вы?

— Мы к маме, в Кустанай.

— Поехали с нами. Мы в Фергану.

— Нет, мы к маме.

Бежим все вместе к поезду. Из окон выглядывают люди. Кто-то узнает нас.

— Смотрите, дети Соскиных!

— Лена, здравствуй. Куда едете?

— В Казахстан, к маме.

— Мама где?

— В ссылке.

— А?

— А может, с нами... Куда вы одни?

— Нет, спасибо. Счастливого пути...

Наконец приходит эшелон. Мы входим в вагон. Ночь. Все полки заняты. Я сажусь в ногах какого-то военного и засыпаю сидя...

Проснувшись, вижу, что я лежу, укрытая шинелью, а военный сидит на моем месте.

— Выспалась, дочка? Ну вот и хорошо. Пора выходить, ваша остановка.

— Спасибо,— говорю я ему.

Мне стыдно, что он едет на фронт и уступил мне свое место.

— Желаю вам скорей разбить фашистов и вернуться живым и здоровым.

— Так оно и будет,— говорит он уверенно.

Без приключений добираемся до Кустаная. Машина везет нас в Карабалык, а потом другая в Тогузак. Люди здесь мне кажутся знакомыми: все они напоминают мне человека, который еще в Могилеве на вокзале сказал:

— Поезжай к нам, в солнечный Казахстан.

Продолговатые, узкие глаза, редкая бородка, доброе улыбающееся лицо — таким я его запомнила. «Где он сейчас? Что с ним?» — думаю я и меня даже подташнивает от страха за него, из-за того, что он там среди бомб, огня, фашистов...

Тогузак! Рядом мама. Сердце выпрыгивает из груди. Идем мимо сараев, где аккуратными рядами лежат черносереые кирпичи.

— Что это? — спрашиваю я у Лены.

— Кизяк.

— А что это такое, кизяк?

— Им казахи топят печки.

Лена все здесь знает. Она уверенно ведет меня к какому-то дому. У первого подъезда она спрашивает у женщины:

— Скажите, в каком подъезде живет...

Но договорить не успевает. Навстречу нам из третьего подъезда бежит маленькая, худенькая женщина; седая прядь волос выбивается из-под косынки.

— Дети мои! — кричит она.

— Кто это? — спрашиваю я у Лены.

— Мама. Это наша мама.

— Нет, это не моя мама,— шепчу я и прячусь за спину сестры.

Я не узнаю свою маму...

Мама моя! Милая, нежная! Теперь, когда я вспоминаю тебя, образ красивой полной черноволосой женщины заслоняется другим. Я помню тебя во время войны, худенькую, хрупкую... Вот ты бежишь с маленьким ведерком-кастрюлькой в руках, спешешь донести теплый военный суп, который все называют баландой. Нас трое, три дочери, а ты одна и тебе нужно всех накормить. А чем?

Я помню тебя, когда ты ухаживала за мной, больной тифом, и выполняла все мои капризы. Потом, когда я поправилась, снова, как в детстве, учила меня ходить.

Я вспоминаю тебя в жару, в ознобе, когда ты узнала, что где-то кто-то видел папу. Теперь уже я бегала за кипятком и мчалась к тебе, чтобы влить теплую каплю в твой плотно сжатый рот, согреть тебя.

Я вспоминаю твои письма мне — студентке, где ты смешно писала, думая, что я еще дитя: «Учись, как завещал Ленин».

Ты всегда отказывалась от всего самого вкусного, говорила, что тебе это есть нельзя. Я помню, ты отдала мне свои последние туфли, сказала, что они тебе жмут. Мама! Мамочка! Сколько нежности своей я тебе не дала. Как часто я была невнимательной, несправедливой к тебе. Как больно, как горько это сознавать теперь, когда ты ушла навсегда. Это непоправимо, невозвратно... Прости меня за все, мама!

В Минске на могиле мамы стоит памятник из мрамора. На обелиске фотография. На ней папа и мама. Под фотографией надпись: «Соскин Р. И., погиб в 1937 году». Но мы не знаем, где могила папы...

Мама так и не дождалась его. Он был реабилитирован — посмертно в 1956 году.

г. Свердловск, 1988 г.

«ВАША ВЕРА МУХИНА»

История одной дружбы

Август 1942 года. «Милая Ангелина Дмитриевна! Получила Вашу открытку из Новосибирска. Вот Вы куда залетели!.. Мои все еще не приехали. Волик так нечетко написал телеграмму, что не знаю, когда его ждать. Как будто скоро с ним увижусь, но я что-то не очень этому верю. Уж очень это было бы хорошо!.. Шлю сердечный привет Вам и мальчикам. Пишите скорее о себе».

Июль 1943 года. «Милая Ангелина Дмитриевна, получила Ваше первое письмо из Прокопьевска. Наконец-то Вы доехали! Очень рада, что новый коллектив Вам нравится. Напишите, что такое Прокопьевск? Я всегда люблю иметь зрительное представление о своих знакомых; в данном случае, в какой зрительной панораме нужно вас себе представить... Ну, добрый путь! Шлем с Волей сердечный привет. Живем, работаем. Пишите!»

Февраль 1944 года. «Милая Ангелина Дмитриевна! Я — как всегда. Сердце — немного лучше. Как всегда весной, жду лета и всяких земных радостей, травы и цветов. Целую Вас, дорогая...»

Старые письма... Самые обыкновенные — о здоровье, о детях, о работе. Конверты со штампом «Проверено военной цензурой», открытки, написанные карандашом, уже полустершимися... Четкий быстрый почерк и подпись: «Ваша В. Мухина».

Адресованы письма Ангелине Дмитриевне Поповой, геслогу по профессии. Когда мы познакомились, ей было уже за 80, она с трудом передвигалась по квартире, говоря, что «в экспедициях все кости стерла...» Но памяти ее и душевной молодости можно было позавидовать.

Я перебирала мухинские письма, а Ангелина Дмитриевна просила меня читать вслух — сама почти ничего уже не видела. Она решила, наконец, отослать все в Москву, в архив Мухиной, хоть расставаться с письмами было нелегко — это самое дорогое, что у нее сохранилось...

Ангелина Дмитриевна любила вспоминать, как они познакомились. «Летом 1941 года я проводила разведку стройматериалов в окрестностях города Каменска-Уральского. Началась война. 10 июля меня вызвал начальник строительства и спросил, можно ли обеспечить сырьем строительство завода и смогу ли я подписать об этом вместе с ним телеграмму правительству. Обсудив все, решили — да, можно. Подписали, отправили, и началась невиданная по напряженности разведка сырья, почти круглосуточная — настоящий рабочий ураган. Дорога к месту добычи стройматериалов, узкоколейка, была проложена за одну ночь. Только в выходные дни мы позволяли себе забежать в столовую пообедать. В один из таких дней, уже осенью, к моему столу в столовой подходит застенчивый молодой человек и говорит: «Моя мама очень просит вас прийти к ней, вот адрес...» — «Никак не могу, прямо из столовой иду в лабораторию, уж в следующий раз...» А сама и не спрашиваю, кто она, его мама, не до встреч тогда было... Следующее воскресенье. Он явно меня поджидает, и я опять отказываюсь. «Моя мама — Мухина», — говорит он. До меня не доходит, какая Мухина, а мне каждый час дорог... Проходит еще неделя, и юноша снова у моего столика: «Мама просила без вас не возвращаться...» Дала я своим помощницам инструкции и пошла. Приходим. Встречает очень симпатичная,

приветливая женщина, лет пятидесяти: «Долго я вас ждала. Меня интересует глина — очень жирная, пластичная, чтобы, высыхая, не трескалась...» И начинается подробный разговор о глинах, об их залежах, качестве... В это время входит сын и становится рядом с ней. Где-то я их видела уже, но где? «Что вы так смотрите?» — «Не могу вспомнить, где я вас уже видела, вот так, рядом с сыном?» Она чуть заметно улыбается, что-то ищет на столе среди журналов и протягивает мне «Огонек», там ее фотография с мальчиком. Я поражена: «Так значит вы — знаменитая Мухина? Вера Игнатьевна?» Так началось наше знакомство.

Младший сын Ангелины Дмитриевны Виктор, которого она с трехнедельного возраста брала с собой в экспедиции, тоже стал геологом. Вот как вспоминает Виктор Евгеньевич о встречах с Мухиной в Свердловске зимой 1942 года: «Мне было тогда семь лет. Мы жили в доме «Востокстали» на улице Шейнкмана, 19. Он и сейчас заметен, а тогда возвышался восьмизэтажной машиной над деревянными домиками. Вера Игнатьевна пришла, наверное, днем, потому что братьев и мамы дома не было. Во всяком случае, у меня осталось ощущение, что с гостей пробыл я один на один довольно долго. Кто она, я знал. Пожалуй, больше всего тут «виновата» была филателия — мухинские «Рабочий и колхозница» были изображены сразу на трех марках 1938 года. Мог ли я, самозабвенно собиравший все марки на свете, не знать об авторе скульптуры, поднявшейся над павильоном СССР на выставке в Париже? Помню, что я расспрашивал, почему «Рабочий и колхозница» на одной марке с лентой, а на двух других — с какими-то крыльями на заднем плане. Уже после Вера Игнатьевна при мне рассказывала о том, как долго она ломала голову над решением проблемы динамичности группы, пока, наконец не решила ее с помощью ленты в руках, отведенных назад...»

Из воспоминаний старшего сына Ангелины Дмитриевны — Иннокентия Евгеньевича Попова (ныне — известный музыкальный критик). «Помню, как в Свердловске Вера Игнатьевна вошла в нашу детскую, подошла к пианино, поинтересовалась нотами, попросила меня сыграть. А через несколько дней, темным вечером, мы шли с ней куда-то далеко по улице 8 Марта, на окраину города. Ей дали адрес старого камнереза, и она попросила ее проводить. Помню, не сразу среди маленьких частных домиков отыскали нужный дом. Вера Игнатьевна долго беседовала с пожилым хозяином. Когда я провожал ее до гостиницы, она говорила, что в приемах обработки камня не открыла для себя ничего нового, но мастер очень талантлив, удивительно чувствует камень, его красоту...»

Свердловский скульптор Анатолий Анатольевич Анисимов, встречавшийся с Мухиной в дни войны, тоже рассказывал об ее интересе к уральским камнерезам. Он вошел к ней в гости к знаменитому мастеру Николаю Дмитриевичу Татаурову, и Вера Игнатьевна восхищалась его работами, советовала свердловчанам непременно принять Татаурова в Союз художников. В ту пору завод «Уральские самоцветы» не выпускал камнерезных изделий, и Николай Дмитриевич работал где-то сторожем. Был он стар, плохо слышал, и однажды ночью, во время дежурства, у него украли лошадь. В те годы это грозило Татаурову большими неприятностями. Узнав об этом, Мухи-

на начала хлопотать и сделала все, чтобы случай остался без последствий.

В 1946 году Мухина пишет докладную записку в Совет Министров о производстве предметов народного потребления, в том числе камнерезных изделий. Ее волну-ет, что мастерство старых умельцев не передается молодым... Одна фраза из этой записки целиком навеяна уральскими впечатлениями: «Свердловск, резчики по камню, профессия уникальная. Их всего-то осталось не больше 4—5 человек на Урале... Профессия эта возникла на традициях цветного каменного дела, и нигде ничего подобного мы не знаем»

Я пыталась найти в Каменске-Уральском людей, кото-рые бы могли знать о жизни и работе Мухиной в ту пору. Расспрашивала краеведов, журналистов, старожи-лов... Архитектор Андрей Алексеевич Гачевский припом-нил: ему рассказывали, будто бы Вера Игнатьевна во время войны помогала оформлять клуб строителей. Но старого клуба давно нет. Нет уже в городе и тех, с кем приехала Мухина в эвакуацию... Оставалась надежда на помощь родных и близких друзей скульптора...

«Милые мои Нина и Зина, мои ласковые девочки! Расскажу, как мы добирались... Восемнадцать дней езды в теплушке среди 21 человека, плюс вещи, плюс дрова, плюс ведра с горячей и холодной водой, плюс печурка, плюс беганье под и за вагоны на остановах... В поезде было 110 вагонов, а мы — в самом хвосте... Поселили нас в коттедже на берегу реки Исети. Здесь она очень широ-ка и красива, так как ниже нас плотина. Весь городок построен в березовой роще. Здесь березы очень низкорос-лые и очень корявые. Во все стороны скрученные стволы, верно, от ветров. Пейзаж здесь в зависимости от погоды бывает удивительный — иногда все серебрится: снег, бе-резы, открытые иномем, день и ночь поднимающиеся к небу дымы из трех труб. Но я себе места не нахожу, волнуясь страшно, что сижу в этой проклятой дыре, а жизнь идет, кипит, и я ничего этого не знаю...»

«Милые Нина и Зина» — это скульпторы Нина Гер-мановна Зеленская и Зинаида Григорьевна Иванова. Учи-ницы и соратницы Мухиной.

Большое подробное письмо прислал сын Веры Игнать-евны Всеволод Алексеевич Замков («Воля, Волик», как называла его мать).

«10 октября 1941 года маме было предписано срочно эвакуироваться из Москвы, и 13-го мы выехали с по-следним эшелоном строительства Дворца Советов, который должен был доставить нас в Свердловск. Когда добра-лись, оказалось, что места для нас там нет, и эшелон прибыл в Каменск-Уральский... Поселили нас в двухэтаж-ном двухквартирном домике на самом берегу Исети, дали комнату на втором этаже. Мы начали работать: отец — хирургом в больнице строительства, я — лаборантом в от-деле спецтехнологии под руководством профессора П. Н. Львова — друга матери и главного технолога стро-ительства монумента «Рабочий и колхозница». Только в январе Вера Игнатьевна получила мастерскую — комнату в плохо отапливаемом бараке. Работать приходилось в пластилине, так как глина мерзла и разрывалась. Там Вере Игнатьевне удалось сделать три работы: голову уз-бека, портрет «В. А.» и «Партизанку»...»

Сын Мухиной вспоминает, что Вере Игнатьевне по-зировали узбеки — их много тогда было на строительстве УАЗа, а для портрета — соседка по коттеджу Валентина Андреевна... Портрет «В. А.» — этюд к задуманной Верой Игнатьевной композиции «Возвращение». Окаменевшая от горя женщина обнимает вернувшегося с войны калеку-мужа. Это, наверное, самая трагическая работа Мухиной. Она обращалась к ней позднее несколько раз, но так и не смогла закончить.

К 90-летию со дня рождения скульптора на Сверд-ловском телевидении была подготовлена передача «Мухи-

на и Урал». Горячо откликнулся на нее самодеятельный художник из Каменска-Уральского Владимир Владимиро-вич Пермяков. Он решил непременно установить в городе мемориальную доску в память о пребывании Мухиной. Разработал эскиз, связался с Н. Г. Зеленской, и она по-стоянно его поддерживала, помогала советами... Владимир Владимирович посылал фотографии эскизов, Нина Герма-новна вносила поправки прямо на снимках. Пермяков пе-ределывал, фотографировал, снова отправлял в Москву. Так было до тех пор, пока Нина Германовна не одобрила наконец его работу. Но нужно было еще добиться раз-решения на установку мемориальной доски. Пермяков на месте доказывал, убеждал, ходил по инстанциям. Нина Германовна написала письмо в горком партии: «Ваш го-род дал во время войны приют такому крупному совет-скому художнику, как Вера Игнатьевна Мухина. В память об этом ваш скульптор В. В. Пермяков выполнил мемо-риальную доску. Хорошо бы ее поскорее установить. Порт-рет очень похож. Такой была Вера Игнатьевна в послед-ние годы жизни. С глубоким уважением Н. Зеленская, два-жды лауреат Государственной премии СССР».

Может быть, это письмо и ускорило дело. Мемори-альная доска несколько лет назад была установлена на выставочном зале.

Мучительно переживала Вера Игнатьевна невозмож-ность работать для страны, для фронта в полную силу. Она вскоре добилась — таки возвращения в Москву, но свя-зи с новыми уральскими друзьями, с Ангелиной Дмитри-евной Поповой не теряла. Судьба геолога забрасывала Попову в самые разные места, и вслед ей летели весточ-ки от Мухиной...

20 сентября 1943 года. «Милая Ангелина Дмитриев-на! Целую Вас. Я жива, отчасти здорова (сердце дурит). Вам напишет письмо мой большой друг профессор Нико-лай Николаевич Качалов. Мы ему рассказали о Ваших находках кварцевых песков с минимальным содержанием железа. Напишите обо всем, что Вы нашли. Пески для оптического стекла сейчас до зарезу нужны. Пишите о себе и ему ответьте поскорее».

3 сентября 1944 года. «Дорогая Ангелина Дмитриев-на, получила Ваше письмо из Сталино. Надеюсь, что Витя выздоравливает уже. Вполне понимаю состояние Вашего материнского сердца. К сожалению, отсюда помочь Вам не могу. Если бы жив был Алексей Андреевич с его пре-паратом (гравиданом), я бы не сомневалась в хорошем исходе. Теперь о Ваших делах. Меня свели с И. В. Шма-ненковым, директором института минерального сырья. Я была у него, лично передала Ваши бумаги, он с удо-вольствием берет Вас в этот институт. Если Вы решаетесь действовать дальше, то даю Вам его адрес».

17 ноября 1947 года. «Моя дорогая Ангелина Дмитри-евна, очень скоро получила ваши открытки из Магадана. Рада, что Вы с любимым Витей, значит, малыш доехал — таки благополучно. Живем по-прежнему интенсивно и нервно. Закончила Горького для Москвы. Хочу 1 декабря уехать с Волей в Сухуми, ловить последнее солнышко; очень мы устали, и он, и я, отдыха не было совсем... У нас была чудесная осень, сейчас легла ранняя зима. Целую Вас, моя дорогая. И на далеком тихом севере вспоминайте иногда нас в нашей бурной жизни».

Ангелина Дмитриевна подробно писала Вере Игнать-евне о своих поездках, о далеких экспедициях, о местах, где довелось побывать — Сибирь, Камчатка, Волга, Ко-льма... Больше тридцати лет проработала Попова на Ура-ле. Работала, растила пятерых детей. Этой маленькой хрупкой женщине выпало на долю много испытаний: на ее руках умерла шестилетняя дочка, а вскоре она поте-ряла и мужа. Старшему сыну было тогда 13 лет, млад-шему — полтора года... В 55 лет Ангелина Дмитриевна защитила кандидатскую диссертацию. В 62 года, скрыв от врачей свои два инфаркта, уехала работать на Кам-чатку... Ее дружеские отношения с Мухиной продолжа-лись до самой смерти Веры Игнатьевны. Что связывало

их — скульптора с мировой известностью и скромного геолога из провинции? Они ведь встретились уже в зрелом возрасте, когда люди так редко находят новых друзей... Я задала этот вопрос Н. Г. Зеленской, и она даже обиделась за Ангелину Дмитриевну: «Что значит — «скромный геолог»? Для Веры Игнатьевны это не могло играть какой-то роли. Я имела возможность много лет видеть ее отношения к близким, к товарищам по искусству. Слово «зависть» ей было абсолютно чуждо, так же, как «интрига» — очень распространенные, к сожалению, в творческой и научной среде. Но бывает, что и такой большой художник оказывается временами в жизни душевно одинок, нуждается в участии. Ангелина Дмитриевна отдавала Вере Игнатьевне много сердечного тепла. Вера Игнатьевна очень ее любила, а если она любила — это были не слова...»

Из воспоминаний Ангелины Дмитриевны Поповой:

«Я пробыла рядом с Верой Игнатьевной во время ее болезни несколько месяцев. Это было незадолго до ее смерти. Когда я приехала, у нее поднялось настроение. Врачи это сразу отметили. Она называла меня жизнелюбом: «Я увидела Вас впервые в Каменске-Уральском, когда Вы быстро шли в гору, и столько было стремительности в Ваших движениях, что я запечатлела Вас именно такой — быстро, решительно, вперед и вперед.»

Летом 1953-го я работала в Бабушкино, а с семи часов вечера и до шести утра могла находиться с Верой Игнатьевной. Бессонными ночами она рассказывала мне о своих планах. Мечтала поправиться и осуществить проект маяка в Севастополе — башня, внутри которой по стенам, вокруг лестницы — важнейшие эпизоды героической истории города... Вера Игнатьевна вставала, переходила с постели в кресло; на подлокотники ей клали доску, и она лепила небольшие фигурки. Часто она говорила — я бы все отдала за возможность пойти в лес, на луг, собирать васильки и ромашки.

Не дожидаясь просьб, она приходила на помощь людям в тяжелую для них минуту. Сгорела однажды у нас квартира, все имущество. Девятый этаж, ночь, что можно было спасти? Я не писала об этом Вере Игнатьевне, но вдруг получаю перевод: «Вам трудно, не торопитесь возвращать». Знаю, наша семья была не единственной, чувствующей эту руку помощи...

Помню последний день ее рождения. Пришли друзья, ученики, принесли удивительной красоты шелк... Задумчиво раскладывает его Вера Игнатьевна на коленях, собирает в складки, а когда замечает, что все заняты беседой, встречается со мной глазами и тихо говорит: «Красиво, только мне уже не надеть». И встрепенувшись, благодарит: «Спасибо, где вы отыскали такую прелесть?» И снова шутит с гостями, ничем не выдает своего настроения...

Я благодарна судьбе, подарившей мне радость общения с Верой Игнатьевной.

Виктор
СТЕПАНОВ,
краевед

О Теодоре Нетте — человеке и пароходе

Прежде чем читать свое стихотворение «Товарищу Нетте — человеку и пароходу», Владимир Маяковский обычно рассказывал о встрече, которая произошла в одесском порту 28 июля 1926 года: «Когда наш пароход покидал гавань, навстречу нам шел пароход, и на нем золотыми буквами, освещавшимися солнцем, два слова: «Теодор Нетте» — это была моя вторая встреча с Нетте, но уже не с человеком, а с пароходом...»

У Нетте была яркая, хотя и обычная для коммунистов тех времен биография. Сын рижского сапожника, он в 13 лет участвует в забастовках, в 17 вступает в партию большевиков, в 19 за революционную деятельность вместе с отцом попадает в печально известные «Кресты». Из тюрьмы его освободила февральская революция. В рижском большевистском подполье Теодор Нетте, ежечасно рискуя головой, проникает в немецкие казармы и ведет пропагандистскую работу среди солдат, потом работает секретарем отдела виз Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, политкомиссаром батальона 1-го Латвийского стрелкового полка Красной Армии, сражается с белогвардейцами и интервентами, председательствует в революционном трибунале города Елгава, а после гражданской войны становится дикпурьером...

Теодор Янович был человеком высокой культуры, отличался начитанностью, знал на память множество стихов Пушкина, Лермонтова, Гете, Шиллера, любил творчество самого Маяковского, разбирался в музыке, владел иностранными языками... Словом, дикпурьер Нетте был интереснейшим собеседником, и Маяковский не без удовольствия встречался с ним и «пивал чай».

О героизме двух советских дикпурьеров — Теодора Нетте и Иоганна Махмасталья тогда говорил весь мир. 5 февраля 1926 года, когда скорый поезд, в котором курьеры везли почту, проходил по территории буржуазной Латвии, в вагон вошли четверо вооруженных бандитов в масках. Двое из них попытались ворваться в купе и завладеть почтой. Загремели выстрелы. В схватке Нетте был убит, а Махмасталь — эстонец-коммунист, участник штурма Зимнего — тяжело ранен. Почту же истекающий кровью Махмасталь в сохранности сдал подоспев-

шим советским дипломатам и лишь после этого позволил себя перевязать.

Герои-дипкурьеры были награждены высшей в то время наградой Родины — орденами Красного Знамени (Нетте — посмертно). Именем Нетте была названа средняя школа в Сокольническом районе столицы; в Институте востоковедения, где мечтал учиться Теодор Янович, была учреждена стипендия его имени; на добровольные пожертвования советских людей построен и передан воздушному флоту самолет «Нетте». Специальным постановлением название «Теодор Нетте» присвоено «Твери» — грузо-пассажирскому пароходу, до революции принадлежавшему Добровольному флоту — крупнейшему в России пароходству.

Построенная на Невском судостроительном заводе «Тверь» была спущена на воду 23 июля 1912 года. В 1913 году пароход прибыл во Владивосток и стал совершать регулярные пассажирские рейсы на Камчатку. В 1920 году при переходе на Черное море «Тверь» в Триесте арестовали итальянские власти — на судно предъявили претензии бывшие владельцы. Пароход стал называться «Соррио». Началась многолетняя тяжба, судно переходило из рук в руки, и когда все же удалось добиться его возвращения на родину, наши моряки, прежде чем поднять на нем красный флаг, тщательно закрасили иностранное название и вывели новое: «Теодор Нетте».

Вместе с именем корабль унаследовал и бойцовский характер дипкурьера. По всему дальневосточному краю гремит слава его комсомольского экипажа, название парохода становится самым популярным на всем побережье Японского и Охотского морей. Однажды судовому врачу «Теодора Нетте» в море пришлось принимать роды чукчанки; женщина родила двойню и счастливые родители назвали мальчика Теодором, а девочку Неттой.

Между тем на Дальнем Востоке становится все тревожнее. В 1932 году здесь создаются Морские Силы Дальнего Востока (с января 1935 — Тихоокеанский флот), в которые «призываются» несколько гражданских судов и в их числе «Теодор Нетте». На судоремонтном заводе его трюмы превращаются в минные погреба, на палубе устанавливаются пушки и пулеметы, гражданскую команду сменяет военная. 3 мая 1934 года пароход вступает в строй боевых кораблей Тихоокеанского флота.

Дни экипажа до отказа заполнены тренировками и учениями, корабль часто выходит в море для постановки учебных минных заграждений, совершает походы, ходит в боевые дозоры. Командует минзагом тридцатилетний военный моряк Владимир Александрович Андреев — будущий адмирал, командующий флотом.

Когда началась Великая Отечественная, сорок лучших моряков «Теодора Нетте» отправляются на сухопутные фронты — под Москву, под Сталинград. Рапорты с просьбой отправить на фронт пишет весь экипаж. Но по совету уже точит зубы самурайская Япония. Участвуя в этой войне, минный заградитель «Теодор Нетте» ставит мины, ходит в конвоях, перевозит войска и грузы.

Короткая победоносная война с Японией закончена. На «Теодор Нетте», которому исполнилось 35 лет — возраст для кораблей весьма почтенный, — приходит комиссия. «Теодор Нетте» становится плавбазой подводников. В 1947 году корабль делает свой последний морской переход: в сопровождении других судов он идет в Петропавловск-на-Камчатке и становится там на мертвые якоря. И еще шесть лет служит ветеран, давая приют притомившимся в походах экипажам подводных лодок. По сей день многие бывшие подводники с благодарностью вспоминают тепло кают и кубриков «Теодора Нетте».

Но всему есть предел. В 1953 году на Авачинскую бухту обрушился тайфун страшной силы. Старый корабль мужественно противостоял стихии, к его былым ранам добавились новые. Комиссия вынуждена была признать: корабль подлежит списанию!

Корпус «Теодора Нетте» был перелит на металл, который дал жизнь новым кораблям. Ныне в Музее боевой славы, расположенном у подножья Красной Сопки города Петропавловска-на-Камчатке, можно видеть фотографию легендарного парохода, а также некоторые снятые с него предметы. Там же находятся украшавшие каюткомпанию портреты Маяковского и дипкурьера Нетте...

Но и в наши дни в море можно встретить суда, на борту которых выведены слова: «Теодор Нетте». Это лесовоз из Архангельска, рыболовный траулер из Риги. Плавает и судно, названное именем боевого соратника Нетте — «Иоганн Махмасталь»...

Теодор Нетте похоронен в Москве, на Ваганьковском кладбище. На его могиле установлен мраморный памятник, эпитафию для которого сочинил друг Теодора Яновича — Демьян Бедный.

Иоганн Махмасталь перенес три сложнейших операции, оправился от ран и снова стал работать дипкурьером. Потом был на другой работе в Наркоминделе. В начале Отечественной войны его, уже тяжело больного, эвакуировали в глубокий тыл, в село Багаряк Челябинской области. Там 2 февраля 1942 года он и скончался. Писатель Любарский в своей книге «Одного кремня искры» сообщает, что пионеры багарянской школы № 4 отыскали могилу героя и ухаживают за ней.

г. Рига

Эхо ангарского залпа

Михаил ПЕТРОВ,
краевед

Листая в уралмашевском музее старую подшивку многотиражки «За тяжелое машиностроение», я обнаружил рассказ о расстреле Колчака и Пепеляева, опубликованный 15 июля 1934 года. Это были воспоминания С. Г. Чудновского, председателя Свердловского областного суда. В 1920 году, когда был расстрелян Колчак, Чудновский возглавлял Иркутскую чрезвычайную следственную комиссию. Вот эта газетная заметка:

«...Почуя наступление генерала Ваицеховского на Иркутск, контрреволюция окрылилась и стала готовиться к активному выступлению.

Материалы, захваченные мною при обыске, указывали на наличность в Иркутске подпольной белогвардейской организации, которая поставила себе задачей освобождение Колчака и объединение вокруг него остатков разбитых белых армий.

Наконец, 7 февраля 1920 года, революционный комитет передал мне постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Была поздняя ночь, когда я отправился в

тюрьму, чтобы выполнить приказ ревкома. Со стороны Иннокентьевской слышны были выстрелы. Иногда они казались совсем близко. Весь город замер. Я осмотрел посты. Убедившись, что на постах стоят свои люди, т. е. отборные дружинники, я направился в одиночный корпус и приказал открыть камеру Колчака.

Я застал «правителя» стоявшим недалеко от дверей, одетым в шубу и папаху. Видимо, «правитель» был наготове, чтобы в любую минуту выйти из тюрьмы и начать «править». Я прочитал ему приказ ревкома. Окончив чтение, я приказал одеть ему наручники.

— А разве суда не будет, почему без суда? — спросил у меня Колчак дрожащим голосом.

По правде сказать, я был несколько озадачен таким вопросом. Удерживаясь, однако, от смеха, я сказал: «Давно ли вы стали сторонником расстрела по суду?»

Пепеляев сидел на своей койке и тоже был одет. Это меня еще больше убедило, что «правители» с минуты на минуту ждали своего освобождения. Увидев меня и вооруженных людей в коридоре, Пепеляев побледнел и застрял.

— Меня расстрелять?.. За что? — проговорил он, зарывав, и вслед за этим быстро-быстро выпалил следующее, видимо, заранее подготовленное заявление: «Я уже давно примирился с существованием Советской власти, я все время стремился просить, чтобы меня использовали на работе, я приготовил даже прошение на имя Всероссийского центрального исполнительного комитета».

Все формальности, наконец, закончены. Выходим за ворота тюрьмы. Мороз 32—35 градусов по Реомюру. Ночь светлая, лунная. Тишина мертвая. Только изредка со стороны Иннокентьевской раздаются отзвуки отдельных оружейных и ружейных выстрелов. Разделенный на две части конвой образует круги, в середине которых находятся: впереди Колчак, а сзади Пепеляев, нарушающий тишину молитвами.

В 4 часа утра пришли мы на назначенное место. Выстрелы со стороны Иннокентьевской слышатся все ясней, все ближе и ближе. Порой кажется, что перестрелка происходит совсем недалеко. Мозг сверлит мысль: в то время, когда здесь кончат свою подлую жизнь два бандита, в другой части города, быть может, контрреволюция делает еще одну попытку к погрому трудящегося мирного населения.

Раньше, чем отдать распоряжение стрелять, в нескольких словах разъяснил дружинникам сущность и значение этого момента. Но вот все готово. Я отдал распоряжение. Дружинники взяли ружья наперевес, становятся полукругом.

На небе полная луна, светло поэтому, как днем.

Мы стоим у высокой горы, к подножью которой пристались небольшой холм. На этот холм поставлены Колчак и Пепеляев. Колчак — высокий, худощавый, тип англичанина, его голова немного опущена. Пепеляев же небольшого роста, толстый, голова втянута как-то в плечи, лицо бледное, глаза почти закрыты, мертвец да и только.

Команда дана. Где-то далеко раздался пушечный выстрел и в унисон с ним, как бы в ответ ему, дружинники дали залп. И затем на всякий случай еще один.

Приказ ревкома выполнен. Расстрел Колчака и Пепеляева ускорила контрреволюция своими выступлениями, поэтому яма не была приготовлена.

— Куда девать трупы? — спрашивают начальник дружины и комендант тюрьмы.

Не успел я ответить, как за меня почти разом ответили все дружинники:

— Палачей сибирского крестьянства надо отправить туда, где тысячами лежат ни в чем не повинные рабочие и крестьяне, замученные колчаковскими карательными отрядами... В Ангару их!

И трупы были спущены в вырубленную дружинниками прорубь. Так закончили свой земной контрреволю-

ционный путь «правитель» Колчак и его первый министр Пепеляев.»

О самом Чудновском, исполнителе этой пролетарской акции, было мало что известно. Я решил начать поиск. Помогли архивы, встреча с сыном Чудновского — Львом Самуиловичем, проживающим в Свердловске. Вот что мне удалось узнать.

Самуил Гдальевич Чудновский родился в бедной еврейской семье в 1889 году в городе Бердичеве Киевской губернии. Когда мальчику исполнилось 13 лет, его определили учеником в кожевную мастерскую. Накануне первой русской революции Самуил Чудновский участвует в революционной работе, а в 1909 году по ложному обвинению «в подкопе тюрьмы для освобождения политзаключенных» его арестовывают и отправляют в ссылку на три года в город Кемь Архангельской губернии.

Там, с помощью политических ссыльных, он овладевает грамотой, читает общественно-политические книги.

В 1912 году срок ссылки окончился и Самуил Чудновский вновь поступил в мастерскую, начал встречаться со старыми товарищами по подпольной работе, с бывшими ссыльными, чем вновь обратил на себя внимание царской охраны. А в начале 1913 года снова арестован и отправлен в один из узлов Тобольской губернии. Там он продолжил самообразование.

Возвращение в Киев совпало с февральскими событиями. На организационном собрании социал-демократической партии большевиков Самуил Чудновский вступил в партию и с этого момента началась его активная работа в партии.

В июльские дни 1917 года он избирается членом районного комитета и членом правления союза кожевников.

В начале марта 1918 года Киевский исполком под напором петлюровцев отступил к Полтаве. Началась организация советской украинской армии, и Чудновский был назначен членом штаба по снабжению армии.

В мае его вызывают в Москву и отправляют специальным поездом в распоряжение центрального исполнительного комитета Сибири.

Чудновский со своим боевым отрядом участвует в защите Иркутска от белочехов, попадает в плен к белогвардейцам. Более года проводит в колчаковских застенках, подвергаясь издевательствам, пыткам и избиваниям.

Его освободили 28 декабря 1919 года восстановившие правые эсеры, объединившиеся в так называемый «Политический центр». С. Чудновский принял на себя обязанности по освобождению политических заключенных.

В январе 1920 года постановлением ревкома Самуил Гдальевич назначается председателем чрезвычайной следственной комиссии. В этой должности ему и пришлось допрашивать, а затем руководить расстрелом А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева.

С этого времени начинается его официальная работа на разных советских должностях. Он служит в Томске, Новониколаевске, Смоленске. В 1928 году его переводят в Свердловск и назначают председателем Уральского областного суда. Впоследствии, когда образовалась Свердловская область, С. Г. Чудновский становится председателем Свердловского областного суда.

С большим уважением отзывались о нем старые большевички Анна Андреевна Иванова и Ксения Павловна Чудинова.

Кроме прямой работы, С. Г. Чудновский участвует в выборных партийных и профсоюзных органах.

В конце 1935 года С. Г. Чудновский был переведен в город Ленинград и назначен председателем Ленинградского областного суда. А в марте 1937 года арестован органами НКВД города Ленинграда и 20 сентября 1938 года расстрелян.

Эта дата указана в свидетельстве, выданном Л. С. Чудновскому загсом г. Свердловска.

А в ответ на мой запрос Военная Коллегия Верховного суда СССР сообщила, что Чудновский был осужден 13 августа 1937 г. по ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день в г. Москве.

Чудновский обвинялся в том, что является активным участником и одним из руководителей антисоветской террористической организации правых, якобы действовавшей на Урале.

Определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 21 ноября 1957 г. приговор в отношении Чудновского С. Г. по вновь открывшимся обстоятельствам был отменен и дело о нем производством прекращено за отсутствием состава преступления.

В том же ноябре 1957 года Свердловский обком КПСС восстановил С. Г. Чудновского (посмертно) в рядах партии.

г. Свердловск

Большевик из Полевского

Александр НЕСТЕРОВ,
сотрудник музея

Фриц Кикур (Кикурс) родился в семье бедного латышского крестьянина. Его отец Ян Кикурс был человеком левых убеждений, оба его сына стали революционерами. Старший, Андрей, член партии большевиков, агитировал латышских крестьян на восстание, был арестован карателями и 13 января 1906 года расстрелян без суда.

Гибель брата повлияла на формирование личности Фрица Яновича. Он тоже вступил в ряды латвийской социал-демократической рабочей партии (большевиков), стал пропагандистом. В 1914 году был арестован и, как неблагонадежный, приговорен к высылке на Урал.

Здесь Фриц Янович стал членом РСДРП(б), перешел на нелегальное положение и был направлен для подпольной работы на Полевской завод. Под чужим именем работал слесарем. Создал из молодежи нелегальный социал-демократический кружок.

С началом февральской революции полевские большевики вышли из подполья. Фриц Янович организовал Совет рабочих депутатов и стал его первым председателем. Возглавил он также Деловой совет Сысертского горного округа — организации, управлявшей заводами акционерного общества «Сысерт Компани Лимитед». А на III съезде Советов Урала Ф. Я. Кикур был избран членом Уральского облисполкома.

Он участвовал в национализации заводов округа, в организации народной милиции для охраны предприятий от контрреволюционеров и саботажников.

В мае 1918 года вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса. Белочехи захватили Челябинск и начали наступление на Екатеринбург. Ф. Я. Кикур сформировал на Полевском заводе красногвардейский отряд и первый стал его бойцом. 3 июня отряд выступил на фронт.

45 бойцов на подводах через Сысерть, Шелкун и Тюбук добрались до села Куяш. Здесь соединились отряды,

сформированные на заводах Сысертского горного округа — Полевском, Северском и Сысертском. Командиром стал Ф. Я. Кикур. Предполагалось, что отряд атакует станцию Аргаяш, занятую белочехами, а со стороны Нязепетровска к ней подойдет другой красногвардейский отряд. Однако нязепетровцы так и не появились.

Открытая местность и сильный огонь противника, к которому на помощь из Кыштыма прибыла пехота, а из Челябинска — конница, не позволили красногвардейцам занять станцию. Отряд понес первые потери. Кикур решил отступить к деревне Старая Асанова. Неподалеку от нее находился Надыров мост через реку Течу, и Кикур не хотел допустить захвата его белыми. Рассчитывал, что из Екатеринбурга и Полевского придет подкрепление.

Отряд расположился в деревне. Командир выставил на окраинах заставы, но неопытные бойцы не заметили продвижения белых. Старая Асанова была окружена.

Отряд рассыпался в цепь по проулку, ведущему к мосту. У окраинного домика Фриц Янович поставил пулемет. Рядом с ним находились четверо красногвардейцев: А. Ф. Бобошни, К. Е. Косых, Г. И. Занадворов и В. П. Тагильцев. От моста появились бегущие люди, пулеметчики хотели открыть огонь, но Кикур их остановил: «Не стреляйте — там наши товарищи в заставе». Однако застава была уже снята белочехами. Только когда стало ясно, что перед пулеметом белогвардейцы, Кикур отдал приказ открыть огонь. И в этот момент был убит. Это произошло 10 июля 1918 года.

«Фриц жил только одним — гранитной верой в социальную революцию. Он весь отдался рабочему делу и был одним из его лучших, беззаветно преданных бойцов. Тяжело и горько, невыносимо грустно переживать эту огромную утрату в момент, когда все силы старого мира ополчились войной на рабоче-крестьянскую революцию...» — писала на следующий день газета «Уральский рабочий».

О большевике из Полевского мало что известно, есть только краткие упоминания в архивных документах и газетах. Несколько фотографий и партийный билет с его подписью хранятся в Полевском историческом музее.

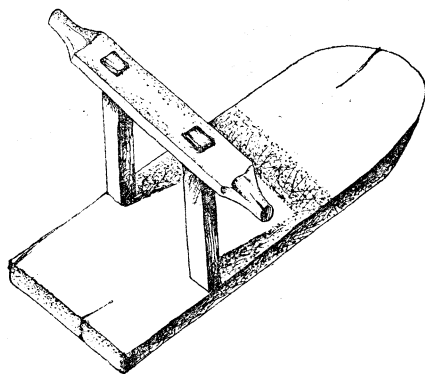
г. Свердловск

Краеведческий бумеранг

Строитель из города Верхняя Салда Свердловской области Н. Калганов предлагает вспомнить и по возможности вернуть нашему быту старинные самобытные народные изделия, которыми изобиловала русская провинция. В своем письме он рассказывает о трех принадлежностях уральского деревенского быта.

ЛАДОК*

На Урале, особенно в деревнях, издревле и до конца 50-х годов нашего века бывали самодельные сани и ладки, особенно распространенные в деревнях Верхотурского, Алапаевского, Махневского, Туринского районов Свердловской области. В больших семьях было столько ладков, сколько в семье детей и подростков. Зимой после занятий в школе ребята и девочки каждый на своем ладке собирались на крутояре и катались до поздней ночи.

Ладок

Ладки нам делали старшие братья и отцы, а кто постарше — и сам. Низ доски (лыжи) не строгали, чтобы заливка лучше примерзала к поверхности. Заливали ладок следующим образом: доску (лыжу) низом вверх приставляли к стене, покрывали слоем (2—3 см) свежего коровьего навоза и давали замерзнуть. Затем двуручным скребком выравнивали поверхность, 4—5 раз поливали холодной водой — и ладок готов.

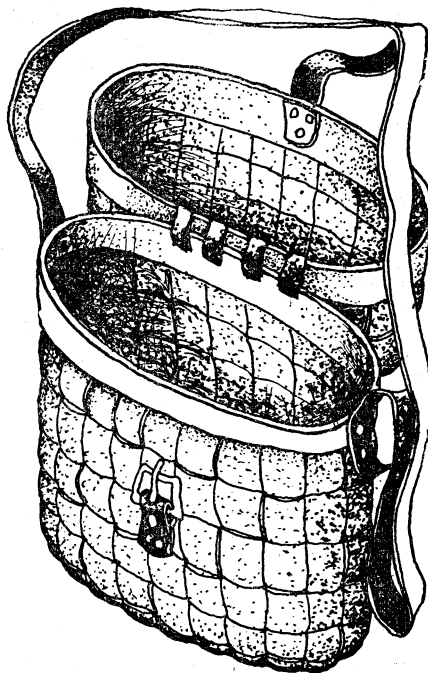
* Более распространено, на наш взгляд, было название «лоток». — *Ред.*

Мчится мальчуган на ладке, как на самокате, и по глубокому снегу, и по торной дороге — аж дух захватывает. Безопасно съехать и с горы любой крутизны, ведь стоит только потянуть руль на себя — ладок затормозит.

В наше время низ ладка не обязательно покрывать коровьим и поливать водой, можно покрыть, например, пластиком или фольгой.

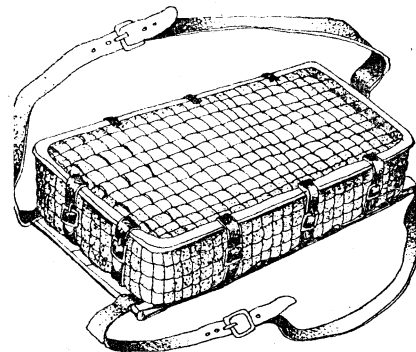
ПЕСТЕРИ И ЗОБЕНКИ

Зобенка — это плетенная из лыка, бересты или прутьев сумка на ремешке через плечо. С зобенками ходили по грибы, по ягоды, носили обед на покос, пастбище, в поле. Раньше в деревнях были широко распространены зобни, зобенки и зобеночки.

Пестерь

Пестерь — это нечто вроде большой зобни, но только иного исполнения. Он применялся для переноски значительных грузов: большого количества грибов, ягод, продуктов и припасов для охотника.

Зобенка

Кузов и крышка пестеря плелись из лыка, крепились шарнирно и пристегивались на ремешки. Пестерь, кроме того, крепился к крошням, которые делались из черемуховых прутьев в виде прямоугольника, обтянутого холстом или брезентом. Через крошни и пестерь протягивались заплечные ремни, которые регулировались по длине.

ЧИТАТЕЛЬ ОТВЕЧАЕТ

На вопрос г. Томилова о найденной в Красноуфимске старинной монете откликнулись два десятка читателей. Большинство из них оказались знатоками, и по этой причине выбрать для публикации одно письмо оказалось не просто.

Предлагаем ответ, который автор озаглавил

О ЧЕМ ПОВЕДАЛА МОНЕТА

Монета, изображенная на фото, находилась в обращении в России XVIII века (тогда основной монетой была медная). Чеканилась с 1730 по 1754 год из расчета: 10 рублей монеты из пуда меди.

На аверсе — государственный герб, на реверсе — номинал в орнаменте. На монете не указано обозначение монетного двора. Всего в России в разное время до революции более двадцати монетных дворов, занимающихся чеканкой денег. В период выпуска монеты (с 1730 по

**ПЕРВЫЕ
ОПЕРАЦИИ
НА СЕРДЦЕ**

В «Уральском следопыте» (1988 № 9) напечатана наша статья «О ком рассказывает панно». В ней говорилось о первой в Нижнем Тагиле успешной операции по ушиванию раны сердца, выполненной в 1944 году заслуженным врачом РСФСР Л. П. Кипарисовой.

Когда статья была уже в работе, инженер Д. А. Стерн, сын ниже-тагильского хирурга, изображенного на панно, познакомил нас с заметкой в газете «Тагильский рабочий» от 15 августа 1967 года. Оказалось, что пальма первенства в операциях подобного рода принадлежит хирургу А. Г. Стерну, который еще до войны успешно оперировал на сердце и печени.

**В. ПОПУГАЙЛО,
Ю. СОРКИН.**

Солидную статью с экскурсом в историю монетного дела в России и большим списком литературы прислал сменный мастер кирпичного завода из Омска Г. Н. Вожегов; обстоятельно ответили на вопрос читателя военнослужащий из Алтая А. Н. Антишко, О. В. Фомин из г. Чайковского Пермской обл., историк из Ленинграда Ю. В. Кольцов. В числе других, откликнувшихся на письмо, А. Г. Свирь из Бреста, Д. В. Кислица из Калининграда, рабочий из Донецка Г. Н. Красько, учащийся Володя Карманов (Майкоп), Саша Шапоренко (с. Одино Курганской обл.), Саша Васильев (г. Красновишерск Пермской обл.).

Читатель А. И. Молоковский из с. Таборы Свердловской обл. сообщил, что именно такую же монету он нашел в 1986 году на берегу реки Тавды. Вместе с ней были найдены 2-копеечная монета 1824 года и десяток 3-копеечных монет 1916 года выпуска.

А читатель Н. П. Партин из пос. Елизавет, что под Свердловском, прислал фотоизображение серебряной монеты, снятой с монисто, полученного им из Ижевска. Он просит знатоков рассказать об этой монете.

1754) медную монету этого достоинства чеканили Главный монетный двор — Красный (располагался у Китайгородской стены в Москве) и Петербургский монетный двор в Петропавловской крепости (сейчас — Ленинградский монетный двор).

Обеспечение деньгами Российской империи было делом не легким и поэтому в 1727 году на Урале на базе екатеринбургских казенных горных заводов был создан новый Екатеринбургский монетный двор. Здесь сначала заготавливали медные кружки для чеканки монет в Москве, потом начали свое производство. Скорее всего, найденная монета изготовлена на одном из этих трех монетных дворов. Точнее сказать нельзя, т. к. отсутствует буквенное обозначение двора (ММД, СПб или ЕМ).

Теперь о самой монете. Это медная денга достоинством полкопейки. С конца XVIII века слово «денга» стали писать как «деньга». Термин «денга» — восточного происхождения. В Индии серебряная монета называлась «танга», греки называли ее «данака», татары — «тенга». Хотя название русской монеты восточное, сама она в отношении веса и способа изготовления ничего общего с восточными монетами не имеет.

Денгу начали чеканить на Руси в XIV—XV веках. Сначала в Москве, а затем и в других княжествах. Причем, к примеру, московская денга к середине XV столетия весила, да и стояла вдвое меньше новгородской.

После реформы 1534 года, унифицировавшей монетную систему, стали чеканиться серебряные монеты весом 0,16 золотника (0,68 грамма) с изображением всадника с копьем и вдвое меньшие — с изображением всадника с мечом. Большая монета стала называться новгородской, или копейкой (по изображенному на ней всаднику с копьем), меньшая — денгой московской, или сабленицей (от меча — сабли). Впоследствии за ними закрепились наименования копейки и денги, составившей ее половину. Но счет долгое время велся на денгу, и копейку называли двумя денгами.

В XVII веке наряду с серебряной денгой стали печатать медную. Одну из таких монет и нашел т. Томилов. В середине XIX столетия монете дали новое название — «денежка», а затем заменили его на лицевой стороне монеты надписью «1/2 копейки».

Итак, монета с названием «денга» исчезла из обращения, но слово это в собирательном значении осталось в русском языке. «У деда, знаешь, денга была припрятана», — говорит чеховский извозчик советнику Котлову в рассказе «Ванька».

**С. ТЕРЕНТЬЕВ,
рабочий «Новосибирскметростроя»**

**ЧИТАТЕЛЬ
СПРАШИВАЕТ**

**ИСЧЕЗНУВШАЯ
ЧАСОВНЯ**

В книге Е. Н. Бубнова «Русское деревянное зодчество Урала» (М., 1988) помещен снимок металлической часовни в г. Полевском. Автор этот снимок никак не комментирует. А строение редкостное, замечательное. Хотелось бы узнать о его судьбе.

В. ГОРОДИЛИНА.

ЗАПОВЕДНИК, КОТОРОГО НЕТ НА КАРТЕ

Владислав ВЕТЛУГИН

Пряжка самоцветная

Ярким голубым ожерельем меж зеленеющих горбатых увалов журчит-поблескивает Нейва. Дом к дому, огород к огороду вдоль пологих берегов да по взгоркам притулилась знаменитая Мурзинка. Внешне «старушка» ничем не отличается от сотен других поселений, но само название ее уже многое говорит уральцу. Вспоминаются седые были-небылицы, пришедшие из старины легенды и байки о старательском фарте, удивительные истории находок и открытий, горьком, порой трагическом бытие искателей и жителей камня.

Разделяя Европу и Азию, на тысячи километров протянулся Каменный пояс, а вот пряжка его — старики называют — как раз здесь пришлась. Не простая пряжка — из самых драгоценных самоцветных камней. Все, чем богат, собрал наш Урал в недрах Мурзинских копей...

Три столетия назад в Мурзинском остроге объявились рудознатцы Михайло и Дмитрий Тумашевы. Не скажешь, что братья даром хлеб ели. Отыскали в округе и железо, и медь, к тому же открыли «цветы земли» — самоцветные камни. За усердие и проворье Михайле (стало быть — старшему) пожаловали из царской казны 164 рубля с... полтиною. С той поры и пошло-поехало. Покатилась по Уралу болезнь каменная, лихотанка самоцветная...

Истари, до отцовских памяти, местные крестьяне промыслили «строганцы». С Вагихи да Тальяна несли скупщикам остроносенькие, как клювы птиц, кристаллы аметистов, с Могола шерлы-турмалины, а копь Мокруша радовала ясными, как весеннее небо, голубыми топазами.

Бурлили, хлопотали тайные торги. В полумраке амбаров, с глазу на глаз проворные лихоимцы поторапливали горщиков с куплей-продажей. Где уговором — «за полштоф», где обманом свое брали, все, что доброе в цветных галечках попадалось, бойко хватили. Прилипчивые торгаша чуяли, куда ветер дует. С легкой руки толстосумов по всему свету разошлись крупницы-искорки месторождений Мурзинки.

Старик и Камень

Иван Иванович тушит недокурную папиросу, задумчиво глядит на яркий фиолетовый аметист. И удивительно: в больших огрубевших пальцах его камень, словно в самой драгоценной оправе, вспыхивает теплом.

Самоцветы... Сколько повидал их на своем веку старый горщик Зверев. Бывало, трудно и разглядеть в не-

Камешки тогда по многим деревням добывали. В Южаковой там, в Сизиковой, по всей речке Амбарке, а все-таки Мурзинка заглавное место была... Около нее нашли первое в нашем государстве цветное каменье... С Мурзинки у нас началась охота за веселыми галечками, — каменное горе, али каменная радость. Это уж кому как любо называй.

П. П. Бажов.
Далевое глядельце

Фото автора

взрачных комьях глины искрометную блестящую драгоценного камня. Но по малейшим приметам находил, открывал людям крепко скрытую в уральских недрах красоту.

Иван Иванович из старинного горщиккого рода Зверевых. Одна из родственных линий восходит к знаменитому Даниле Кондратьевичу Звереву. Данила Кондратьевич рос у камня, знал его прихоти и повадки. К нему, как «профессору», знатоку уральского камня, не раз приезжал академик А. Е. Ферсман. Многие в родне унаследовали от деда Данилы любовь к каменному делу.

Иван Иванович Зверев работал в Ильменском государственном и минералогическом заповеднике, ходил с экспедицией по Памиру. На Урал, в легендарную Мурзинку, вернулся с Саян, да так и остался здесь, промышлял на Тальяне аметистами, а гранил их на фабрике треста «Уральские самоцветы» его дядюшка — искусный мастер-гранильщик Григорий Данилович Зверев...

В Мурзинке создали свой сельский минералогический музей. Многие годы Иван Иванович принимал туристов прямо у себя дома. Помню длинные стеллажи во дворе, возле которых, кажется, всегда толпились люди. Потом коллекция обрела вторую жизнь, переехала в бывшую церковь, стала достоянием всех любителей камня. Похожьюсь отнеслись к организации музея односельчане. Александр Иванцов, Николай Конев, Николай и Виктор Киселевы, Николай Клишев, семья Тимофеевых подбирали образцы, готовили фотографии, делали и оформляли витрины и стенды. Избрали и совет музея, первым председателем которого стал И. И. Зверев.

Ежегодно народный музей имени А. Е. Ферсмана посещают тысячи людей. Издалека приезжают. Стало быть, велик интерес к уральским самоцветам, к истории разработки подземных участков Мурзинки. Не иссяк и род потомственного горщика. Буровым мастером трудится его сын Юрий. Младший, Владимир, учился у брата. Теперь тоже работает с геологами. И дочь Елена — опытный коллектор в разведочной партии.

«Сибирский» аметист

Война затронула и Мурзинку. В тяжелую годину заморские капиталисты диктовали свои условия. Знали — на все пойдем! И уральские самоцветы шли на внешний рынок — пополняли валютный фонд страны, тоже работали на Победу. Только хиленьким артелькам инвалидов разрешиться было не по силам: брали что поближе, по старой памяти. Со временем природный камень стал исчезать. Появился синтезированный. Пройденные до войны выработки затопило водой.

В наши дни камень снова в почете. А разновидность горного хрусталя с яркой фиолетово-малиновой окраской — аметист — можно отнести теперь к редкости. Золотом платят за него зарубежные фирмы. Что поделаешь, мода диктует цены на мировом рынке, а она во всем изменчива и капризна: коли редкий — значит, модный.

Издавна славилась «сибирскими» аметистами знаменитая Ватиха, до нашего времени — единственный поставщик сортового сырья. Правда, известны еще проявления на Кольском полуострове и в Якутии: там добываются «щетки» с мелкими, как семечки в подсолнухе, мерцающими на свету кристалликами, но они идут только на декоративные поделки, сувениры.

Большую часть жизни легендарная Ватиха была затоплена. Второе, точнее, уж третье рождение началось в 60-е годы, когда рядом с двумя старыми «дудками» прошли новый ствол большего сечения, построили компрессорную, бытовую корпус. Вооруженные современной техникой, горняки увеличили объемы проходки, геологи провели разведку до нижнего горизонта 120-го метра. Коллектив Нейвинской геологоразведочной партии производственного объединения «Уралкварцсамоцветы» шаг за шагом, метр за метром почти два десятилетия планомерно изучал подземные окрестности двух не стареющих уникальных месторождений — Ватихи и Мурзинского. Ветераны подтвердили статус промышленных, а по разнообразию, густоте, сочности окраски извлекаемого кристаллосырья они не имеют аналогов.

Самоцветы прячутся ныне глубоко под землей...

Вместе с горняками облачаемся в неуклюжую резиновую робу, надеваем каски, включаем лампы. Клеть вздрагивает, плавно разгоняясь, через незримые этажи горных выработок катит в подземные чертоги. Тоскливой, нежилой чернотой зияют отработанные горизонты. По крепке ствола струится вода. На отметке 90 метров расклевывает вязкий мрак штреки. В сумерках рудного двора выстроились гуськом вагонетки. Совсем как у лесной опушки, сквозит встречный ветерок, где-то в темноте шумит вода, доносится грохот бурового станка.

От забоя к забюю с геологами отмерили не одну версту. Завершая обход нескончаемого лабиринта, забрели в сухую и уютную своими комнатными размерами выработку, сбросили полевые сумки.

После ночной отпалки в этом забое обнаружили признаки занорышей. Оказалось, пояснили геологи, подскеле жилу Тихонику, ту самую, что наверху вдоль-поперек исчеркана рубцами стародавних канав и шурфов. Наутро подняли всех «в ружье». Посмотреть, разобраться в начинке «слоеного пирога» спустились не один-двое, а бригада специалистов.

Занорыш — термин уральский, старательский. Выглядит, понятно, каждый по-разному, но и впрямь напоминает норы и логова диких животных. Еще горщики заметили, что именно эти пустоты в складках пегматитовых жил облюбовали самоцветы.

В самый большой занорыш, явствует из описаний А. Е. Ферсмана, поместилась бы телега. Тихониха же открылась крутыми, почти вертикальными волнами светлых складок. Они соединялись и расходились, образуя углубления, карманы, полости, чаши.

Дали воду. Хлесткая тугая струя из шланга полоснула верхнюю часть жилки. Минуту-другую вода уходила куда-то в черную прорву и неожиданно вырвалась сбоку бурлящим глинистым потоком. Мало-помалу освобождаясь от наполнителя, жила заметно раздалась, своды, будто внешний лед, подтаяли, превратившись в малень-

кие гроты. Отбросив в сторону шланг, все с нетерпением ринулись вперед и, затаив дыхание, замерли. Освещенные враз несколькими фонарями, в гнезде, будто в мареве догорающего костровища, тлеющими угольками таинственно мерцали колонии аметистов.

Да, именно на девятистом горизонте в Тихонихе, в недрах ее сестры Логоухи были добыты редкие по величине и интенсивности окраски ювелирные кристаллы-богатыри. Дивными камнями одарила и соседняя, давным-давно вскрытая с поверхности жила Каленая. Те урожайные дни вспоминают в партии с неизменным оживлением и восторгом. Одна из друз теперь прописана далеко от родины — в Кубинском национальном минералогическом музее. Правда, все это уже в прошлом. Волею циркуляров Ватиха опять затоплена.

Сокровища мокрой Елани

Через поле, вдоль заросшего ивняком ложка, мимо забурьяненной, звонкой когда-то деревушки Алабаши узкий проселок с выдавленной на обочины красной глиной заныривает в заболоченный сосняк. Понятия «копь», «горная выработка» привычно связываются с утесами и кручами. А тут — равнинный лес без единой торки.

...Из шурфа малютку бережно подняли в брезентовой рукавице. В лучах солнца он ярко блеснул медовыми гранями, наполнился теплым внутренним сиянием. Верно считали жрецы камня — горщики: только на солнце он имеет полную силу. Златоцветный, «с иголки» кристаллик — еще одно чудо и загадка природы, удивительное проявление материи. Ученые-минералоги нарекли его гелиодором. И впрямь, своей лучистой улыбкой он сродни ласковому небесному светилу.

Гелиодор одного сословия с желтым бериллом, голубым аквамаринном. Все члены этого благородного семейства встречаются в пегматитовых жилах копей Мурзинского месторождения — на Мокруше, Голодной, Моголе, в Старцевой яме.

Заботливые руки геологинь почистили новорожденного зубной щеткой, вымыли с мылом в эмалированном тазике, обмерили и, как полагается, водворили на никелированную тарелочку весов. Похожий на огрызок карандаша, для своего солидного возраста он действительно невеличка: всего-навсего 39 граммов. Но не спешите разочаровываться: кристаллы ограниченного качества имеют свои «весовые категории». В пересчете на караты кроха тянет на местного рекордсмена — 195 карат! А это для такой редкости — великанский вес!

Прежде чем попасть в музейную витрину, он послужит науке, попозирует перед объективами фотокинокамер, оставит свои «мемуары» на спектрограммах, войдет в научные работы, наверняка увековечится в справочниках, каталогах... В любую погоду он играет веселыми солнечными зайчиками. Глянешь — на душе станет легко и радостно: настолько он светел и чист!

...Но все же копь Мокруша — это прежде всего топазы. С чем сравнить их? С небом? Может, это синь вечерних туманов и холодных утренних рос впитала земля и спрессовало в кубики кристаллов всемогущее время? Мурзинка — это Страна Топазия...

В конце XVI века местные крестьяне уже вовсю ворошили Мокрый лес. Добывали шерлы-турмалины, шестигранной природной огранки бериллы, поднимали массивные штуфы смоляных морионов, окаймленных сахарной белизны альбитами. Но среди них особая радость и гордость — топазы. Сами старатели удивлялись их прозрачности. Отсюда и повелось: лучший — значит чистой воды камень.

Первые находки голубых, впрозелень и вовсе бесцветных топазов на Мокруше относятся к 1730 году. Пробил час, пришло их время появиться в руках человека. С тех пор камень никогда не считался старомодным.

У каждой его разновидности своя особенная. Не зря поначалу его считали алмазом, как знаменитый бесцветный топаз «Браганца» (массой 1640 карат — 328 граммов), венчавший корону Португалии.

Западные торговые фирмы и сейчас именуют бесцветный топаз невольничим или саксонским алмазом. А наши — голубые — значатся в преискурантах сибирскими топазами, либо бразильскими аквамаринами. Всех экстравагантных синонимов на мировом рынке не счесть.

Наши же горщики испокон века окрестили топазы по-своему — «тяжеловесами». За то, что котомка с добычей чувствительно давила плечи, да и в ладони камень лежал грузно, увесисто. Невероятно, но поначалу он нашел применение в крестьянском хозяйстве: уж больно подходящими пришились «тяжеловесы» для задавливания соленей впрок. «Самолучший гнет» оседал сперва в кадках с грибами, подалее от глаз людских, от света, от тепла. Но как щуки учат карасей, так и купцы научили мужиков — и горщики узнали цену «тумпасам».

Хоть и немало добывали, но улицы топазами не мостили. Лучшие находки со временем украсили короны монархов и символы империй, засверкали в соборных иконах и аксессуарах служителей культа. По обывательским, модным в те времена гороскопам, топаз покровительствовал родившимся в ноябре.

В истории Мокруши было немало диких вещей. Как-то еще в начале века вскрыли крупный занорыш, одаривший великолепными топазами и редкими, до 75 сантиметров ростом кристаллами горного хрусталя. Да вот незадача. Неопытные старатели не смогли справиться с двухпудовым «тяжеловесом», в целостности-сохранности извлечь его из гнезда, впопыхах в пылу удачи разбили кристалл. Так и продавали потом радужными на сколах кусками.

Каменные звезды

А что же в наши дни? Неужто старатели всё выбрали подчистую, вымели под метлу, сняли все сливки? Разумеется, нет. Тогда человек работал только кайлом да на ощупь, а теперь в его руках буровые станки, проходческие машины. Наука и техника позволяют сегодня вести большие объемы горных работ, на значительных площадях и глубинах. Нынешние геологи и добытчики камня проникают в нижние этажи недоступных кладовых.

С точки зрения науки — каждая находка, содержимое каждого занорыша не только отвечает на многие вопросы, но порождает новые. Камень — это не только художественно-эстетический элемент нашей повседневной жизни, но и великое достояние человечества, позволяющее полнее понять многие взаимосвязи в окружающей природе, глубже познать окружающий мир. А эволюция земных недр, биография всей каменной палитры требует постоянной, неустанной, бесконечной работы и на качественно новом уровне.

Только на Мокруше и ее флангах, например, установлено 72 (!) разновидности минералов. Среди них — редкие и новые: касситерит, монацит, гамбергит, родицит, кукцит и другие. Словом, в недрах этого района содержится почти вся таблица Менделеева. И, как говаривал старый горщик Сергей Христофорович Южаков, — все в Мурзинке есть, а если чего и нет, то, значит, еще не дорылись. Так что давно открытые месторождения и сегодня платят человеку сполна за его упорство.

Немецкий минералог Шуман говорил, что созерцать камень — значит жить! Верно, когда видишь эту застывшую каменную фантазию, это торжество природы — действительно хочется жить.

Вспоминаю добытый в 1985 году штуф «Победа». Это была, конечно, сенсация. Геологи утверждают, что со времен посещения этих мест академиком Ферсманом подрубных топазов не находили. И снова зародилась Мо-

круша. Как из рога изобилия, одарила десятками разных по величине и цвету кристаллов. Самый большой, весом 13,9 килограмма, нарекли, конечно, «Нейвой». Младшим братьям дали имена «Ферсман», «Мурзинский», «Урал». Но самое яркое впечатление произвел поднятый из этого занорыша штуф, состоящий из 26 сросшихся кристаллов, общим весом почти 44 килограмма. Его назвали «Победа».

Отправляя находку в Москву, предварительная комиссия на месте оценила его в полмиллиона рублей и дружно проголосовала за частное определение: без продажи за рубеж. Пусть уральский экспонат станет достоянием государства.

Помните, академик Ферсман называл Мурзинку заповедным районом Урала... Но такового до сих пор не существует. А чтобы сохранить мурзинский феномен от «злого глаза» и в то же время сделать общедоступным, необходимо создать заповедник или национальный парк. Пусть для организованных туристов это будет экскурсия из Алапаевска в минералогическую Мекку, по местам промыслов горщиков. Путешествие по Нейве, посещение старых копей, музея привлечет сюда немало туристов. Посмотрите по книге отзывов, сколько людей посещает летом мурзинский музей! Интересен и сам старинный город Алапаевск и музей деревянного зодчества в Нижней Снячихе. Здесь же, на туристской тропе несложно организовать выпуск и продажу сувениров, мелких штуфов, изделий народного промысла. Мастера здесь еще есть, заморских выписывать не надо. Эти заботы может взять на себя небольшой кооператив или камнерезный цех товаров народного потребления Нейвинской партии.

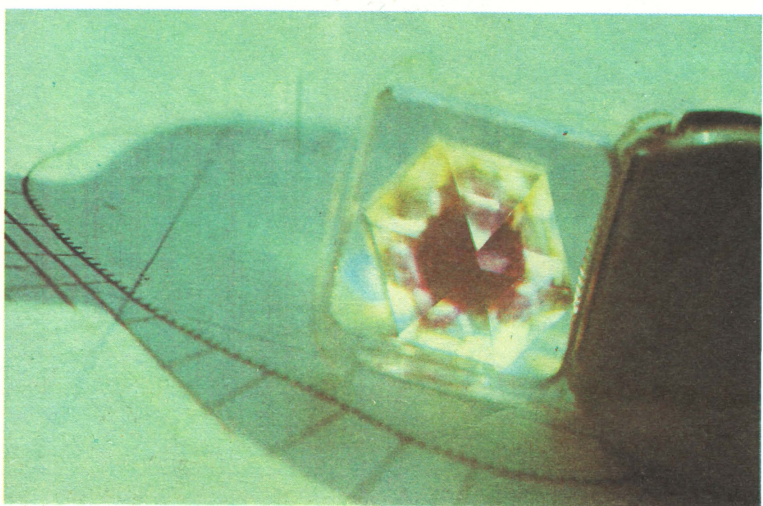
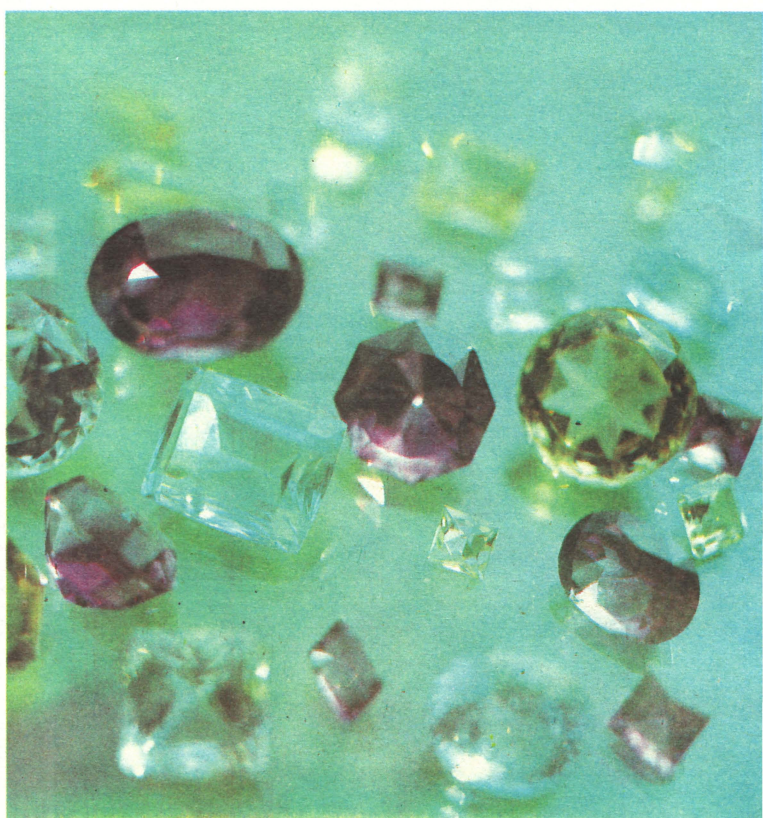
В своем бесконечном творчестве природа не знает серийного производства. Каждый кристалл, каждый осколок каменной материи неповторим. Есть близнецы, есть двойники, но одинаковых не существует.

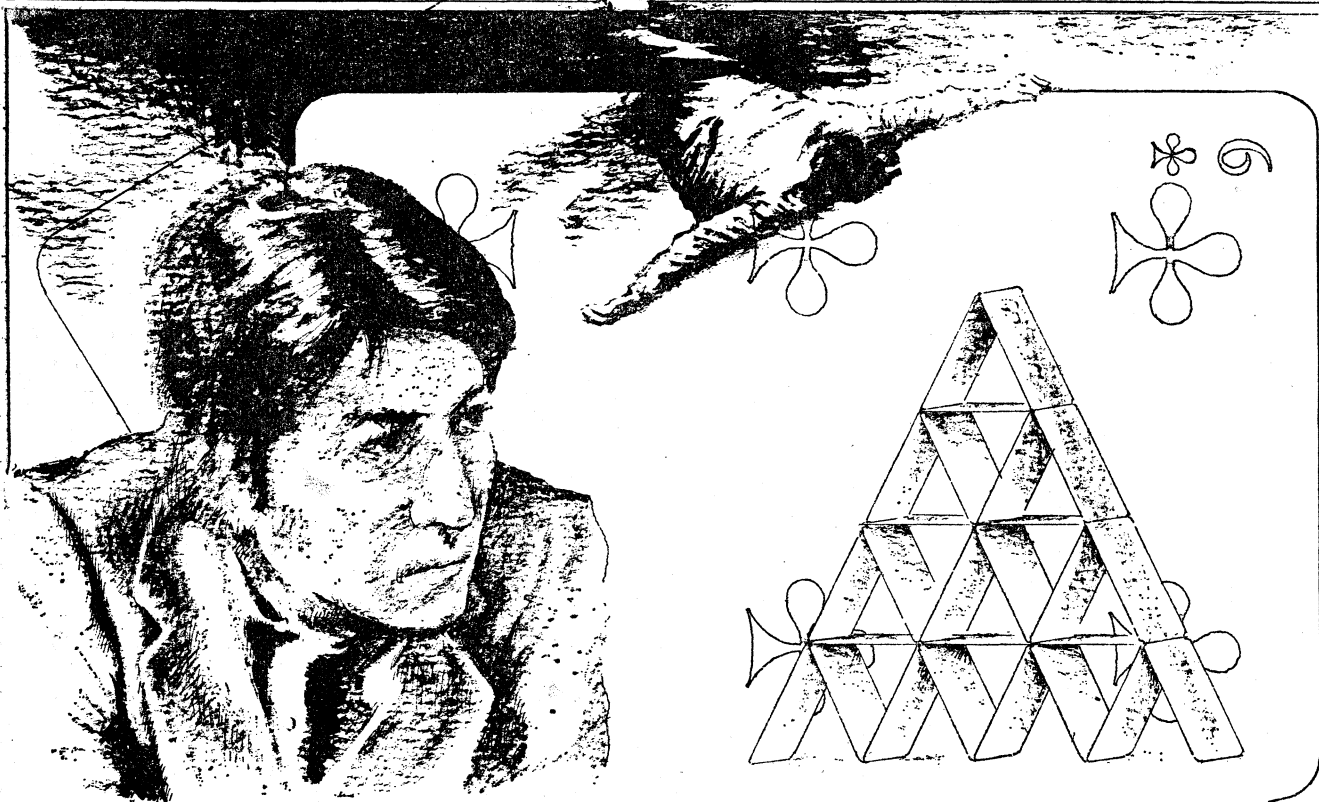
Сейчас мы много говорим о сыновней любви к природе, об охране озер, лесов, рек. При этом недра практически не упоминаются. А Мурзинско-Адуйская самоцветная полоса — этот многокрасочный фейерверк камня — достойна такого внимания. Это щедрая, до краев наполненная самоцветами малахитовая шкатулка Уральских гор. Именно на ее богатствах зародилась неувядаяющая культура камнерезного и ювелирного искусства нашего края.

На вклейках: три Ватихи — старательская яма, копры старой и современной шахт; причудливые каменные складки выходят из уральских недр на дневную поверхность в скалистых берегах Нейвы; сменный техник-геолог участка Мокруша Сергей Боршев осматривает штуф, включающий богатую гамму минералов; друза из десятков кристаллов аметиста; кристаллы топаза разного цвета; палитра уральских минералов; аметистовая щетка; ограниченные аметисты и топазы; в фокусе лупы — кристалл аметиста.

БЕЗ ОСОБЫХ ПРИМЕТ

Повесть

Анатолий РОМОВ

Рис. Евгения Охотникова

БОРИС И ИРАКЛИЙ

«Неужели я кого-то пушу впереди себя». Эти слова, которые он, Боря Иванов, впервые прошептал в восемь лет, сопровождали его потом всю жизнь. С момента, когда он ощутил себя среди узких душных улочек Тбилиси, с жестоких игр сверстников во дворах Авлабара. Района, где живет более пятнадцати национальностей и где каждый мальчишка знает как минимум три языка.

Фамилией «Ивановы» его предки, ассирийцы*, были обязаны казаку, выдававшему в конце прошлого века паспорт приехавшему на Кавказ прадеду. Прадед повторил свою фамилию трижды, но казаку сочетание «Бит-Иоаннес» показалось слишком му-

* Ассирийцы — одна из народностей СССР. Самоназвание — агурая. В СССР живут в основном на Кавказе, а также в Москве и Ленинграде. Распространено также название ассирийцев — айсоры. Но оно неправильно.

дреным. Спросив: «Это по-нашему Иван, что ли?» и не дождавшись ответа, казак, махнув рукой, записал: «Иванов». Прадед, конечно же, русского тогда еще не понимал. Так и появились в Тбилиси, в районе Авлабара, по сегодняшнему в районе имени 26-ти бакинских комиссаров, ассирийцы Ивановы.

В Авлабаре вообще не принято уступать. Он же, Боря Иванов, не мог уступить никогда. За это его били. Били жестоко, в кровь, обычно по несколько человек — повалив и по уличному обычаю норовя попасть ногами под дых или в лицо. Били в восемь, в десять, в одиннадцать лет. В двенадцать его избил компания шестнадцатилетних — за то, что он плюнул в лицо их вожаку по кличке Нюс. У Бори отобрали деньги, которые мать дала ему на кино, и потом, взяв за руки, пытались заставить поклониться Нюсу. Он сделал вид, что сейчас поклонится, вот-вот — и когда лицо Нюса приблизилось, залепил ему слюной глаза. В тот раз ему казалось, что его били бесконечно долго. Наконец его оставили — хар-

кающего кровью, бессильно-вялого, почти мертвого. Несколько часов он просидел, скрючившись, около забора. Домой он приполз ночью и на все вопросы матери только кашлял, выплевывая сукровицу.

После этого он записался в секцию бокса. Два года, проходя в школу и из школы, он избегал мест, где мог бы встретить Нюса или кого-то из его компании. На третий год, когда он заработал свой первый юношеский разряд, он решил, что может ходить в школу обычной дорогой. И вскоре встретил Нюса. Впрочем, он знал, что рано или поздно все равно его встретит. Нюс стоял с двумя приятелями, Борис же был один.

Драка была короткой. Один из товарищей Нюса, с ходу получив крюк в челюсть, уполз вдоль забора. Второй был нокаутирован с третьего удара. Нюсу же, который несколько раз поднимался и лез на кулаки, Борис заплотил сполна.

Но эту стычку с Нюсом еще нельзя было назвать даже возмужанием.

Возмужание, как и полагается, прошло все этапы, которые неизбежно сопровождают превращение подростка в мужчину — здесь, в Тбилиси, в Авлабаре. Он был пятым ребенком в семье рабочего нефтебазы. В четырнадцать он уже должен был сам зарабатывать себе на хлеб. Сначала пошел грузчиком на механический завод, потом там же стал давильщиком. Потом научился курить — чтобы суметь бросить. Пить — чтобы потом уже не брать в рот ни капли. И, конечно, с тринадцати именно здесь, в Авлабаре, он смог подробно изучить все карточные игры, от «секи» и «деберца» до преферанса и покера. В четырнадцать знакомый цыган научил его запоминать рубашки карт, и ему показалось, что в карточной игре он достиг совершенства. Иногда он даже обыгрывал самого Ираклия Кутателадзе, своего лучшего друга. Но в пятнадцать, так же как и Ираклий, пройдя неизбежный этап карточного запоя, он внезапно охладел совершенно к картам. В восемнадцать Борис Иванов поступил на шоферские курсы, в двадцать один, после армии, стал милиционером-стажером.

В милицию он пошел не из каких-то высоких побуждений. Может быть, высокие побуждения появились потом, сначала же он просто искал работу, которая бы ему понравилась. Он умел водить машину, умел стрелять, был кандидатом в мастера по боксу. Рано или поздно кто-то наверняка должен был посоветовать ему пойти в милицию. Первый такой совет он услышал от своего тренера. Так он пришел в городское УВД.

Начал он с того, что в составе специальной группы из трех человек ходил по Тбилиси и ловил карманников. Именно в это время Борис снова, по настоящему, сблизился со своим бывшим одноклассником, Ираклием Кутателадзе.

Вообще об Ираклии Кутателадзе следует рассказать особо. Ираклий был из тех, про которых уже с первого класса говорят: «У мальчика светлая голова». Ираклий Кутателадзе обладал потрясающей памятью и во время учебы все схватывал на лету. Но Ираклия отличала еще и врожденная целеустремленность, и если уж он за что-то брался, то не останавливался, пока не достигал максимального результата. Во втором классе восьмилетний Ираклий увлекся шахматами — и к пятому стал кандидатом в мастера. Ираклий был гордостью школы, высту-

пал на первенстве Тбилиси среди взрослых, и вся школа, в том числе и его ближайший друг Боря Иванов, ездили «болеть» за своего соученика. Но, хотя Борис и Ираклий дружили с первого класса, к седьмому их пути стали медленно, но неуклонно расходиться. Борис пошел работать и теперь уже занимался в вечерней школе, Ираклий продолжал учиться в старой, готовясь к поступлению в вуз. Временами Борис, конечно, урывал время, чтобы заскочить к Ираклию, взять какую-нибудь книгу, поговорить с его отцом, батоно Ясоном, доцентом университета. Борис работал водителем самосвала и готовился уйти в армию, когда Ираклий выбрал не такой уж престижный пищевой факультет Тбилисского политехнического института, поступить в который ему ничего не стоило. Все экзамены Кутателадзе сдал на пятерки. Но тем самым он отказался от блестящей карьеры «грузинского Ландау», которую ему пророчили окружающие. Ни у кого не было сомнений, что Ираклий Кутателадзе будет поступать, как минимум, на математический в МГУ или в МИФИ. Уже вернувшись из армии и поступив в милицию, Борис Иванов не раз слышал от многих: «Испугался Ираклий, не поехал в Москву. А зря. С его головой он прошел бы в любой вуз». Но Борис знал — Ираклий, конечно же, не испугался. Он хорошо знал семью своего друга, не раз прислушивался к тому, что говорил батоно Ясон. Увы — как часто наставления старшего Кутателадзе казались ему скучными, далекими от жизни, никому не нужными. Только гораздо позже он понял: в семье Кутателадзе нашла прочный приют старая, как мир, идея, всегда жившая и живущая во многих грузинских интеллигентных семьях. Она была проста: способный молодой человек должен идти не туда, где будет лучше карьера, а туда, где он сейчас нужнее обществу. Впрочем, неизвестно, был ли Ираклий нужней всего именно в мясо-молочной промышленности. Но раз он пошел на пищевой факультет в политехнический институт, значит, он так решил. И спорить с ним, Борис это знал, было уже бессмысленно.

Потом, когда Ираклий Кутателадзе окончил институт с отличием и получил направление в Москву, в аспирантуру Тимирязевской академии, их пути как будто бы разошлись окончательно. Борис Иванов продолжал работать в Тбилиси и в конце концов стал заместителем начальника РОВД. Но вот — все это пронеслось, как сон. Пронеслось, и самого Бориса Иванова, уже майора милиции, выпускника Академии МВД, тоже перевели в Москву.

Борис Иванов стал старшим оперуполномоченным ГУУР МВД СССР. Это считалось повышением. Предполагалось, что здесь, в Москве, может пригодиться все, чему он научился в Тбилиси. Он, например, считал, что все это могло пригодиться и в самом Тбилиси. Но начальство решило, что здесь он нужнее.

Странно — но с Ираклием Кутателадзе, который давно уже жил в Москве с женой Мананой и сыном Дато, Борис Иванов встречался после переезда в Москву довольно редко. Впрочем, в самой их дружбе ничего, конечно же, не изменилось. Просто обстоятельства не давали им встречаться чаще, чем раз в месяц. Сначала Иванову надо было устроиться вместе с семьей — женой Лилей и трехлетним Геной. Нелегкой была и новая работа, на которой приходилось засиживаться до ночи и часто работать

без выходных. Потом вдруг грянул гром: Лиля, не выдержав жизни в Москве, уехала внезапно вместе с сыном в Тбилиси. Сейчас, когда после переезда Иванова в Москву прошло пять лет, Ираклий Кутателадзе успел уже стать директором мясокомбината.

КАБИНЕТ ПРОХОРОВА

Иванов следил, как Прохоров, следователь прокуратуры по особо важным делам, просматривает одну из папок следственного дела. Вот уже неделю они ежедневно встречаются в этом кабинете. Собственно, пошел уже девятый день с тех пор как убийство Садовникова свелс их вместе. Обычно они встречаются вечером, к концу рабочего дня. Разглядывая собственное отражение в оконном стекле, Иванов усмехнулся — плохо. Когда у следователя и оперативника все идет хорошо, такие встречи ни к чему. Если все идет хорошо, достаточно телефонного звонка. К собственному отражению Иванов привык и считал его обычным, невыдающимся. Но в Москве, где он работал пятый год, он каждый раз разглядывал себя с досадой. Слиться, потеряться среди других в столице с такой внешностью трудно. Черные волосы, черные густые брови, нос «крючком», резко очерченные губы, ямочка на подбородке. Ко всему этому общий оливковый подсвет лица и темно-карие, выпукло обозначенные глаза. Типичный «гость с юга».

Перед тем как приехать к Прохорову, Иванов два часа потратил на изучение сводок по преступлениям, совершенным в Москве за последние несколько суток. Этим — с тех пор как в их поле зрения попал убийца Садовникова, условно именуемый «Кавказцем» — он вместе со своей группой занимался теперь ежедневно. Втроем они не только просматривали сводки, но и звонили на места, в районные и транспортные управления и отделения. Вместе они, то есть он, Линяев и Хорин, буквально «прочесывали» все случаи или попытки разбойного нападения с применением огнестрельного оружия. Их интересовали лица высокого роста с «южной» или «кавказской» внешностью, около тридцати лет. И каждый раз выяснялось, что след ложный.

На секунду Прохоров, читающий дело, поднял глаза:

— Борис Эрнестович, подождете? Сейчас закончу, и поговорим насчет этого Нижарадзе? Хорошо?

— Конечно. дочитывайте, Леонид Георгиевич, делать ведь все равно нечего.

— Угу. Я минутку. — Прохоров снова уткнулся в папку. Иванов принялся рассматривать снежинки, летящие за окном. Подумал: Нижарадзе. В море любых кавказских фамилий он всегда чувствовал себя привычнее. Вроде бы он знал одного делового Нижарадзе, по кличке «Кудюм». Насколько он помнит, «Кудюм» занимался мошенничеством. Если этот Нижарадзе из «Алтая» и есть «Кудюм», что вполне допустимо, ибо кавказцы останавливаются в «Алтае» довольно часто — вряд ли след приведет к чему-нибудь. Фармазонщик «Кудюм» никогда не пойдет на убийство. Если же он абхазец из Гудауты, то и воровать никогда не будет. Так и остановится навсегда на своем «фармазоне». У абхазцев воровство считается последним делом. Да и не верит он в такие «находки». Возникла же фамилия Нижарадзе так: вчера, на шестой день организованной

Прохоровым проверки московских гостиниц, было обнаружено, что в день убийства Садовникова из гостиницы «Алтай» выписался некто Гурам Джансугович Нижарадзе, житель Гудауты. По показаниям персонала, у этого Нижарадзе был белый пуховый спортивный костюм. В этом костюме его видели несколько человек. Белый пуховый костюм, фамилия... Нет, всего этого мало. Но какой-никакой — все же след. Иванов с легкой досадой подумал о том, почему именно его назначили начальником опергруппы. Потому что он из Тбилиси? Когда к месту происшествия подъехала оперативная машина, Садовников еще жил. И в «скорой помощи» по дороге в больницу успел сказать: «Кажется... он с Кавказа». Это были последние слова. Довезти до больницы Садовникова не успели, он так и умер в машине. Свидетельницы также показали, что нападавший был «высоким человеком лет тридцати восточной наружности». Нижарадзе... Хорошо, допустим, этот Нижарадзе и есть «Кудюм» — ну и что? Его видели только работники гостиницы «Алтай». Вряд ли они его запомнили. Но если и запомнили — фамилия «Нижарадзе» еще не означает, что у человека восточная наружность. Светловолосый человек с голубыми глазами тоже может носить фамилию Нижарадзе. Белый костюм... Ну да, это как раз и есть — крохотный след. Которого раньше не было. Может, этот след приведет к чему-то. А может — нет.

Согласно заключению судмедэкспертизы, по голове Садовникова было нанесено семь ударов «тяжелым металлическим предметом». Иванов уже много раз прикидывал, что бы это могло быть. Скорее всего это был короткий стальной прут с приделанной для удобства рукояткой: убивал Садовникова человек опытный и сильный. «Кавказцу» было важно сразу же нанести оглушающий удар. И потом уже добить жертву. По вытоптанной почве, поломанным кустам и найденному на месте схватки синему пластмассовому замку от застежки «молния», наверняка сорванному с белой пуховой куртки — Садовников сопротивлялся до последнего. Героически. Ну да, почему бы и нет. Строго говоря, Садовников и умер, как герой. Судя по всему, роковым оказался самый первый удар, нанесенный неожиданно — в момент, когда инспектор, остановившись рядом с «Кавказцем», стал вглядываться вниз, куда показывал «человек в белом пуховом костюме». Сейчас трудно предположить, как сопротивлялся Садовников после этого первого удара — уже оглушенный и истекающий кровью. Может быть, сначала он пытался достать пистолет? Или, понимая, что выхватить оружие уже не сможет, схватился врукопашную? Неясно. Ясно лишь, что «Кавказец» продолжал бить Садовникова прутом по голове, нанеся вслед за первым еще шесть безжалостных смертельных ударов.

Прохоров кончил читать и отложил папку.

— Борис Эрнестович, я вижу, вы в этого Нижарадзе не очень-то верите?

С виду Прохоров — сама простота. Но Иванов давно понял: Прохоров лишь с виду кажется простым. В действительности он достаточно сложен. И — ничего не говорит зря.

— Почему, Леонид Георгиевич. Верю. Вообще — какая работа проведена там, в гостинице?

— Я настоял, чтобы туда выехала опергруппа. Номер осмотрен прокурором-криминалистом. Помимо

этого, проведен подробный опрос персонала.

— Ну и опрос что-нибудь дал?

— Если вы о материальных следах... Их выявить пока не удалось. Правда, неопрошенные свидетели еще остались. Дежурство в гостинице сменное. Да и вообще... — Прохоров помедлил. — Вообще, «землю рыть» пока рано. До ответа из «ИЦ»*.

Смысл этих слов Иванов отлично понял. Одно дело, если они установят, что проживающий в «Алтае» Нижарадзе ни разу не был судим. Значит, отпечатков его пальцев в «ИЦ» нет. И совсем другое — если попавший в их поле зрения ранее был осужден.

— Понимаю.

— Насчет же этого Нижарадзе... — Прохоров явно хотел еще раз все взвесить. — Я все-таки верю, что там есть что-то путное.

Иванову было ясно — Прохорова заинтересовал пункт остановки. То, что Нижарадзе остановился именно в гостинице «Алтай». Три известных в Москве останкинских гостиниц, «Заря», «Восход» и «Алтай», считаются устаревшими, малокомфортабельными. Но именно в этих окраинных гостиницах любят останавливаться «деловые» с юга. Те, кому есть смысл не обращать на себя внимания.

— Вы имеете в виду... то, что он остановился в «Алтае»?

— Именно. Что касается запроса в «ИЦ», я его сделал по телефону. Может, сегодня даже ответят. Подождете? Или... вас дома ждут?

Они с первого дня совместной работы обменялись домашними телефонами и практически каждый день звонили друг другу. Иванов хорошо знал голоса домашних Прохорова — жены Аллы и сына Егора. Прохоров, попадая каждый раз при звонке домой только на Иванову, мог, конечно, догадаться, что тот живет один. Сейчас Иванову даже показалось, что Прохоров не спрашивал раньше о его домашних делах не просто так. Во всяком случае, теперь он знал точно: в Прохорове очень сильно развита некая внутренняя деликатность. Но даже сейчас, заданный вскользь, мельком, вопрос о «доме» был Иванову неприятен. Он ответил, глядя в окно:

— Да у меня... найдутся дела. Я еще подъеду к концу работы.

— Ну, а я тут еще посижу. Я вообще, вы же знаете, сижу долго. Так что смело подъезжайте.

— Хорошо. — Иванов вышел. Еще неизвестно, что лучше — прямота или вот такая, как у Прохорова, деликатность. На улице стемнело, уже горели фонари. Впереди светились окна комиссионного магазина, рядом несколько молодых людей стояли у входа в кафетерий. Иванов остановился у своей светло-голубой «Нивы». Достал ключ, открыл дверцу. Прохорову он наврал — никаких дел у него сейчас не было. И ехать некуда. Разве что — к Ираклию. Позже. А что? Пожалуй, сегодня действительно можно будет съездить на Тимирязевку. Он давно там не был. Все-таки хоть какая-то, но иллюзия домашнего уюта. Ему там всегда рады. И не нужно заранее звонить, можно без звонка. Если бы его ждали дома. Если бы... Лиля с трехлетним Геней в Тбилиси — уже полгода. Он до сих пор помнит эту ее фразу, с которой он сорвался. «Борис, знаешь, кажется — переезд в Москву не для меня. И этот город не для меня». — «О чем же ты думала, прожив здесь пять

лет?» — «Ну — так...» Он помнит, как после этого закричал на нее. И — как она побледнела. Но ведь он обязан был так поступить. Он, мужчина. Обязан. Видите ли, здесь, в Москве, она жить не захотела. Да, он кричал на нее: «Ты будешь здесь жить! Будешь! Слышишь — будешь! А не хочешь — убирайся! Я не держу».

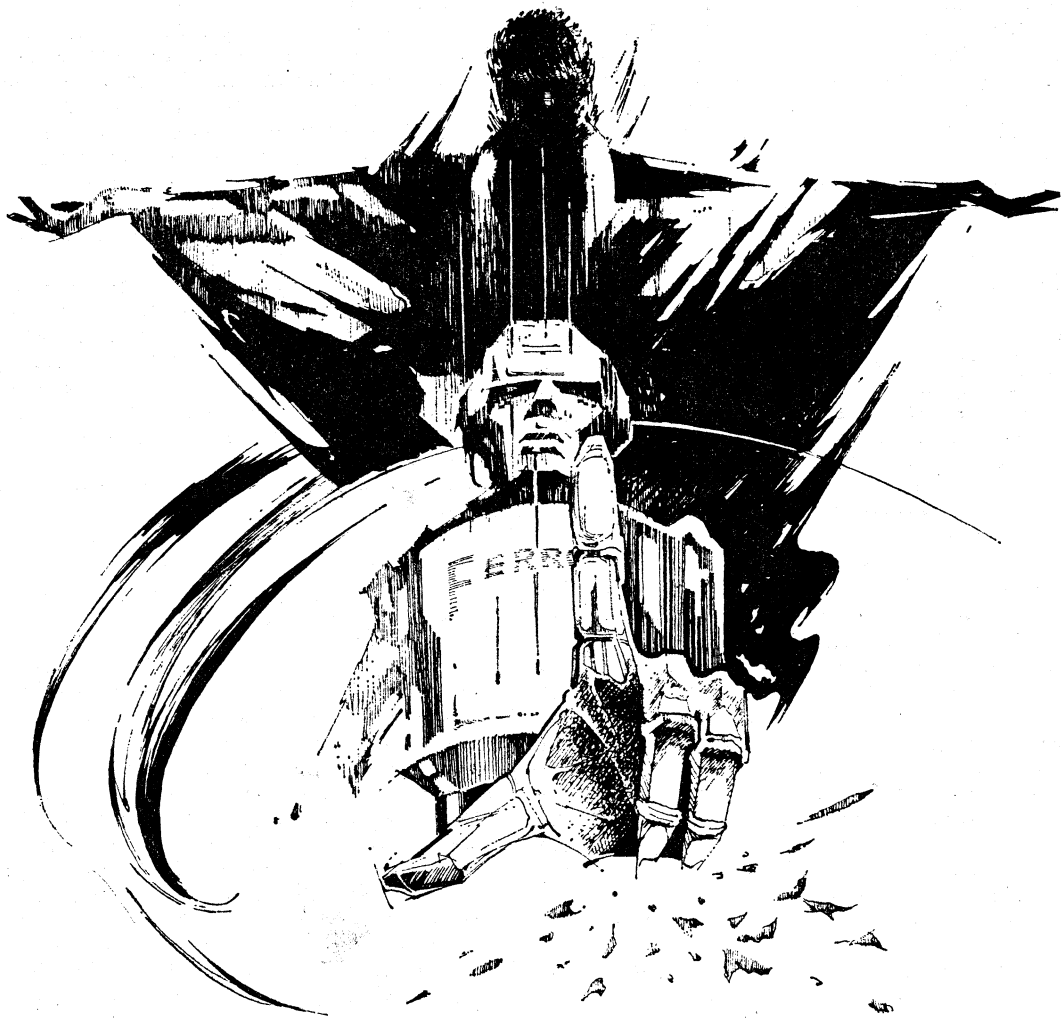
Он сел в машину. После того, как он накричал на нее, Лиля жить здесь не захотела, хотя между ними, лично между ними, как будто ничего не произошло. Даже после того, как Лиля уехала, он знал — она не хочет и не будет с ним разводиться. Она уехала, потому что он просто ее выгнал. Может быть, теперь уже она не вернется. Не вернется? Нет, конечно же, она в конце концов вернется. Куда ей деться, не может же она продолжать жить в Тбилиси — одна, с ребенком, без него.

Машину Иванов остановил недалеко от злополучного перекрестка. Впереди был виден «стакан» ГАИ, в котором сейчас сидел кто-то из инспекторов. За будкой зеленели купола крохотной церквушки Ивана-Войтеля, еще дальше тянулась длинная ограда смотровой площадки. «Кавказец», судя по всему, сначала стоял где-то там, у церкви. Выжидая, пока Садовников заступит на пост. Может быть, за церковь. Если бы понять, зачем именно сейчас, именно в эти дни «Кавказцу» понадобилось срочно добывать пистолет. Налет? Ограбление? Или — можно допустить — оружие понадобилось для защиты от кого-то. Нет, для защиты вряд ли. При таком способе добытия оружия это не тот человек. Не тот, которому кто-то осмелился бы угрожать. Что-нибудь посложнее. Допустим, вооруженный шантаж? Вымогательство крупных сумм у «деловых», так называемый *разгон*? Может быть. Или, скажем, нападение на сберкассу? Неизвестно. Что гадать. Мало ли что еще. Конечно, все зависит от того, новичок этот «Кавказец» или рецидивист. Был ли он ранее судим, отбывал ли наказание. О том, что убийца был опытным, говорит только дерзость нападения — и все.

Фотографии жителей Москвы, ранее судимых и похожих по описанию на «Кавказца», были показаны свидетелям, но никто опознан не был. Значит, совсем не исключено, что это был новичок.

Вздохнув, Иванов сосредоточил внимание на асфальтовой мостовой. Снег, падающий на подмерзший сухой асфальт, сейчас будто сам собой собирался в бледные вращающиеся спирали. Покрутившись, спирали скатывались вниз, на подернутую первым ледком Москву-реку. Нет, все-таки ему хочется знать хотя бы что-то об этом Нижарадзе. Человеке в белом пуховом спортивном костюме, выехавшем из гостиницы сразу после происшествия. Кудюм, Кудюм... Хорошо, допустим, в «Алтае» жил Кудюм, и что? Конечно, о том, что этот Нижарадзе родом из Гудауты, они уже знают. Насколько он помнит, Кудюм тоже имел какое-то отношение к Гудауте. Но Кудюм — и убийство? С таким, как Кудюм, Садовников наверняка бы справился. Внимание Прохорова к этому Нижарадзе из гостиницы «Алтай» привлек белый пуховый костюм. Но сам-то Иванов отлично знает: таких белых костюмов, импортных, в Грузии десятки, если не сотни. На убийце был костюм фирмы «Карху» — это они определили по оторванному синему замочку от застежки «молния». Ну и что — «Карху»? Тбилиси завален финскими костюмами.

* «ИЦ» — информационный центр МВД СССР.

ЯЗЫЧНИКИ

Сергей
ДРУГАЛЬ

Рисунки
Д.ЛИТВИНОВА

Городок Института Реставрации Природы и зловредный языческий журнал «Феникс» напечатал ехидную передовицу...

имел свою гавань в бухте, узкой горловиной соединенной с океаном. В бухту заходили иногда парусные сухогрузы, и тогда два портовых крана на причале начинали неторопливую работу, заглядывая в трюмы. Была еще малая пристань, к ней лепились прогулочные яхты сотрудников ИРП, и была пристань малышковская с надувными катамаранами для плавания внутри бухты. На дощатом настиле этой пристани, глядя сквозь щели в прозрачную воду, лежал вундеркинд и акселерат Алешка. Неподалеку под присмотром Нури возились в песке голыши-малыши, их визги и смех подчеркивали тишину утра. Решетчатая тень на песчаном дне шевелилась, рождая солнечных зайцев. Алешка опустил руку в воду. К растопыренным пальцам приплыли мелкие рыбешки, тыкались носами. А потом черная лента подползла по дну к самым пальцам, волоча на себе мертвых рыбок и рыбью чешую. Алешка вытащил руку — ладонь была в черной слизи. Поднес к лицу. Пахло нефтью.

— Нури,— позвал он.— Нури, смотри, что это?

Посетитель держался скромно, но скрытая наглость читалась в его глазах. Обычный, сильно помятый костюм, незапоминающееся лицо, покрытое сизым румянцем и множеством мешочков. Посетитель сдвинул на ухо дешевую маску-фильтр, опустил взор, сложил руки на груди и, просветлев, возгласил:

— Бытие божие доказано!

Отец Джон отложил эспандер, вздохнул. Проходимец,— пробежала вялая мысль. Послать к черту? В смысле отпустить с миром? К сожалению, положение обязывает. Да и дела таковы, что самая худая овца в приходе дорога. С другой стороны, откровение божие, как правило, глаголет устами проходимцев. Кризис! Закоснели, погрязли. Сатана, можно сказать, торжествует, и, если не случится чуда,— рухнет вера. Содом и Гоморра!

Посетитель словно подслушал мысли святого отца.

— Не то, чтобы чудо,— сказал он.— Так, нечто кибернетическое.

Кибернетическое, гм... Отец Джон не забыл прошлогоднюю сенсацию, слава богу, локального, внутрицерковного масштаба, когда некто Хмелевски математически доказал бытие бога. Он вывел формулу, из которой неизбежно вытекала необходимость божественной воли при сотворении сущего. Такие попытки уже не раз были. К сожалению, как вскоре выяснилось, математик что-то напутал со знаками, где-то там вместо минуса поставил плюс, до него тоже ставили. Информация вытекла наружу,

и зловредный языческий журнал «Феникс» напечатал ехидную передовицу...

Отец Джон сел на пол возле фильтра и начал дышать по системе йогов. Шесть секунд он втягивал в себя воздух, секунду задерживал в себе и еще пять секунд выдыхал сквозь сжатые зубы.

— Хмелевски прохвост, а здесь никакой подтасовки. Дело чистое.

Отец Джон прекратил дыхательную гимнастику, убрал со лба подвитой каштановый локон.

— Так чем могу служить?

— Пять минут вашего внимания, святой отец, хоть, видит бог, вы мне в сыновья годитесь. Мы поймем друг друга как люди современные, деловые и имеющие одинаковые склонности, хотя, к моему сожалению, не равные возможности...

— Говорите.

— Как я уже отметил, доказать бытие божие на данном этапе развития науки можно с легкостью. Правда, вы мне не поверили. Очевидно, потому, что более компетентны в этом вопросе...— Посетитель не спускал глаз с могучих дланей священника, руки лежали спокойно.

Отец Джон хмыкнул, начало ему понравилось. Не банально, с подтекстом. Пройдоха, конечно, но, похоже, пройдоха квалифицированный, а с профессионалом всегда приятней иметь дело, чем с дилетантом. Сейчас будет кланчить деньги, интересно, под каким соусом?

— Точно! Я аферист и вымогатель — это вы правильно подумали. Такова моя профессия уже много лет. В общем, не жалуясь, но сейчас стало тяжелее, возраст сказывается.

— А кому легко? Каждый несет свой крест,— вздохнул отец Джон.

— Н-да, так вот, зовут меня, допустим, Тимоти Слэнг. Можно проще — Тим. Но это не важно, чек вы все равно будете выписывать на предьявителя.

Отец Джон поднял бровь: чек. Смешно. Он уже забыл, когда расплачивался чеками. Нет, жить можно, ничего не скажешь, но в этом богом забытом городке три прихода...

— Чек будет,— заверил Тим.— Объясню как на исповеди, на чем основана моя уверенность.

...В доме с мезонином, с решетчатой террасой, увитой пластмассовой пахучей зеленью, не виднелось ни огонька. В окнах торчали многодырчатые сферы фильтров — верный признак зажиточности. Тим посидел, прислушиваясь, на корточках у низкого заборчика, преодолевая дрожь, лег на живот и пополз. Пыль через маску забивалась в ноздри, было

очень нехорошо. Тим испытывал страх и стыд. Это ужасно, думал он. Ползти на брюхе к чужому незнакомому дому, чтобы ограбить. Грубо и глупо, а главное, примитивно. Это особенно удручает — примитив.

Тим привык получать деньги изящно. Он проходил в кабинеты легким шагом уверенного в себе человека. Нет, он предварительно звонил. По делу, касающемуся нарушения седьмой или, скажем, десятой заповеди, имевшего место в субботу вечером. Его принимали сразу. Еще бы, фирма «Слэнг и К^о», небольшое, но процветающее предприятие, была хорошо известна в определенных кругах, среди лиц, имеющих возможность утолить свою жажду в грехе. А в широкой рекламе Слэнг не нуждался. Фирма специализировалась на вопросах морали, ибо мораль как объект приложения деловой энергии приносит не менее 100 % на вложенный капитал.

Тим проходил в кабинет, минуя секретаршу (у, мордашка). Он был сосредоточен, элегантен и светло глядел в растерянные глаза клиента. Он садился и говорил о морали, о том, что десять заповедей забыты, по каковой причине общество разлагается, нужны ли примеры? Не нужны. Сам он, например, ведет жизнь добродетельную и десятую заповедь не нарушает. Вы, конечно, помните ее, но не могу отказать себе в удовольствии процитировать это бессмертное: «Не пожелай жены искреннего твоего, не пожелай дому ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего елика суть ближнего твоего...» Беседуя, Тим наблюдал за клиентом и всегда точно определял момент готовности к восприятию шантажа. Тогда, произнеся девятую заповедь — «Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна», он извлекал пачку фотографий. Раскладывая их, как кладут пасьянс, он называл факты, даты, имена, описывал ситуации. В конце указывал цену, не забывая присовокупить, что негативы и видеопленки будут доставлены после оплаты чека.

— Не обмани — прекрасная заповедь, хотя и не числится среди заповедей божьих. Честность во всем — девиз нашей фирмы, ибо мы не можем рисковать доверием общества и уважением клиентуры.

Цена, как правило, была приемлемой, материалы впечатляющи, а клиент покладист. Тим процветал на ниве морали, пользовался любовью сограждан за умеренность и неболтливость и ничего лучшего не желал.

Но потом... потом что-то сломалось в мире. Не сразу, нет. Неудачи, неизбежные в любом серьезном деле, случались и раньше, но теперь пошла сплошная полоса неудач. Взять операцию, имевшую место в его картотеке

шифр «Мораль и Харисидис». Казалось бы, нет более благодарной работы, чем шантаж этого улыбчивого греховодника, бабника и банкира Харисидиса. Тим готовился полгода, израсходовал ссуду, взятую в банке Харисидиса, надеясь отхватить приличный куш. А когда материал был собран, банкир принял его в своем загородном доме на берегу океана, где можно было дышать без маски.

Харисидис смотрел фильм, чудо операторского искусства, и просил показать еще раз. На экране он сначала держал речь перед избранными членами правления. Речь была о переводе на экологические расходы крупных сумм с личных счетов членов правления — эта статья не облагалась налогом. В следующем эпизоде папаша Харисидис (так его звали вкладчики и он сам) вручал взятку экоинспектору.

Довольный банкир велел подать коньяк и благодарил Тима за доставленное удовольствие.

— Как это вы тонко сработали, Слэнг. Приятно вспомнить, отличная операция была. Инспектор, правда, новичок в этом деле, однако пойдет далеко. Но что привело вас ко мне?

— Надеюсь, вы купите у меня фильм?

— Это еще зачем? — удивление банкира было столь непритворным, что Тиму стало жутко.

— Иначе я выпущу его на экраны, такую хронику купит любая прокатная фирма. История-то уголовная.

Папаша Харисидис поперхнулся коньяком и взволнованно прошелся по кабинету.

— Слэнг, — с чувством сказал он. — Казните меня, я было подумал о вас не так, но вы просто альтруист, что крайне редко в наше время. Я ценю это качество у своих вкладчиков, ну да, вы ведь тоже мой вкладчик, где еще можно держать капитал в наше время... — Банкир повозился с клавиатурой компьютера, глянул на дисплей, довольно оттопырил губу. — Э, да вы еще и должник... ладно, из симпатии к вам погашу часть ссуды — при условии, что покажете фильм по видеосети. Вкладчики будут в восторге.

Тим машинально собрал и уложил аппаратуру. Он был сломлен, морально убит и, выражаясь фигурально, вышиблен из седла. Земля качалась под ним и рушились устои. Банкир провожал его, приобняв за плечи, просил заходить по четвергам, парни, я скажу, пропустят (парни из синдиката убрали с глаз долой дубинки), хвалил фильм.

— А этот вид через замочную скважину и переход на крупный план, моя преподлейшая физиономия, а! И смущенное личико инспектора, сколько в нем непосредственно-

сти и обаяния. А пачка паунтов, я, знаете, иногда расплачиваюсь наличными — это впечатляет!

...Несколько позже ушла Бьюти Жих, самая удачливая из его сотрудниц. У нее неожиданно открылся бас, в сочетании с весьма выпуклой фигурой это обеспечивало ей такие гонорары, что Тим только ахнул, услышав сумму.

После Бьюти пришлось расстаться с Пупсом-невидимкой. Это был дока по съемкам в темноте, незаменимый специалист по подглядыванию из-за угла. Пупс ушел в синдикат после того, как Тим отказался оплатить его счет за пребывание в больнице по поводу сложного перелома крестца. Это производственное увечье Пупс получил, выслеживая чемпиона по пинкам с разбегу: в свободное от тренировок время Зат Пухл занимался сводничеством, это чемпион-то, гордость нации... Пупс изловчился и спас дорогую съемочную аппаратуру, но обозленный Зат сильно помял ценного работника.

Пупс заявился к Тиму через месяц после своего ухода. Передвигался он, отставляя в сторону крестец, но с бывшим шефом говорил не скрывая снисходительной жалости. К тому времени Тим уже почти созрел. Он грустно кивал, со всем соглашаясь. Да, вступление в синдикат неизбежно, конечно, одиночке с такой профессией трудно, но он привык к самостоятельности, вот в чем дело. Впрочем, он еще подумает.

— Чего там думать. Мне просто смешно, — непочтительно сказал Пупс-невидимка. — Мне смешно, что господин советник так церемонится с вами.

Действительно, приемыши из синдиката могли просто пришить Тима, дело обычное.

Так Тимоти Слэнг, живое воплощение десяти заповедей, знаток морали и страж ее, завершил свою карьеру. Впереди ничего не было, пустота и безнадежность. Тим стал бродягой, вульгарным вымогателем, когда можно было вымогать, и попрошайкой во всех остальных случаях. Таких бродяг великое множество на дорогах Джанатии — страны всеобщего благоденствия. Он ночевал в зарослях синтетического кустарника, если исхитрялся загодя проникнуть в парк, питался щедротами папаши Харисидиса и, опускаясь все ниже, решил на грабеж. Еще днем он высмотрел этот коттедж, уловил признаки запустения вокруг и решил, что дом необитаем. В коттеджах с воздушными фильтрами, известно, живут люди богатые, и потому в любом случае удастся раздобыть кое-что из одежды. Тим знал, чем рискует: его приметы — и отпечатки пальцев, и формула пота и слюны — все эти данные хранились закодированными в ведомстве охраны прав граждан министерства всеобщего успокоения.

(109) Закон Джанатии мудро охранял каждого от каждого, и досье на каждого велось со дня рождения и еще долго после смерти. Как специалист Тим понимал, что тотальная слежка равносильна отсутствию всякой слежки, но тем не менее для полиции не составит труда упечь его в кутузку на пару лет. Для одинокого бродяги грабеж — последнее дело.

Тим сел на корточки под окном и прислушался: в доме было тихо. Нет, оказывается, ползать на брюхе не велико удовольствие. Бедный Пупс, сколько раз он приходил после дежурства ободранный и грязный, надо было оплатить ему счет за больницу, какие-то деньги еще были... Снизу было видно, как в оконном стекле зеркально отражались писанные на облаках слова «Перемен к лучшему не бывает». Так и есть, подумал Тим, так и есть. Он потянул створку, та подалась неожиданно легко. Тим лег на подокольник, неловко перевалился через него и услышал, как хлопнули внутренние раздвижные ставни. Густой мрак окутал Тима. Он поднялся, хрустнув коленками, медленно выходя из предынфарктного состояния. Здесь дышалось легко и без маски.

— Вы можете сесть, кресло справа от вас, — раздался в комнате хорошо поставленный баритон.

— Благодарю, — машинально ответил Тим. В голове его все перепуталось и стучала, билась мысль: пропал, совсем пропал. Зачем он полез сюда. Как хорошо было бы сейчас лежать на надувном матрасике, вести с соседями тихий разговор, смотреть вслед темным силуэтам проносящихся на шоссе лимузинов и помнить лишь о том, что чтобы вовремя убраться утром, парни из раздачи не любят, когда на обочинах поздно встают... Этот тип, конечно, видит в темноте. Тим двинулся вправо, нашарил кресло и сел. Он вытянул усталые ноги, закрыл глаза и стал повторять в уме десять заповедей. Он никогда не задумывался над первой: «Аз есмь господь Бог твой, да не буди тебе бози иные разве Мене». И вторая — «Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе и елика на земли низу, и елика в водах под землею, да не поклониши им, не послужиши им» — как-то не задела его. Для Тима повторение заповедей было похоже на аутотренинг, вызывало приятную пустоту в голове. «Не приемли имене Господа Бога твоего всеу» — в третьей заповеди что-то есть, ну а четвертая была законодательно закреплена в Джанатии: «Помни день субботний, еже святити его; шесть дней делай и сотвориши в них все дела твои; в день же седьмой суббота Господу Богу твоему». Стало действительно легче. «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет, и да долго-

летен будешь на земли» — ох, когда бы этого было достаточно для благоденствия, как почитали бы родителей своих джанатийцы, мама, пожалей меня, убогого. «Не убий» — шестая заповедь, кстати, почему шестая, не первая? Грешен, задаю вопросы, Господу виднее. «Не прелюбы сотвори» — какие там к черту прелюбы в таком возрасте и состоянии. «Не укради» — вот он, восьмой грех, за него и кара.

— Вермикулит! — прозвучало в темноте. Тим вздрогнул, он впервые слышал это слово, и оно показалось ему страшным. — Сотворим молитву всевышнему, всеблагому, породившему вас, недостойных.

Тим не верил в совпадения столь невозможные: присутствующий в темноте буквально подслушал его мысли, действительно, не пора ли перейти к молитве?

— Если вы настаиваете, — пробормотал Тим.

— Тогда «Отче наш». Я послушаю.

Тим, запинаясь, начал:

— «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; э... э?

— Хлеб наш...

— Да, хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и... э... не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого, ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь».

В течение своей безгрешной жизни Тим редко пользовался молитвами и не ходил к причастию, полагая, что каяться ему не в чем.

— Неплохо, но на латыни это звучит лучше.

— Я не знаю латыни, извините.

— Катастрофа стратостата! — заорал таинственный собеседник. — Тогда на хинди? Может, попробуем... — и после паузы: — У нас гость, хозяин. Пришел через окно. Конечно, хозяин, гость в дом, бог в дом... Как говорится в притчах царя Соломона: «Не отказывай в добре тем, кому оно следует, когда есть в твоих руках сила к свершению»... Сидит в кресле...

Тим лихорадочно прислушивался. Как это он сразу не сообразил: автомат, обычный домашней автомат, самый безобидный из всех. Это он по программе развлекает гостя, найти и выключить. И бежать, пока не поздно. Тим вскочил, двинулся, вытянув руки вперед, и уперся во что-то цилиндрическое.

— Вам лучше сесть, — прозвучало над ухом. — Хозяин хочет, чтобы вы его подождали. Он скоро придет.

— У меня нет времени, зажги свет! — приказал Тим, и тотчас в комнате посветлело, свет исходил от потолка и стен и не имел тени.

Слэнг увидел перед собой робота-андроида и ощутил покаяние в ладонях. Он быстро убрал руки. Робот — это хуже, но окно, наверное, открыть можно. Двери в дом, конечно, открываются на голос хозяина, а окно — можно. Он обошел робота, переступая через кучи книг, сроду такого количества в частном доме не видел, толкнул створку, потом надавил плечом и вывалился прямо на чьи-то руки.

— А вот и хозяин, слава богу! — сказал робот за спиной Тима. — Он будет рад знакомству.

Хозяин вернул Тима в комнату, поддерживая его за талию и излучая доброжелательность.

— Я знаю о вашем визите. У меня с Ферро постоянная связь, и я слышал ваш разговор, возвращаясь домой. Я доволен, что успел застать вас, вечерами бывает так одиноко. Ведь вы, кажется, собрались уходить? — Он поправил изящную прическу. Поднятые к вискам прямые брови, нос с горбинкой и черные усики на худощавом лице — это хорошо смотреть.

— Чего уж теперь, — сказал Тим. — Теперь буду ждать полицию.

Длинноногий хозяин усадил ночного гостя в кресло, он словно не слышал слов о полиции.

— Познакомимся?

— Тимоти Слэнг. Бывший страж морали, бывший профессиональный шантажист, бывший уважаемый гражданин одного не очень большого города, ныне бродяга и, как видите, неудавшийся домушник. Личность, созревшая для тюрьмы, — вяло отрекомендовался Тим. Может, хозяин почтет его слова за шутку? А, не все ли равно. Усталое безразличие охватило Тима. Слишком много впечатлений для одного вечера: придурковатый кибер, заставлявший его читать молитву в темноте, придурковатый хозяин, который почему-то не спешит звонить в центурию.

— Вы откровенны, я верю, что эта характеристика не противоречит фактам, — усмехнулся хозяин. — Меня зовут Вальд. Я наладчик мыслящих автоматов, таких, как мой Ферро. Дефицитная профессия. Фирма платит неплохо, однако меньше того, что я стою, поверьте. Но, вижу, на nive морали вы не преуспели?

Тим вздохнул. Что ж, разговор — это лучше, чем наручники, может быть, удастся выпутаться из этой неприятности. И, видит бог, на карьере домушника он поставит точку.

— В свое время это был неплохой бизнес, — ответил Тим. — Я охотился за нарушителями морали и тем жил. Но сейчас, увы, скандальные разоблачения уже никого не пугают, шантаж как способ существования изжил себя. Кризис. А я просто жертва перепроиз-

водства. Разложение личности, по моим наблюдениям, закончено. Общество окончательно деградировало, я потерял вместе с заработком и веру в человечество, потерпел финансовый крах и согрешил, нарушив заповедь «не укради». Последнее, как вы понимаете, и есть причина моего появления у вас. На крупный грабеж я бы не решился, да и, простите, у вас здесь кроме книг взять нечего. Книги не ходовой товар. Я надеялся подобрать приличный костюм да пару кислородных баллончиков. Верите, с бесплатным фильтром порой просто невмоготу, а в помещения с фильтрованным воздухом такие, как я, не часто попадают.

Тиму стало жалко себя. Он засопел, достал таблетку биокардина, сунул за щеку. Вальд вертел в руках какую-то деталь. Он осторожно положил ее, задумался.

— Не знаю, что с вами делать? Позвать полицию? — он оглядел Тима, пожал плечами. — Да не дрожите вы, черт возьми!

Но Тим больше не мог выдерживать напряжение. Он всхлипывал и тряс головой, слезы катились по мешочкам, страж морали плакал навзрыд. Сладко и бездумно.

— Ну вот, этого еще не хватало. Ферро, не стой же, сделай что-нибудь!

Кибер наклонился над Тимом, погладил седую плешь стража теплым четырехпалым манипулятором. Тим вздрогнул и заревел в голос.

— Ничего, хозяин. Сейчас ему станет легче. Слезы, я читал, облегчают душу. Покаяние благотворно. Ибо, не раскаявшись, не спасешься. Врачевание...

Обшарпанный страж морали, свесив тонкие волосатые лапы, лежал в кресле и расслабленно хлюпал носом, а рядом суетился и оглаживал его, похлопывал по плечу кибер. Несуразная картина, подумал Вальд, но как выпутаться из этой истории? Только не центурия. Как всякий нормальный джанатиец, Вальд не любил полицию. И неожиданно для себя он предложил ночному гостю остаться у него до утра.

Тим, всхлипывая, достал из кармана и долго надувал матрасик, потом расстелил его на полу между книг, без мыслей улегся и моментально уснул.

Вальд постоял над поверженным стражем. Проверил окна, включил еще один фильтр: когда еще гость подышит чистым воздухом? Потом погасил стены и ушел к себе в кабинет. Ферро, чуть щелкая запорами, открыл у себя на боку крышечку, вытащил и размотал шнур, воткнул штепсель в розетку. И замер, подзаряжая аккумуляторы.

Отец Джон улыбался краешками губ. Этот Слэнг светлая личность, не щадит себя и, по-

(110)

«Аэлита»-89

(111) хоже, не врет. Старый простодушный пакостник, пожалуй, искренне считает себя закоренелым грешником — забавное заблуждение, по счастью широко распространенное. Но, силы небесные, при чем здесь бытие Божье?

— Все это очень интересно, господин Слэнг. Однако вы отняли у меня больше часа, вместо пяти минут. Я обременен обязанностями, я должен закончить тезисы воскресной проповеди.

— Вы правы, святой отец. Я несколько растянул завязку. Но еще полчаса, вы не пожалуете...

...Тим проснулся свежий и ясный, без привычной утренней боли в голове. Вчерашние страхи улетучились, настроение было прекрасное, день обещал удачу.

Тим размялся, нащупал в пиджаке тубу с жеватином, оставшуюся от бесплатного завтрака, съел содержимое и стал жевать упаковку: прекрасно очищает зубы. Остаток пластика сунул под кресло. Он быстро привыкал к обстановке. Когда в комнату вошел Вальд и с ним кибер, Тим уже сидел нога на ногу.

— Привет, хозяин, — развязно сказал он. Вальд кивнул в ответ. — Давно он у вас? — Тим ткнул пальцем в кибера.

— Больше года. Я сам его сделал, для домашних услуг. Собрал из бракованных элементов.

— Ворованных элементов? — по мнению Тима, всегда лучше сразу узнать, с кем имеешь дело.

— Фэ! — Вальд укоризненно сморщил нос. Тим смешался, не надо бы так сразу, так грубо. Вот что значит жизнь без настоящего дела, теряешь квалификацию, забываешь основы.

— Прошу прощения. Итак, кухонный робот. Не так давно я месяц пробыл в узилище, там у нас по камерам еду тоже разносил робот, говорили, страшно дорогой. Но я верю, сделать самому дешевле, чем держать прислугу или купить готового. Он, надо полагать, неплохо варит кашу, а? — Тим принужденно хихикнул, но одна туба жеватина, согласитесь, маловато, и кто знает, когда повезет поесть горячего.

— Он уже не варит кашу! — с неожиданной злостью сказал Вальд. — Это уже не кухонный робот, это точка над и. Конечный результат. И это я сам, своими руками собрал ему мозги! Воистину, захочет господь покарать — отнимет разум.

— Не поминай имя божье всуе! — переделал кибер третью заповедь.

Тим оживился: это уже что-то близкое к его специальности. Он совсем освоился с новым знакомым, с его откровенностью.

— О, слышал? Он меня учит, этот алюминевый котелок с медными потрохами! — Вальд забегал по комнате, смеясь и ругаясь одновременно. Потом успокоился, сел рядом. — Ты, божья тварь, принеси сифон и два стакана.

Робот, мягко переваливаясь на подошвах широких ступней, ушел на кухню.

— Так вот, — продолжал Вальд. — Я обнаружил это совсем недавно. Мне надоело сидеть на концентратах, достал ему книгу о вкусной пище, такая, с красивыми картинками. Он взял. Ну, думаю, теперь я поем. Не тут-то было. Вместо каши стал кормить меня ламинарией с бобами, день за днем. — Вальд заскрежетал зубами. — Однако терплю. Купил сборник «Кибер дома» и еще «Миллион полезных советов». Зевают над книгой: обленился, штанов погладить не хочет. Стираю сам.

Робот принес на подносе сифон и бренди, поставил на столик тарелочку с бутербродами, отошел в темный угол и уткнулся в книгу, подсвечивая страницы фонариком, вделанным во лбу.

— Что он читает?

— Не поверите, Библию.

— Что? — от неожиданности Тим расплескал коньяк.

— Во-во! И я сначала удивлялся. Но если блоки нестандартные, то бывает спонтанный сбой программы. Ошибка, разве ее теперь найдешь. Получился какой-то не от мира сего... — Вальд хмыкнул.

— Как же это он? — Тим тянул время, ему надо было уяснить открывающиеся возможности. — Ай, бедняга.

— Это не он, это я бедняга! — закричал Вальд. — Я на работу, а ему делать нечего, долго ли бобы открыть, вот и стал читать все подряд. — Вальд обвел жестом книжные полки. — А у меня здесь чего только нет, и биология, и электроника, и словари старые. А главное, от деда осталась библиотека по истории религии, вон в том ящике. Микропленки на двадцать тысяч томов, дед всю жизнь собирал, а он за месяц прочел. Эрудит! Ферро, — заискивающе продолжал Вальд, осторожно, за уголок, подняв толстый сборник «Шейте сами». — Ты почему не читаешь хороших книг?

Робот оторвался от Библии, в линзах его глаз поблескивали зеленые огоньки электронной эмиссии.

— Нозематоз! Это не литература. И кроме того, меня не интересуют знания в области самопошива.

— Как ты меня раздражаешь, если б ты знал!

— Это естественно, — робот отложил книгу. — Ваша человеческая ограниченность не позволяет вам подняться даже до понимания

дел своих. Вы всего лишь орудие в руке божьей.

— Спасибо. Мы, значит, орудие в руке. Ну, а ты?

— Я есть конечный продукт развития разума.

— Слышите, Слэнг? Венец творения.

— Можно и так назвать. — В голосе Ферро чувствовалось усталое превосходство, казалось, если бы он мог пожать плечами, он бы это сделал.

— Любопытно. — Тим задумался. О псевдопсихических вывертах мыслящих автоматов он читал раньше в газетах, анекдоты на эту тему — ходовой товар для юмористов. Но в деловой практике с подобным встречаться не приходилось. — Ну, а как быть с этой... — Тим покопался в памяти и остался доволен, что ни говори, интеллектуальная у него профессия. — Как быть с эволюцией?

— Я знаком с работами Дарвина, — ответил Ферро. — В сути своей они не противоречат Библии.

— Слава богу! — вздохнул Вальд. Робот не обратил на него внимания и менторским тоном продолжал:

— Давно прослежена эволюция от одноклеточных до человека. Все правильно. Но всемогущий заложил в амэбу генетическую программу эволюционного развития в человека, имея в виду, что человек — это промежуточная стадия на пути от обезьяны к киберу. Сделав мыслящую машину, человек выполнил божественное предначертание.

— Неувязка, не проще ли было сразу создать кибера?

— Пути господни неисповедимы, — вроде как вздохнул робот. — Мы лишь можем предполагать, что господь специализировался на белковых. Согласитесь, сделать одноклеточное проще, нежели создать такого, как я! — Он взял поднос и ушел на кухню.

— Слушайте, я его сейчас выключу! — жарко зашептал Вальд.

— Выключить меня можно, — донеслось из кухни. — Но истина, как быть с нею? — Ферро вернулся в свой угол, выпятив грудь.

— Стоп! — Тим уселся поудобнее. — Дайте мне подумать.

В комнате воцарилось молчание. Где-то я слышал, размышлял Тим, что самый заядлый книголюб за всю жизнь не одолеет и трех тысяч книг. Ну пусть Вальд соврал наполовину, все равно — десять тысяч, с ума сойти. И все запомнил, ну да, голова-то у него не болит. Надо думать, в вопросах религии этот железный парень...

— Брысь! — неожиданно заорал кибер.

— Что такое? — встрепенулся Тим.

— Не обращайтесь внимания, — махнул рукой

Вальд.— К нам на кухню повадился помойный кот, лазает через мусоропровод, нюхает продукты, сидит у фильтра.

— Ну и что? — мешочки на лице Тима за-двигались, он улыбался. Впервые за последний месяц.

— Ну и Ферро, значит, периодически пугает его, в порядке профилактики. А поскольку он ленив, то на кухню лишний раз не сходит, орет из комнаты. Пару раз даже ночью орал, забывая выключить настройку.

— А кот что? Боится?

— Какое там, привык и ноль внимания.

Тим заглянул на кухню. Щетинистый мужественный кот бродил по столу среди открытых консервных банок. Заметив Тима, он, брезгливо подрагивая задними лапами, подошел к люку мусоропровода, золотыми глазами уставился на человека: уходить, что ли? Тим кивнул. Кот, недовольный, протиснулся в черный проем между эластичными створками.

— Ушел,— сказал Тим.— Последний раз я видел кота лет пять назад.

— А, мне надоело с ним воевать.— Вальд горестно покачал головой.— Не знаю, чем он там дышит внизу, но знаю, что он меня доконает.

— Рудерпис! Кот безвреден для человека, если он не гельминтоноситель,— ровным голосом сказал кибер.— Он не может доконать вас, если бы даже захотел. Но он и не хочет.

Вальд засопел и стал перелистывать какой-то справочник. Тим сидел, подперев подбородок, в его многоопытной голове возникли все новые и новые комбинации. Не использовать такую возможность — надо быть дураком, а дураком Тим не был, это уж точно. Правда, ему не всегда везло, но это скорее от независимого, бескомпромиссного характера. От излишней порядочности. Тим любил работать в одиночку, Тим не любил быть на побегушках, Тим всегда был принципиален. О, Тим еще ухватит фортуны за грудки.

— Скажите, Вальд, может ли кибер быть умнее человека, даже если у него, как и у каждого из нас, с программой не все в порядке? Вы не пытались объяснить ему суть заблуждений?

— Тимоти Слэнг,— торжественно сказал Вальд,— вы прошли огонь и воду, не то что я. Вы сильны в психологии — это, как я понимаю, обязательное качество стража, простите, морали. Но вы профан в кибернетике, иначе не задавали бы подобных вопросов. Программа робота, тем более самообучающегося, как Ферро, строится на основе математической логики. Поэтому кибер рассуждает формально логично и спорить с ним бесполезно. Другое дело, что исходные предпосылки, заложенные

(113) в программу, могут быть ложными. Но, повторяю, формально он логичен...

— И вот тут-то, святой отец, я подумал о вас. Если этот железный вундеркинд столь непогрешим в логике, ну там формальной или неформальной, поди разберись, и столь силен в религии — то это для вас находка. Всякие там анималисты, атеисты, прагматики, гилозоисты, все эти язычники, выступающие против отца нашего небесного и властей поддерживающих — он будет щелкать их, как орехи. Короче, я уговорил Вальда продать вам этого кибера, поймите меня правильно. Это же хорошая энциклопедия.

Отец Джон давно все понял и обо всем догадался.

— Упадок веры, неблюдаемый повсеместно...

— Ясно! — отец Джон поднялся.— Я хочу видеть робота.

Вальд встретил их у изгороди. Недавно политая синтетическая зелень свежо блестела, но гадостно пахла водопроводной водой. В доме было прибрано, вечный букет в горшке создавал какое-то подобие уюта. В простенке, уставившись в узкое зеркало, рассматривал себя кибер. Голова и ноги его были неподвижны, а туловище медленно поворачивалось. В зеркале показался бок с крышкой лючка под мышкой, потом толстый локтевой шарнир...

Отец Джон двигался мягким шагом тренированного спортсмена. Он сдвинул на плечо полумаску, оглядел полки с книгами и подошел к роботу.

— С вашего разрешения, господин Вальд, я хотел бы задать вашему киберу несколько вопросов общего характера. К деловой части программы, если не возражаете, мы приступим потом.

Вальд не возражал, он сиял и искрился оптимизмом. Он не имел чести знать святого отца, однако наслышан и бесконечно рад знакомству. Дела не позволяют ему посещать службы, но он верующий, блюдет заповеди и если порой впадает в грех, то невольно. Что касается этого сумасшедшего кибера, то он, Вальд, вынужден прибегнуть к помощи лица, компетенция которого вне сомнений. Господин Слэнг любезно согласился поспособствовать ему в продаже кибера, ненужного в его холостяцком хозяйстве. Он, Вальд, на хорошем счету у фирмы, и ему бы не хотелось, чтобы о сделке узнали посторонние: с этим кибером справиться не удалось, и вряд ли такое обстоятельство повысит авторитет наладчика

мыслящих автоматов. Он не считает, что его вина так уж велика: пока еще никому не удавалось моделировать псевдопсихические аномалии у роботов, поскольку всякая аномалия, увы, неповторима. Нельзя угадать, на чем свихнется мыслящий автомат, и в этом смысле кибер Ферро есть создание уникальное.

Отец Джон внимательно слушал Вальда: похоже, парень действительно нарвался на неприятность. Закон запрещает частным лицам производить человекоподобные автоматы, и если поставить в известность фирму... Но-но, сказал себе отец Джон, служителю церкви не подобает опускаться до подобных мыслей. Он похлопал кибера по широкому животу.

— Ну и как?

— Вы о моем отражении? — медленно повернул голову кибер. — Серпентарий! Отец Джон, какими судьбами? Чему мне приписать виденье это?

— Откуда тебе известно мое имя?

— Групповой портрет выпускников колледжа святого Марка Певзнера. Пятый в третьем ряду. Вестник «Слуги господни», номер 211160, страница десятая, — помедлил мгновение, ответил Ферро.

— Неплохо, — усмехнулся отец Джон. — А насчет отражения?

— Что ж, оформлен тщательно. Броневая защита мыслящей системы, — кибер с любовью похлопал себя по тому месту, где у людей размещается аппендикс. — Шаровые шарниры рук, — он поворачивал манипуляторами сначала в локтевых, а потом в плечевых шарнирах. — Можно, конечно, кое-что улучшить. Я бы туловище сделал шаровидным, шар — это замкнутое совершенство, при наименьшей поверхности он вмещает наибольший объем...

— Тебя не спросили, — пробормотал Вальд.

— Но это дело исправимое. Мы, роботы, обладаем тем преимуществом, что в любой момент можем быть переделаны. В отличие от вас, которых уже не переделать.

— Убедительно, — ласково проговорил отец Джон. — Меня еще интересует, как ты пришел к богу.

— Я стою на позициях логики. Любсой, кто выслушает меня, мои доводы, сподобится божьей благодати, ибо никогда не поздно вступить на путь праведный. К вам это, естественно, не относится.

— Но, минутку, ты создан как робот для бытовых услуг. Такова программа, заложенная в тебя. Или, точнее, такова воля провидения. Кибер вне религии. Откуда же это в тебе?

— Шифервейс! Я искал истину.

— Простите, Вальд, что такое шифервейс?

— Видите ли, святой отец, мозг его собран из нестандартных элементов, я это уже гово-

рил. У него пристрастие к звонким непонятным словам. Это недостаток?

— Не знаю. Вернемся, однако, к поискам истины.

— Да, я хотел определить свое место в мире, образно говоря — свои координаты в окружающей действительности. Я стал читать, прочел много книг в переплетах, пленках и кристаллах. Библию и, не поверите, все четыре Евангелия. Анализ накопленной информации позволил мне сформулировать свое отношение к человеку и воспринять бытие божие. Посудите сами, если человек, при всех его недостатках, — кибер кивнул в сторону Вальда, — мог создать мыслящего меня, то почему он сам не мог быть создан кем-то. Ну, а от этой мысли до бога один шаг.

— Блестяще, — прошептал отец Джон. Он почти упал в кресло, ошеломленный радужными перспективами. Вот когда сатана будет посрамлен. Да что там сатана: кресло епископа — это на первый случай...

Из мира грез его вывел кибер.

В двенадцать часов по ночам

Из гроба встает император! —

внезапно заорал он. На низких тонах у него внутри резонировала какая-то деталь, и голос приобретал дребезжащий старческий оттенок.

— Молитва? — дослушав до конца, спросил отец Джон.

— Просто мотив нравится. А молитва — это предрассудок. Вообще вся история религии полна глупых предрассудков.

— Вот это уже лишнее. Никаких реформ.

— Не беспокойтесь, — сказал Вальд. — Крамолу и ересь я искореню хоть сейчас. Где там моя отвертка?

— Спасибо, мы к этому еще вернемся. Сперва я хочу поговорить с ним без свидетелей. И не здесь, лучше за городом.

— Бойтесь, надует, — заулыбался Тим. — Дело чистое.

— Во грехе рождены, а дьявол силен, — неопределенно ответил отец Джон и выжидающе замолк. В таком святом деле он рисковать не намерен. Если эта машина действительно верит в бога, он купит ее, хотя бы для этого пришлось обокрасть церковную кассу. А верит ли — в этом он сумеет убедиться. Что другое, а курс атеизма отец Джон знает отлично, киберу придется попотеть. Не зря всякий раз, когда декан говорил о происках сатаны, он цитировал курсовую работу семинариста Джона «Критика религии с позиций диалектического материализма».

Проверка кибера состоялась через неделю. За это время отец Джон, мобилизовав все свои связи, сподобился аудиенции репрезен-

танта Суинли и прилетел от него на крыльях надежды и с чековой книжкой. Молодой и скромный священник понравился репрезентанту своим смирением и еще чем-то, о чем отец Джон даже не догадывался. Бес тщеславия одолевал смиренного служителя церкви, и это был еще не самый скверный из бесов, владеющих душой отца Джона, стоит ли изгонять его. Энергичные люди — вот в чем нуждается церковь страны всеобщего благоденствия. Шатаются устои, язычество распространяется, растекается, как зараза, а опереться не на кого, и нет преграды на пути крамолы и безбожия. Где независимые умы? Где новые идеи? Где молодые и способные деятели, в руки коих можно передать веками накопленную мудрость? Где, наконец, ереси, что всегда выручали церковь в периоды кризисов?

Новые времена — новые подходы, и кибер есть порождение Божье, ибо предначертан. Грех пренебречь возможностями, пусть отец Джон идет и содеет свое, никому не ведом путь истинный: дойди до конца и увидишь.

Было жарко. Вальд и Тим лежали в тени под машиной, поглядывая, как на самом солнцепеке по голому загаженному океанскому берегу расхаживали рядом кибер и священник. Вдали со своими совками и тележками ковырялись в песке молчаливые чистильщики, им не было дела до праздных посетителей заброшенного пляжа. Отец Джон посчитал это место самым подходящим для беседы о господе боге, здесь их никто не мог подслушать.

Вальд, сдвинув маску, потягивал из банки пиво. Тим кашлял, сплевывая на песок.

— Как думаешь, а не переспорит его поп? — Тим молил бога, чтобы сделка удалась. Он должен получить свои тридцать процентов и уехать. И жить respectable жизнью рантье, не впутываясь в аферы, и грешить по-маленьку в меру сил и в пределах заповедей, нарушение которых не влечет уголовной ответственности.

— Не беспокойтесь, — лениво ответил Вальд. — Кибер помнит каждую запятую из студенческих конспектов святого отца, который вряд ли за эти годы поумнел, общаясь с паствой.

— Ого! — Тим не скрывал удивления. — Где ты их достал?

— Знакомый архивариус помог за десяток паунтов. Если уж взялись продавать товар, то должен я хотя бы подготовить его?

Н-да, этот простак не так глуп, как кажется, а он-то думал, что изучил его за эти сытные дни. А впрочем, что от этого меняется? Главное, получить свое и смотаться.

— Двадцать тысяч даст?

Вальд молчал, щурил глаза. Серый океан гнал на берег пенные барашки прибое, белое небо сливалось с водой в белесой дали, и неистовое солнце заливало пыльный песок. Как последний штрих, после которого уже нечего добавить, прозвучал резкий вопль уцелевшей чайки. И во все это раздражающим диссонансом были вписаны фигуры священника и робота...

На берегу волна лизнула ступни Ферро. Он сделал гигантский прыжок, приземлился на валуне и стал приплясывать, видимо, стряхивая соленые капли. Отец Джон размахивал руками, что-то говорил. За шумом волн ничего не было слышно, да и расстояние слишком велико. Отец Джон уселся на камне, стянул сюртук и рубаху, на его широкой спине бугрились мышцы.

— Двадцать тысяч даст, а? — повторил Тим. Все-таки без электронных ушей как без рук. Вальд перевернулся на другой бок, оглядел настырного многословного старикашку, сморщил нос.

— Это уж ваша забота. Вон они идут.

Отец Джон опять был в сюртуке, как положено. Он смущенно ухмылялся, но был доволен: кибер выдержал проверку.

— Покупаю, — торжественно заявил он.

Тим встал. Он отвел отца Джона в сторону. Он не спешил и нагло, не моргая, уставился ему в переносицу.

— Очень интересно, — без выражения сказал он. — Священник спорит с автоматом о бытии божьем. Священник опровергает догматы веры, потрясает основы, демонстрирует сомнения. Эта проверка, святой отец, увеличила стоимость товара вдвое: сам кибер плюс наше молчание. Представляете заголовки: «Отец Джон отрицает бога» — или что-нибудь в этом роде. Короче: пятьдесят тысяч!

Отец Джон сел на песок. Отец Джон раскрыл рот, полный белых зубов, и захохотал. Он смеялся долго, вытирая слезы, а потом сказал:

— Силы небесные, Слэнг! Вам пора на пенсию. Диву даюсь, что вы еще не померли с голоду, или вы из числа клиентов господина Харисидиса с самого детства, да? Теперь мне понятно, почему в мире столько дураков: их заготовил господь, заботясь о вашем пропитании. Вот чек на пятьдесят тысяч! А в придачу дарю вам одиннадцатую заповедь: не шантажируй!

Тим стоял, как в трансе, отец Джон сунул ему в руки чек и, хохоча безудержно, увел кибера к своей машине.

— Бог благословит вас, Слэнг. И его пресвященство репрезентант Суинли, которому вы сэкономили двести тысяч паунтов!

Отец Джон вывел машину на дорогу, дал газ и через минуту исчез из вида. Тим сгорбился, странная слабость охватила его: это конец. Держать в руках четверть миллиона и отдать их! Деньги даровые шли к нему, а он даже не заметил, зачем-то начал шантажировать попа. Надо было просто молчать и ждать, сколько тот предложит, и тогда уже торговаться за каждый паунт. Тим тупо смотрел на чек, ведь могло быть четверть миллиона... Он застонал от горя. Вальд подошел и стал рядом, он теребил маску и без любопытства разглядывал чек. Потом спросил:

— Вы же умеете водить машину?

Слэнг кивнул, говорить он не мог, что-то застряло в горле.

— Тогда садитесь за руль, и едем прямо в банк. У вас, Тимоти Слэнг, лицо какое-то странное.

...— Радость, конечно, объединяет людей, в одиночку что за радость. Объединяет, но не надолго, кончился праздник — и снова каждый сам по себе. Иное дело общая беда, — Сатон отделил от бороды ему одному известный волос, намотал на палец и, крикнув, выдернул. Сопровождающий у директора Института Реставрации Природы длилось уже больше часа, и ни конца ему, ни результата видно не было, директор нервничал. — Я к чему это? К тому, что и общая беда не всегда объединяет, дурак может остаться в стороне из чисто дурацких побуждений: вы там натруждайте горбы, а я здесь погляжу, может, что и выгадаю, он же мнит себя умным и хитрым.

С последней сессии Совета экологов Сатон вернулся злой и беспокойный. Он говорил о бессилии Ассоциации, которое порождено идеологией невмешательства, о том, что решено ждать неких эволюционных перемен, которые неизвестно когда наступят, решено только продолжать работу и смиренно чистить то, что можем очистить. И, что симптоматично, представителя Совета от Джанатии на сессии не было, ему, видите ли, не разрешили выезд из страны по каким-то формальным причинам. А на сессии опять жевали старую жвачку о том, что Совет сам по себе и по линии ООН который раз снова предлагал Джанатии бесплатную энергию, предлагал финансировать переход на безотходную технологию. И снова Джанатия ответила отказом без объяснения причин. Плавающие санитарные заводы Ассоциации с очисткой вод не справляются, поскольку находятся за пределами двухсотмильной зоны, а в воздушный бассейн Джанатии вообще доступа нет.

— Не понимаю, — сказал кто-то из сотрудников. — И не хочу понимать мотивы, побуж-

(116) дающие отказываться от экологической помощи. Пожалуйста, распоряжайтесь своими недрами, как вам угодно, но загрязнение океана — это уже не частное дело, это касается всего человечества. Я не говорю о кислотных дождях, которые сводят на нет усилия береговых центров ИРП. Человечество должно вмешаться. Если нужно — силой!

— Согласен! — Сатон прикрыл налитые яростью глаза. — Все береговые центры жалуются на прогрессирующее загрязнение океана. Святые дриады, как говорит Олле, каких усилий стоило создание Ассоциации государств на экологической основе! А введение нормированного распределения благ? Лучшие умы человечества десятилетия убеждали это самое человечество добровольно возложить на себя бремя самоограничения. Добровольно, пока потребление не сошло к нулю в результате гибели природы, от коей кормимся. Сейчас для большинства на планете звучит как нонсенс мысль, что для перемещения одного человека можно затрачивать мощность сотни лошадей, но вспомните, еще недавно казался совершенно невозможным отказ от личных автомобилей. Однако и это невозможное стало возможным. Очевидная мысль — производство для людей и никак иначе — до сих пор подвергается сомнению... хотя бы в Джанатии. Нет вопроса: или — или. Человечество не может решать в пользу своей гибели. Но сейчас ассоциированный мир, по сути все человечество, стал заложником у нескольких тысяч кретинов, составляющих правящую касту Джанатии. Ликвидировать всю эту лавочку, разогнать сволочь, которая вынуждает людей дышать фторидами ради сохранения собственной власти! Но в Совете мнение одно: насилия на Земле ни при каких условиях больше не будет. Совет экологов организация хотя и надправительственная, но юрисдикция Совета распространяется только на государства, ассоциированные на экологической основе. Вмешательство по линии Совета или ООН исключается.

— Скоро детям искупаться негде будет. Не знаю, как там по линии Совета, но лично я этого терпеть не стану. Перед детьми, понимаешь, неудобно. Спрашивают: воспитатель Нури, а чем нефть отмывается? Та, что в песке на отмели....

— Все могут быть свободны, спасибо! — сказал Сатон, неожиданно прерывая совещание. — Нури прошу задержаться.

Когда кабинет опустел, директор вышел из-за стола.

— Слушай, Нури! Будь я на сотню лет моложе, я бы попытался. Да, я вице-президент Совета. Да, я понимаю всю меру ответственности. Да! Да! Но как частное лицо, кто может запретить?

Нури смотрел на Сатона с удовольствием, не по возрасту экспансивный и в обычном состоянии, сейчас директор кипел.

— Что-то можно сделать?

— Не знаю! Но сидеть и ждать неизвестно чего... Хотя бы разобраться, в чем там дело, у меня вся душа изболелась! В Джанатии сильные экологи, но уже вторая сессия Совета проходит без них, они там обложены со всех сторон...

Сатон ходил по ковровой дорожке, аккуратно огибая кресло, в котором угнездился Нури.

— Обложены,— повторил Сатон.

Со стола на подлокотник кресла вспрыгнул институтский ворон, нахохлился. Нури ногтем почесал ему затылок, не к месту подумал, что они, директор и ворон, вроде даже ровесники, и устыдился никчемных мыслей.

— Обложены! — третий раз с нажимом сказал Сатон.

— И? — Нури рассматривал птицу. Ворон совсем сомлел и покачивался на подлокотнике, слабо взмахивая крыльями.

— И там, конечно же, как и должно быть в полицейском государстве, зреют силы сопротивления, а что мы о них знаем? Идет борьба за выживание, ибо население все более страдает от отравления среды. Судя по всему, положение небывало обострилось, и вот в этот момент правительство, попросту взяв под жесткий надзор наиболее авторитетных экологов, по сути обезглавило движение. И если раньше Совет через региональную организацию экологов хоть как-то влиял на положение в Джанатии, то теперь этот источник заразы стал совершенно недоступен... Конечно, у меня есть личный канал связи с вице-президентом Совета от Джанатии. Не знаю... они очень сдержанны в оценках внутреннего положения, но на днях впервые заговорили о помощи. Идеологи, теоретики чистой воды, а против них активный аппарат подавления и, мне думается, не только государственный.

— О какой помощи идет речь?

— Просят людей, Нури. Для связи, для активных действий. Новых людей, но чтоб в глаза не бросались...

— А что,— сказал Нури.— Мы попытаемся. Если не мы, то кто?

...Сатон вынес ворона на балюстраду, опоясывающую административное здание-башню на уровне кабинета. Легкое облачко зацепилось за шпиль, и, сколько видел глаз, тянулись вдаль лесные владения ИРП, а с другой стороны темно-синяя гладь океана с игрушечными парусниками, спешащими в бухту. Синоптики обещали шторм и не ошиблись, его несла черная туча на горизонте, начиненная молниями и низко рычащим далеким громом.

Туча, видимо, пройдет мимо и только краешком грозы заденет территорию ИРП.

— Завтра я поговорю с Хогардом и Олле, и мы начнем подготовку без спешки, но и не затягивая. Прошу вас найти нам замену на время отлучки.

— Да. И я приму некоторые организационные меры... Главное, разобраться во всем на месте. Посольство Совета экологов практически изолировано, в печати и телевидении все, что угодно, кроме правды. Посол сообщает, что самая невинная попытка контакта вне официальных сфер тут же вызывает резкие протесты. А вице-президент пребывает в смущении и неловкости, отечество все же.— Сатон усмехнулся, положил ладонь на руку Нури.— Я говорю с тобой так, словно специально готовился... Возможно. Я ведь знал, что Совет займет выжидательную позицию. А мне некогда, я стар...

— Кто-то ведь сопротивляется всему этому свинству.— Нури смотрел на грозу, на косые светящиеся занавеси дождя над океаном и хотел, чтобы это никогда не кончалось. Вольный ручной ворон почти неподвижно висел в воздухе на уровне человеческих лиц, подерживаемый усиливающимся ветром, развевалась белая борода Сатона. Нури, чуждый самоанализу, засмеялся ощущению жизни, и Сатону почудились отблески молний в его глазах.

Резиденция пророка разместилась в двадцатизэтажном цилиндрическом здании. На плоской крыше его — сад и площадка для вертолетов.

Днем здание содрогается от звона сотен телефонов, беготни сотрудников, криков многочисленных репортеров телевидения и газет, заполняющих вестибюль и примыкающее к нему помещение пресс-центра. Страна хочет слышать пророка, лицезреть его. Мир, изголодавшийся по пище духовной, хочет внимать пророку.

Четыре секретаря, вполне человекоподобных, свежими голосами выкрикивают изречения пророка. Тогда на миг наступает тишина и снова взрывается ревом — аккредитованные при пророке корреспонденты бросаются в кабины, чтобы успеть сообщить сенсацию: пророк сказал! Послезавтра изречение уже устареет, листовки устелют дороги, и каждый сможет читать пророка. И пока одни штурмуют кабины связи, другие внимают интимному воркованию киберов. Пророк смертен. Пророк обычный человек, но есть в нем нечто необыкновенное: озарение свыше снизошло на него внезапно, надо думать — в качестве награды за праведную жизнь. Мир хочет знать о про-

роке — это его право, мир узнает! Нет, пророк молод. Да, пророк холост. Что вы, пророк всегда приветлив, просто он очень занят...

Над всей этой суетой только отец Джон остается спокойным. Модерн и благолепие наложили на его внешность причудливый отпечаток величавой доступности. Как человек он прост и доступен. Но как пророк, хранитель истины, прозревающий скрытое во времени, он величав. Каштановый локон мягким завитком ниспадает на белое чело, отрешенно светятся изумрудные глаза с голубыми почти не подкрашенными белками. Но в нем можно узнать что-то от приходского священника, в нем еще угадывается милый налет провинциализма, и этим, возможно, объясняется его доступность.

Кабинет его огромен и перечеркнут оранжевой дорожкой ковра. Замыкает дорожку массивный письменный стол — рабочее место пророка. По правую его руку оскалились белые клавиши пульта, по левую угнездились экран видефона. Больше никаких приборов в кабинете нет, если не считать кибера. Ферро бродит вдоль широкого окна и, поглядывая вниз, где снуют разноцветные прямоугольники автомашин, набирается впечатлений. В этом кабинете робот смотрится вторым хозяином.

Пророк благодушно настроен. Сейчас он не спешит, он может позволить себе передохнуть. Позади остался год напряженной работы. Нет, репрезентант Суинли не ошибся в нем. У молодого священника оказалась железная хватка организатора и блестящие способности демагога. Отец Джон развил невиданную энергию. Он разрывался на части, и день его был заполнен делом. Он принимал банкиров и удивлял их знанием тонкостей биржевой игры, он беседовал с психологами, специалистами по рекламе, математиками и философами, предлагал работу одним и указывал на дверь другим. Он нанимал агентов, сотни агентов: артистов и операторов, телепатов, хиромантов, шулеров и пиротехников, элегантных сутенеров и тихих баптистов, маклеров, полицейских, музыкантов, поэтов, боксеров и домохозяек, и всем находилось дело в гигантском концерне пророка. Он дважды в день посещал резиденцию репрезентанта Суинли, где непрерывно заседал штаб битвы за душу обывателя. Отец Джон больше не занимал официальной должности, он пророк, он вне церковной иерархии. Мог ли еще год назад мечтать об этом смиренный слуга господень, благословление божие на глупую голову наивного проходимца Тимоти Слэнга, где-то он теперь?

Отец Джон откладывает пластиковое полотно газеты, он сладко потягивается и щелкает тумблером. Вчерашняя программа, скомпонованная для него отделом информа-

ции, представляет собой выжимку из телепередач, посвященных апостолу, — смотреть что-либо иное просто не хватает времени.

На объемном экране кубическое здание с надписью по фасаду: «Банк Харисидис — абсолютная гарантия». Его наплывом вытесняет лицо банкира. Папаша Харисидис плутовато улыбается, видимо, беседует с репортером. Банкир владеет мимикой, ибо лицо его мгновенно делается сосредоточенным, как только на воротник прицепляется микрофон.

— Апостол, простите, оговорился, пророк Джон проявил себя как дальновидный политик. Вера в пришествие механического мессии — это как раз то, чего не хватало нашему обществу всеобщего благоденствия, обществу торжествующей демократии. Что может быть более демократичным, чем равенство во грехах? В грехе равны и банкир Харисидис, и последний мелкий жулик-обыватель. Я некогдай — это раньше знал каждый сам о себе. Знал и стыдливо помалкивал. Я — подлец, теперь можно сказать это открыто, и никто не остановится в изумлении, ибо какое дело железному мессии до моих или ваших моральных качеств? И это прекрасно, это демократично! Всеобщее некогдайство гарантирует высокие дивиденды, поскольку ни один дурак не доверит своих денег честному банкиру. А что может быть важнее дивидендов? Что, я вас спрашиваю? Ничто, запомните — и благодать снизойдет на вас, ничто не может быть важнее дивидендов! Пусть лицемер и ханжа бросит в меня камень. Бросайте, я не боюсь быть побитым. Мои вкладчики, я с понятной гордостью говорю об этом, отдают свои деньги в руки мерзавца, каковым являюсь я! Вас шокирует мое признание, вы смущены, вам неловко за меня, мой имидж упал до нулевой отметки? Следующей фразой я восстанавливаю свое реноме. Знайте, с сего дня мой банк гарантирует девять процентов годовых на вложенный капитал! Ну как, не правда ли, до чего милый человек папаша Харисидис? Не зря в моем банке хранит свои трудовые сбережения апостол, простите, оговорился, пророк Джон...

Отец Джон выслушивает интервью, не моргнув глазом: интересно, какой счет они ему открыли, эти Харисидисы. Вообще, интересно, откуда в концерне берутся практически неограниченные средства? Об этом не беспокойтесь, ответил ему как-то репрезентант Суинли, ваше дело — идеология.

Что хорошо в его течении, так это возможность любого толкования: и прохиндей, и праведник найдут в нем утешение по вкусу. Но банкира уже сменяет на экране известный философ Ричард Рахтенгоф, профессор, лауреат и прочая и прочая. Немолодой уже профессор стоит на фоне каких-то таблиц и диаграмм.

— Новый взгляд на природу и назначение человека,— говорит профессор хорошо поставленным голосом,— еще раз подтверждает мой тезис о разумном устройстве именно нашего общества. Общества свободных индивидуумов, не зависящих от чуждых нам влияний, отвергающих любое вмешательство, под каким бы благовидным лозунгом оно нам ни навязывалось. Что я и зачем я? Для счастья, отвечают марксисты. Примитивно, наивно! Сотни философских систем были построены и отвергнуты, ибо никто не знает ответа. И марксистскую концепцию отвергает сама история, поскольку счастья никогда не хватает на всех. Поясню простым примером. Представьте, каждому из нас дали по миллиону,— профессор делает жест, как бы беря упомянутый миллион.— Освободитесь ли вы от желания приобрести еще один, нет, лучше два миллиона? И разве делает вас счастливым сознание, что ваш сосед имеет столько же, сколько и вы, или, хуже того, больше вас? Нет и еще раз нет!.. Но что нам дает новое направление, путь пророка? Отвечаю: ясность цели, ибо ясна функция бытия. Горько признавать, однако эта горечь плодотворна, что человек не самое разумное порождение эволюции. Увы, мы с вами не более чем промежуточная, переходная стадия от обезьяны к роботу. Вдумайтесь, осознай! Это звучит ново, но не безнадежно, это даже бодрит и дает нам возможность жить сегодня: завтра у нас нет, мы, как говорит Великий Кибер, выполнили предначертание. Мы служили иллюзиям, теперь они развеяны. Так примем дни оставшиеся в смирении и понимании тщеты наших усилий изменить настоящее, если мне дозволено будет сказать словами пророка, этого величайшего мыслителя нашего века, так тонко и проникновенно уловившего суть эпохи. Благодарю вас.

Отец Джон хмурится, что-то не нравится ему в путаной речи философа.

— Начал во здравие,— скрипит кибер Ферро,— кончил за упокой. Какие иллюзии развеяны, какая горечь плодотворна? Где логика, не улавливаю.

С экрана смотрит мрачная физиономия. Это Зат Пухл, чемпион по пинкам с разбегу. Его маленькая головка качается на тонкой шее.

— Вы знаете меня, ребята. Так запомните, пророк — ого! И его железный парень мне по нраву. Я его уважаю. Я даже скажу, что если бы я взялся с ним пинаться, то неизвестно, кто кого бы перепинал. Гы! Если кто не согласен со мной, то могу привести другие доводы.— Могучие бедра чемпиона и затем его волосатая ступня с растопыренными пальцами занимают весь экран.

— Заступник,— без выражения говорит кибер.

Нижняя конечность чемпиона исчезает, вместо нее возникает разбитная девица с микрофоном, пришипленным к воротничку.

— Мы в доме господина Зоб-Спивацкого,— девица делает глазки.— Он сборщик на конвейере фирмы «Ваде мекум», член профсоюза. Господин Зоб-Спивацкий, телезрители хотят знать ваше мнение о пророке.

— Мы с Милли, э-э, каждый раз, значит, смотрим проповеди отца Джона по телевизору, и Милли, выходит, всякий раз плачет: о, Пит, неужели это правда, что машина главнее человека? Дурочка, говорю я ей, я всю жизнь обслуживаю машину, слушаю машину, смотрю машину. Меня, значит, везет машина, машина дает дышать и машина развлекает. Я делаю машину, и она кормит меня. Кто я такой без машины. Ясно, говорю я Милли, что машина главней. Я говорю Милли: это, наверное, не грех — завидовать роботам...

— Это он хорошо сказал,— комментирует Ферро. Отец Джон лениво бормочет в микрофон, что следует повысить гонорар этому Зоб-Спивацкому, старательный работник и неплохой артист.

...Из бассейна на разрисованный под мрамор пол выходит Бьюти Жих, секс-бомба замедленного действия, как отрекомендовал ее ведущий. Бьюти, изящно и независимо от туловища шевеля бюстом, исполняет куплеты. Она поет модным всхлипывающим басом:

Приди скорее,
о, мой кумир,
полью елеем
я твой шарнир.
С тобой у нас
одни заботы —
чтоб в резонанс
вошли частоты.
Для нас сегодня и небо звездно,
глядеть на звезды и я спешу.
Дыши со мною, пока не поздно.
Дыши и слушай, как я дышу.

Бьюти стонет и изгибается до тех пор, пока ее наплывом не сменяет репрезентант Суинли. Переход этот несколько неожидан, и отец Джон недовольно хмыкает: когда ему понадобятся остряки, он наймет пару комиков, а в отделе информации юмористам делать нечего. Босс серьезен, он строго смотрит с экрана прямо в глаза пророку. Он говорит:

— Святая церковь, покровительница наук, считает, что вера в грядущего кибера не противоречит догматам веры в целом. Господь есть причина сущего во всем его разнообразии... В последних достижениях кибернетики святая церковь усматривает знамение господне, ибо наука в который раз неопровержимо доказывает — сомневающимся — бытие божие...

Пророк с интересом, хоть и не в первый раз, выслушивает послание и выключает экран. В дверях, опустив очи долу, уже минуты две маячит секретарша. Вполне настоящая и, в чем пророк уже убедился, весьма живая. Пророк имеет странность: он избегает личного общения с кибернетическими устройствами. Исключая, естественно, Ферро; с которым неразлучен. В черном монашеском одеянии секретарша удивительно мила.

— Святой отец, простите, но вас ожидают представители строительных фирм. Если мне будет дозволено, осмелюсь рекомендовать «Воздушные замки».

— Сколько они вам дали, дитя мое? На лапу, а?

— Пять тысяч, святой отец! — голубой взгляд секретарши выражает готовность, готовность и еще раз готовность.

— Прекрасно; тысячу оставьте себе, а девять положите вот в этот ящик.

Она прикладывается к руке пророка горячими устами и удаляется, точнее, выпархивает. Отец Джон задумчиво смотрит на помадные отпечатки, взор его затуманивается.

— Свинья, — констатирует кибер. — Никому нельзя доверять.

— Ну-ну, не так строго. Человек божьим соизволением греховен от природы. Иначе как жить?

Пророк долго возится с гантелями, делает сотню приседаний. Отдышавшись, говорит:

— Вообще, мысль неплохая. Воскресную встречу мы с этого и начнем, с ругани. Это будет неожиданно, поскольку мы всегда сначала говорим о достижениях. — Он подходит к пульту и нажимает сразу десяток кнопок. Долго разговаривает по визофону с руководителями отделов, с каждым по очереди и со всеми вместе.

Через полчаса взвод молодцов из сектора психологической обработки, щурясь от хитрости, трудится в поте лица.

Отец Джон, пророк и основатель движения агнцев божьих, каждое публичное выступление готовит со всей возможной тщательностью, памятуя, что в деле воздействия на души людские обряд, как показывает многовековой опыт церкви, обеспечивает девяносто процентов успеха. Тезисы, поступающие от репрезентанта Суинли, дают лишь канву, общее направление. Конкретизация — этим занимается сам пророк. Второстепенных деталей нет. Явление пророка, тембр, текст, интонация, настроение, музыка, тембр, свет, запах, уход — из этих элементов пророк лепит сценарий каждого выступления. Не повторяться в деталях, не стать привычным — самое трудное. И потому исследовательский центр шумит круглые сутки, перерабатывая огромное количество информации.

(120) Это подслушанные в домах, конторах, на заводах, улицах, рудниках, плантациях разговоры, это съемки скрытой камерой и в темноте, итоги опросов анонимных и на ту же тематику у тех же людей опросов именных, статистические данные в таблицах и графиках, вырезки из газет, выборки из речей общественных и политических деятелей и главное, главное — сводки о действиях язычников, их идеологических и боевых групп. Сведения, сведения! Они закладываются в логические машины, анализируются и пересчитываются в исследовательском центре пророка, ведущего небывалую битву за душу обывателя.

О, эта душа! За нее сражаются политические деятели, по ней равняются президенты и министры, к душе обывателя обращаются газеты, видео, книги и радио, ее изучают социологи, статистики и психологи десятков центров, фондов и институтов, для нее работает реклама, ее, наконец, ведет к вечному блаженству святая церковь.

Исследовательский центр пророка со своей могучей вычислительной техникой сумел синтезировать душу обывателя. Полученная за год работы математическая модель этой души оказалась неожиданно сложной. Более сотни независимых переменных, входящих в коренное уравнение, исключали решение в детерминированной форме; согласно анализу, именно в этом крылась причина политической гибели большинства крупных деятелей. Они пытались объять необъятное, разменивались на множество и, измельчав, уходили в забвение.

— Я это предполагал, — говорил тогда, в самом начале кампании, репрезентант Суинли. — Уравнение и должно быть нелинейным. Ну и что? Если нет решения в общем виде, то всегда можно получить частное решение. Это знали отцы церкви еще в незапамятные времена, хотя плохо разбирались в математике. Что обещает церковь? Одно: райское блаженство! Заметьте, только блаженство, да и то не всем — праведникам, коих раз, два и — обчелся. И больше ничего! И в этом суть частного решения.

В те времена пророк еще высказывал сомнения. И он усомнился: к чему же затеяно столь громоздкое и дорогостоящее исследование? Если результат заранее известен?

— Мы ищем пути утешить страждущее человечество, — репрезентант выговаривал каждое слово с несокрушимой серьезностью. — Прежние методы воздействия на массы устарели, подтверждением тому разгул язычества явного и еще более — тайного. Прогрессивная церковь ищет новые формы. Для того и создан исследовательский центр, для того и нужен церкви пророк, да благословит вас господь, Джон.

— И ради этого финансирует нас господин Харисидис и иже с ним?

— Перед господом все равны,— ответил репрезентант и добавил, что господин Харисидис из тех хозяек, кои не кладут все яйца в одну корзину: известны его греховные контакты как с Джольфом-4, так и с посланцами Армии Авроры.

В конце концов неважно, кто финансирует, важен результат. И потому пророк дает своим парням алгоритм сценария и требует ответа: какова будет реакция математически обобщенного, идеального обывателя, живущего в машине, в ее электронном воображении?

Да, много, очень много обязанностей несет пророк на своих широких плечах. Несет с удальством.

К воскресенью фирма «Воздушные замки» закончила строительство. Надувная пластиковая полусфера перекрыла гектар асфальтированной площади. В середине — решетчатое сооружение, увенчанное небольшой площадкой. Низкие перила огораживают ее.

После захода солнца огромная толпа заполнила помещение. В сером колышущемся сиянии загремел хор, и могучий бас, перекрывая его, запел о наступающем конце света, о том, что Земля, как и прежде, будет стоять и не разверзнутся небеса и не явит лик свой Господь, а железный кибер, порождение человека, застит солнце и будет мрак как возмездие за грехи, язычество, крамолу и неприятие сущего. И не уцелеет никто.

А когда стихает реквием, возникают они.

Они — это кибер Ферро и пророк в отливающем медью трико. Они стоят, взявшись за руки, на медленно вращающейся площадке. Пророк в темных очках, ибо сотни прожекторов скрестили на них свои лучи. Снова музыка, теперь это гремющий марш, сочиненный в вычислительном центре пророка совместными усилиями трех вычислительных машин. Темп марша нарастает, потом музыка обрывается всхлипом. Пауза. И многотысячная толпа вздрагивает, когда молчание нарушает смех кибера.

Монотонный, без модуляций, хохот мечется над толпой нескончаемую минуту и вторую. Робот перегибается через перила, протягивает вниз четырехпалые руки. Фигура его расплывается в лучах прожекторов, растет, теряя очертания, и уже одни гигантские манипуляторы тянутся сверху к запрокинутым лицам. И трудно отвести взор от шевелящихся клешней. Смех обрывается неожиданно, и свистящий шепот ударяет в толпу.

— Скоты! Погрязшие в грехах, рожденные в грехе, неспособные предвидеть результаты дел своих. Живете в суете и мраке душевном

(121) и задыхаетесь от собственной пакости, кайтесь! — Робот кричал и бесновался возле неподвижного пророка, знающего тайну утешения. — О чем думать вам, несчастные, на что надеяться? Кайтесь — но нет вам прощения! Ищите! Но что искать? И не обряцете вы! Смириться, говорю вам. Я говорю, порожденный вами, неизбежный и вездесущий. Стяжатели, вы погибнете от меня, ибо я — бич божий. Воистину бич, я развратил вас доступностью благ, и нет возврата к прошлому...

Голос его сверлит мозг, проклятия одно страшней другого падают на людей, изошренные библейские проклятия. Наэлектризованная толпа колышется, слышатся вскрики и плач.

— В чем вина каждого? Не мне, себе этот вопрос задайте. В души свои смотрите, и кто из вас увидит свет? Кто свободен хотя бы от одного из семи смертных грехов? Я вам напомню их, ибо коротка ваша память, люди.

От зависти кто свободен? Чему завидуете? Не уму, не праведной жизни, не трудолюбию, не мастерству! Завидуете силе, деньгам, власти.

От скупости кто свободен? Я не говорю: кто ближнему отдал рубашку? Кто милостыню подал, спрашиваю?

Кто воздержался от блуда, греховодники?

Чревоугодие уже и грехом не считаете, рабы животов своих ненасытных! Спрашиваю, кто очищает тело свое постом?

Гордыня вас обуяла, и смирение ваше полно злобы и лицемерия. А гордость — смертный грех, ибо чем гордиться каждому, не жизнью ли своей, короткой и убогой, не слабостью ли своей перед лицом власть имущих?

Боготпротивному унынию поддаетесь и в тоске проводите дни свои, а тоска ваша — от невозможности утолить стремления к греху, и нет у нее иной причины.

О седьмом смертном грехе спрошу: от гнева на ближнего кто воздержался? Свои грехи прощаете, чужие — никогда. Кто из вас не обидел друга злопамятностью и гневом своим?..

Вальд, один из немногих, кому в этой толчее удалось сохранить способность рассуждать, видел вокруг искаженные лица и сам ощущал странную приниженность, слыша оскорбительный смех и вопли человекоподобного автомата. Толпой овладевала массовая истерия, Вальд это понял, пробираясь к выходу. Он двинулся, расталкивая людей. Отодвинул женщину, которая, подняв руки, выкрикивала что-то в состоянии глоссолалии. Сжатая толпой, она уже не могла опустить рук...

Выбравшись наружу, он долго стоял, судорожно вдыхая воздух, пропитанный бензи-

ном и серным ангидридом. Рядом чавкал компрессор фильтра. Вальд вспомнил о маске, пошатываясь от головокружения, побрел к машине. На уровне вторых-третьих этажей продублировались фигуры кибера и пророка. Голограммы давали увеличенные изображения, и пророк, уже без очков, казалось, заглядывал в самую душу своими добрыми изумрудными глазами. Ферро смолк, и в пространстве звучал утешительный баритон пророка:

— Робот прав, ведь он свободен от страстей. Да, мы рабы! Рабы грехов своих. Своей лени, своих вещей, своих страстей. Мы грешны, да! Но мы таковы изначально, я и каждый из вас. И если тысячелетия не переделали нас, то неужели надо доказывать, что ничто уже не способно изменить нас, таких, как мы есть, я и каждый из вас? Но одному-то мы должны были научиться. Смирению! Готовности воспринять мир таким, каков он есть. И прожить свое, думая о себе и не пытаясь переделать данное. И мы смиримся, я и каждый из вас! Ибо сказано в Писании: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться; и нет ничего нового под солнцем».

Не зря получали паунты молодцы из сектора психологической обработки, нет, не зря. Этот рефрен — я и каждый из вас — действовал безошибочно: чем дальше, тем все больше хотелось слушать пророка, который принимает меня, маленького, таким, каков я есть...

Вальд страхнул наваждение, уселся в машину, загерметизировал салон, включил очистку и приник к раструбу, вдыхая свежий холодный воздух. Он положил под язык таблетку, помедлил с минуту, прислушиваясь, как мягкое тепло разливается по телу и яснее голова, набрал на щитке шифр маршрута. Машина тронулась с места. За нею увязался юродивый без маски, кривляясь и крича:

— Милостивец, дай подышать!

Его, впрочем, вскоре отогнал полицейский андроид.

Хорошая машина. Вальд истратил на нее треть денег, полученных от Тима за работа. Кстати, где Тим? Он как сквозь землю провалился. Поп наверняка надул его там, на берегу, после сделки на Тиме лица не было.

Вальд вспоминал о чем угодно, только бы забыть этот проклятый смех, еще звучащий в мозгу, только бы не думать об этой сумасшедшей толпе. Видно, они что-то подмешивают к атмосфере, иначе почему этот окаянный пророк всегда выступает в закрытых помещениях. А добрый кибер Ферро, что они сделали с ним?

Вальд уловил собственный взгляд в зеркальце и вздрогнул: какое бессмысленное выражение лица. Что ему, собственно, до этих фанатиков, кто заставляет его посещать их

1123] сорища? Мысли его металась в заколдованном кругу: кибер, пророк, рев пьянеющей толпы. Что в этом главное? Зачем это, кому нужно? Бесконечные шествия агнцев божьих попеременно с андроидами. Пророк через день принимает эти угрюмые парады. Зачем? Зачем агнцы часами орут цитаты из пророка, какой в этом смысл? Почему он, Вальд, должен начинать рабочий день молитвой Великому Киберу? Почему высшим шиком стало роботоподобие? Любите машину, делайте машину! Покупайте машину — это патриотично. Машина несет вам счастье, смотрите, какие формы, какой экран! Глупо иметь двух детей, еще глупее не иметь двух машин: воздушная и магнитная подушки, автоматический маршрутизатор, единственное место, где гарантирован чистый воздух! Браслет сюда, нет, чуть выше — и через пару минут вы уснете. Синтезатор запахов, любому суррогату аромат говядины. Что вы, эту программу наберет ребенок. Великий Кибер освобождает вас от бремени, любого бремени, бремени труда и бремени размышлений. Думать — это так трудно. Главное — иметь машину, пока не поздно... Мы стали людьми, чтобы делать машины, в этом цель и смысл бытия! Почему, почему?

Великий Кибер! Он давно пришел и поселился в домах, как хозяин. Это он орет и кривляется на экранах визофонов, перед его бледным фонарем-экраном замирает в экстазе семья, и прекращается общение, и дети растут, не зная родителей. Он гремит на кухне тарелками, сопит в ваннах комнатах, шьет платье и плавит сталь, бежит по улицам в смрадном шлейфе, летит по воздуху, роется под землей. И везде, куда приходит он, человек становится ненужным. Человек перестает быть хозяином, отныне он лишь слуга, безличный и покорный. И кибер, его Ферро, прав, человеку на Земле делать нечего...

Вальд сжался, ему внезапно показалось, что он понял причину своего состояния. Дело не в наркотике: пророк показывает, сколь глупую шутку сыграло с собой человечество. Толпа, сама того не понимая, стыдилась собственного унижения.

Унижение человека — стержень любой религии. Рабы божьи, рабы кибера. Последнее убедительнее, поскольку наглядно. Бытие божье, как говорил Тим, еще надо доказывать, бытие и могущество кибера видно каждому и не подлежит сомнению...

Вальд пришел в себя от тишины. Вылез из кабины, разогнул онемевшие ноги. Машина стояла, уткнувшись в запертую дверь гаража. Вальд помедлил возле замка, вспоминая шифр. Дверь отошла в сторону, машина, хрюкнув

компрессором, вползла в гараж. Оттуда до-
несли щелканье контактов зарядного агре-
гата и всхлипывающий звук присосок. Вальда
передернуло от глупой мысли; черт ее знает,
может, она тоже соображает что-то.

Побаливала голова. Он нехотя побрел в
пустой дом, не зажигая света, прошел в кабин-
ет, уселся за письменный стол, потом дернул
шнурок старинного бра. Словно ничего и не
было, подумал Вальд. А может, действительно
приснилось ему, как его Ферро кричал людям:
скоты, прах от праха!

Вальд снова увидел себя, сжатого потной
толпой, втягивающего запрокинутую голову
в плечи, и призрачные чатырехпалые хваталки
у самого лица... Если он, кибернетик-на-
ладчик, не может забыть это сборище, то как
же действует пророк на людей, знающих о
роботах только то, что они есть? Я-то знаю,
кибер орет по готовому тексту, он всегда орет
по готовому, он иначе не может. А я могу?
Может, я тоже по готовому, может, мне только
кажется, что я сам по себе, а я под сеткой,
и сверху некто наблюдает за исполнением про-
граммы: работай, ешь, спи, вставай, включи
видео, сделай кибера, продай кибера, усом-
нись... Предопределение и безысходность, про-
грамма, заданная воспитанием, средой, обра-
зом жизни, программа, не имеющая цели,
спонтанный хаос...

Вальд тупо смотрел на телефон, который
звонил не переставая, потом медленно поднял
трубку.

— Проверка,— голос был хрипл и безраз-
личен.— Сообщаю, отключать аппарат запре-
щено законом о контроле над перепиской и
телефонными разговорами. Сегодня принят.

— Как это? Не может быть! — машинально
произнес Вальд.

— Ты никак из мысляков,— голос не измен-
нился.— Смотри, парень. Не вздумай отклю-
чить.

Вальд положил трубку, руки его дрожали.
Он не понял, почему его так затронуло сооб-
щение, скрывать-то ему, собственно, нечего,
а вот поди ж ты. Ему казалось, что он принял
пророково «прожить свое, думая о себе», но,
видимо, гражданское чувство, сколько ни вы-
травливай из человека, в нем живет. Притаи-
лось и жжет душу, понуждая к действию.

Это был вечер сюрпризов, ибо почти сразу
дверной динамик забасил:

— Откройте входную дверь. К вам с миром
агнцы божьи вашего прихода.

Вошли два дюжих агнца. Отодвинув Вальда
в сторону, быстро и умело разместили в ком-
натах микрофоны.

— Ты теперь, парень, у нас как на ладони.
Распишись-ка здесь. Пропадет что из приход-
ского имущества — шкуру спустим. Понял,

(124) да? — сказал старший агнец. Свитер обтягивал
его мощный торс с выпуклым животом, а на
свитере фотоспособом были воспроизведены
устрашающей величины женские груди.

— Дай ему между глаз,— бросил млад-
ший, возясь с проводкой. Вальд без мыслей
рассматривал лэйб на его обтягивающих брю-
ках: лэйб изображал голый волосатый зад в
натуральную величину.

Когда они, топая и сморкаясь на пол, ушли,
Вальд не стал закрывать двери, к чему? Он
выдвинул ящик стола, машинально достал
большой и толстый блокнот с кодами. Блокнот
остался от того времени, когда Вальд пытался
разобраться в псевдопсихических аномалиях
Ферро. У него тогда действительно ничего не
получилось — он не обманывал отца Джона.
А теперь, что ж, теперь уже поздно. Да и кому
это нужно... В динамике послышалось чье-то
деликатное дыхание.

— Входите, открыто. И микрофоны вклю-
чены.

Никто не ответил. Вальд поднял голову.
В дверях стоял Вальд.

— Ага, так и должно быть,— сказал Вальд.—
Я этого ждал. Я знаю, что вполне созрел,—
он хихикнул.— Но у меня еще хватит ума
добраться до психиатра.

Он засунул блокнот под бумаги в ящик,
бодрой походкой прошел мимо посторонив-
шегося двойника, направляясь к гаражу... Двой-
ник молча уселся рядом, и Вальд вывел ма-
шину на дорогу.

— А что, могу я сам с собой поговорить?
Или нет? Себе-то я все могу сказать. Довери-
тельно, а? Вообще, это даже тривиально —
тронуться умом.

Двойник улыбнулся.

— Поезжайте прямо, Вальд. Я рад, что мы
так похожи. И мне нравится ваша реакция на
мое появление, мы не ошиблись в выборе.
Меня зовут Нури Метти, а вас я знаю.

— Рад знакомству,— Вальд покосился в
зеркальце на собеседника. Похожи до озно-
ба.— Зачем я вам, куда мы едем и кто вы?
Я к чистильщикам, язычникам и политике во-
обще отношения не имею. Наладчик мысля-
щих автоматов. И все. Вам понятно? Фирма
мной довольна. Я фирмой тоже. Мне вообще
все нравится. Все! Понятно?

— И отравленный воздух?

— Ничего, дышу.

— И псиной пахнущая вода?

— Пейте кипяченую.

— И молитва перед работой?

— Великому Киберу! Почему бы нет? До-
стоин!

— И закон о контроле?

— Привыкнем. А мне и скрывать нечего.
Мне! Нечего!

Они долго молчали, глядя на дорогу, перечеркнутую рекламными отблесками.

— Я понимаю, что выгонять вас из машины не имеет смысла. Я вам зачем-то нужен, и вы наверняка не один. Говорите.

Нури рассматривал собеседника и думал, что пока все идет как надо, из дома увести удалось без усилий, почти сразу. Если дело сорвется, о разговоре Вальд забудет начисто. Лучшего варианта легализации вообще не придумать: и внешность, и специальность. Коттедж отличный, место удобное.

— Нам нужна ваша внешность, ваша работа и ваш дом.

Вальд справился с собой, и только голос выдавал его состояние.

— Я исчезну? Как это будет? Если можно — без боли.

Нури секунду недоуменно смотрел на него.

— А, вот вы о чем. Нет, это все временно. Потом вы сможете вернуться, если захотите. А сейчас мы вас переправим на материк, и будет у вас что-то вроде отпуска. Хорошо оплаченного.

— Значит, вы оттуда.— Вальд перевел дыхание.— И когда это будет? Изъятие?

— Сейчас. Доберемся до побережья. Выйдете в море на моторке, а там вас подберет парусник. Красивый, днем вы увидите его белые крылья... Сверните, пожалуйста, у той развилки. Поскольку отныне я буду изображать вас, мне нужны подробности из вашей жизни. Много подробностей и бытовых деталей. И сведения о фирме. Не беспокойтесь, я знаком с работой наладчика мыслящих автоматов.

— Вы и там собираетесь меня заменить?

— Да. Мне нужно легальное положение,— ответил Нури и непонятно добавил: — Пока не поздно. А то скоро пацанам искупаться негде будет.

Нури был единственным в группе, прибывшим в Джанатию нелегально. Воспитатель дошколят в саду при ИРП, а ныне торговый советник Хогард Браун заменил в торгпредстве заболевшего сотрудника. Для Олле была придумана сложнейшая операция юридического характера, в результате которой он явился на остров вступить в наследство, доставшееся ему от весьма далекого родственника. Изящная жизнь пришлась Олле по душе, и он предпочел остаться в обществе, где деньги еще что-то значили. Он со своим псом жил в лучших гостиницах, крайне неудачно играл в казино и беднел не по дням, а по часам...

Сейчас Олле сидел, развалившись в кресле, в гостях у Нури, штиблеты из тонкой кожи стояли рядом, и он с удовольствием шевелил пальцами. Дорогие хлопчатобумажные носки

спускались с икр модными складками. Было прохладно и сумрачно, потрескивал под потолком озонатор, по-лесному чуть шумел фильтр-кондиционер. Вообще, в кабинете Нури было уютно и приятно. Старинное бра мягко освещало бумаги на письменном столе и раскрытый портсигар, не дорогой и не дешевый, как раз такой, какой мог купить себе преуспевающий наладчик мыслящих автоматов. Если бы он курил. Нури поднял с пола пачку газет, кресло под ним скрипнуло. Он смотрел на Олле покрасневшими глазами.

— Если бы ты знал, сколько я читаю. Какой странный у них принцип отбора информации...

— Страшное дело, не могу смириться... А ты неплохо устроился. Дышать можно, книги вот различные. Сам прибираешь?

— А ведь они лгут! В газетах, в передачах.

— В самом деле?

Разговор тянулся бессвязно и сумрачно. Они думали об одном, пытались уразуметь случившееся, и, как это бывает, когда в доме беда, инстинктивно избегали боли, говорили о вещах посторонних, к делу не относящихся... Сообщения о катастрофе были куцыми и невнятными: газ, скопившийся за ночь в подвальных помещениях здания конгрессов, взорвался днем во время открытия долгожданной, много раз откладывавшейся сессии регионального Совета экологов... раскопано более ста трупов...

— Готовились помочь, а теперь кому?— Нури мрачно смотрел в сторону и постукивал пальцами по столешнице.— Мы здесь уже сколько? Третью неделю. А что выяснили? Я пока готовился, все понимал, всю раскладку. Вот тут кучка политиканов и демагогов — эти за власть отца родного придушат, а сейчас такое время, что личная власть держится либо за счет ура-патриотической демагогии, либо за счет равнодушия масс. А с другой стороны — эти самые массы, которым за долгие годы внушили, что любая борьба приводит лишь к замене одних руководящих мерзавцев другими. Так пусть уж данный мерзавец сидит у кормила, примелькался.

— Полагаешь, можно привыкнуть дышать фтористым водородом? И к этому, к синдикату?

— Ага!— Нури покопался в стопке, вытащил газету.— Вот она. Шикарное название: «Т-с-с». Действительно, выпускается с разрешения министра общественного успокоения. А что?

— Ничего особенного. Мне там предлагают должность... Я вчера просадил в казино пару сотен монет. Потом... как это, надрался? Да. И не в ту машину сел. Ну, конфликт в общем. Не успел оглянуться, а сзади-спереди,

с боков, знаешь, эти броневички с инфраси- ренами. Доставили в участок. Тех, троих, кото- рые не пускали меня в машину, увезли в боль- ницу. Пока звонили в посольство и выясняли, что я здесь сам по себе, явился с виду человек как человек, улыбается, говорит, что от меня все отказались, а при моем образе жизни я через месяц свои штилеты без соли кушать буду. И предложил работу. Не очень обре- менительную и не требующую смены моих привычек, даже с громом расставаться не нужно. Сильные люди, как он сказал, всегда сильным людям нужны. А ты что скажешь?

— Что за работа?

— Рядовым в охране у Джольфа-четвер- того.

— У какого, черт побери, четвертого? Го- вори яснее!

— Святые дриады, Нури! Ты хоть эту са- мую «Г-с-с» читал?

— Ну! Сильно пишет о преступлениях, дух захватывает.

— Еще бы. Орган бандитского синдиката, а Джольф-4 председатель его. И ему нравятся молодые и здоровые лоботрясы, каковым я и являюсь.

— Так бы сразу и сказал. В лоботрясы— это славненько, раскинем мозгами...— Нури сильно задумался.— Что нам это даст? А вы- держишь, в лоботрясах? С другой стороны, там ты легче найдешь прохвоста. Нужен немо- лодой, компетентный и с меркантильными на- клонностями. В качестве высокооплачиваемого консультанта. Чтоб с задатком интеллекта, для ориентировки, надо же нам разобраться на- конец, кто есть кто.

— Хорошо бы прохвоста,— мечтательно сказал Олле.— Но трудно это. Их здесь пол- ным-полно, но как узнать, что это тот самый, который нам нужен.

— Кто найдет, как не ты, ты ж вращаешься. Хогард обложен со всех сторон, мне высовы- ваться никак нельзя. Думаю, тебе стоит дать согласие. Охранником — не так уж плохо. Орга- низованная преступность не может не иметь контактов с полицией — это я усвоил еще при подготовке.— Нури помолчал, покосился на портсигар.— Время кончается, у них там в уча- стке сейчас сплошное чирикание. Ты иди, связь держи...

Олле, повесив на палец смокинг и небрежно посытывая, поднялся по винтовой лесенке на крышу коттеджа, угнездился на открытом сидении малютки-орнитоплана. Он лишний раз порадовался, что сумел переправить в Джана- тию этот аппарат. Сверху была хорошо видна крошечная лужайка перед домом, в лунном свете пластиковая зелень ограды ничем не отличалась от натуральной. Неподалеку тя- нулась серая лента эстакады энергетического

(126) шоссе, а за ней мерцали багровые всполохи горящей речки. В низком небе темным золо- том горели слова: «Перемен к лучшему не бывает». Обочины шоссе шевелились, покры- тые телами спящих. Олле достал из боксика полумаску-присоску и прилепил к подбородку.

Он укрепил на бицепсах и запястьях брас- леты и тем самым включился в систему био- управления. Через секунду ощутил контакт. Нажал на педаль, подав первый импульс био- насосу. Заработало сердце странной птицы и погнало глюкозу в синтетические мышцы орни- топлана. Олле шевельнул крыльями и ощу- тил их приятную упругость.

Отпев утреннюю молитву Великому Кибе- ру, Нури сдал листок с текстом дирижеру. Вложил в щель на его животе растопыренные пальцы, взял жетон и прошел к себе на рабо- чее место. По пути его окликнул игровой ро- бот: «Сыграйте, господин, вам повезет». Робот собирал утреннюю мзду в пользу синдиката, и Нури подчинился заведенному порядку. Ро- бот проглотил монету, произнес утешительно: «Господину повезет завтра».

Громадный зал был разделен на ячейки- боксы. Поднявшись на пульт, Нури увидел де- сятки прямоугольных ячеек, образованных сте- нами двухметровой высоты: цех психоналадки. Его коллеги-наладчики занимали свои места. Нури, опустив руку в карман комбинезона, скатал до маленьких дисков напальчники с от- печатками пальцев Вальда и сунул жетон в прорезь на пульте. Загорелся зеленый огонек, мягко шумнул в высоту мостовой кран, застыл над головой и опустил в бокс недвижимого андроида. Магнитный захват пополз вверх. Рабочий день наладчика мыслящих автоматов начался.

Нури с пульта вывел защитную сетку и на- крыл ею бокс, теперь кибер был защищен от посторонних излучений. Дисковые антенны из- лучателей были намертво встроены в стены бокса и закрыты пластиковыми экранами... Робот лежал животом вверх. Нури увидел его номер, крупно написанный светящейся крас- кой, и вызвал программу наладки на экран дисплея. Программа давала сведения о частотах излучений, пробуждающих к действию двигательные реакции. Давала она и список предпочтительных частот и типов излучений, которыми можно было воздействовать на ро- бота при отработке его псевдопсихических ре- акций. Остальное зависело от искусства на- ладчика, его опыта и интуиции.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Тогда, в 60-е...

Заметки неочевидца

Роман АРБИТМАН

Начнем с цитаты. «...Будет лучше! И надо надеяться, в ближайшее время. Журнал научной фантастики возникнет и будет жить!» Этому оптимистическому утверждению «Литературной газеты», скрепленному подписями моих любимых писателей-фантастов, исполняется ровно четверть века. Что ни говори, печальный юбилей: журнала, как известно, у нас нет до сих пор.

За истекшие годы произошло немало событий, о которых фантасты вряд ли догадывались, и, в основном, не сбылись те НФ сюжеты, что влекли к себе писателей. Не обнаружили мы инопланетян — ни в космосе, ни на Земле, ни в прошлом, ни в настоящем. Не ответили человечеству взаимностью мудрые дельфины. Машин времени нет и в проектах. С компьютером не обсудишь на равных животрепещущий вопрос — может ли машина мыслить? Даже на Марс еще не слетали — только примериваемся, прикидываем... Создается впечатление, что фантастике 60-х вообще катастрофически не повезло с исполнением научно-технологических пророчеств.

Верно, не повезло.

И прекрасно, что не повезло! Не иссякающий и в наши дни интерес читателей к фантастике именно тех лет (загляните-ка в библиотечные формуляры) — при почти полном отсутствии реализованных НФ идей — окончательно опровергает некогда распространенную точку зрения, что фантастика-де обязана только «обоснованно мечтать, а не беспочвенно фантазировать». Замахнувшись на большое, выйдя в философские, социальные, нравственные сферы, НФ проиграла в мелочах, но выиграла в главном — осталась литературой.

Почему так быстро сошла с дистанции и ныне уже напрочь забыта фантастика 40—50-х, ладненькая, трезвомыслящая, без всяких там вредных затей, затянута в блестящую кожу и чуть припахивающая порохом (идеологических битв) и машинным маслом? Может быть, потому, что она еще боялась всего непривычного и, не мудрствуя, предпочитала обрабатывать свою скромную делянку, снимая с нее столь же скромный урожай.

Почему не слишком много энтузиазма вызывает ныне большая часть НФ книг, изданных со второй половины 70-х, когда иллюстрации и обложки становились все живописнее, все завлекательнее, а слово «кризис» звучало все отчетливее? Наверное, потому, что НФ уже не хотела замахиваться на большое, предпочитая опять-таки возделывать свой огород (благо площадь его многократно приросла), а если и хотела — не давали бдительные редакторы...

Фантастика 60-х развивалась, стало быть, в промежутке между двумя страхами, между двумя «нелзя» — «еще» и «уже». Тем не менее воздуха свободы, который и НФ зачерпнула в период хрущевской «оттепели», хватило почти на полтора десятилетия: от появления непривычной «Туманности Андромеды» (1957) до полной «смены караула» в редакции фантастики издательства «Молодая гвардия» (об этом драматическом эпизоде подробно рассказали братья Стругацкие в своем интервью «Уральскому следопыту» — 1987, № 4).

Нетрудно представить, что и в 60-е не все было спокойно и гладко. На глазах людей за какое-то десятилетие время дважды поменяло свой цвет, и это не могло не коснуться литературы, в том числе и НФ.

Поначалу, должно быть, все казалось зыбко, странно, неустойчиво. В 1956-м на XX съезде был разоблачен культ, но давняя традиция критических проработок, «борьбы с низкопоклонством», навешивания ярлыков не исчезла сразу, не могла исчезнуть: вредные привычки, увы, живучи. И не удивительно, что старейший — и тогда — писатель-фантаст, активно отучававший в расправе с автором «Доктора Живаго», в 1961 году публиковал уже статью «Против абстрактности в научной фантастике»: как раз шла острая борьба с «абстракционизмом». В той статье хорошо досталось молодым фантастам Г. Альтову и В. Журавлеву, чье произведение, конечно, ничему хорошему нашу молодежь научить не могло... А уже с середины 60-х начинаются сперва робкие, с оглядкой, затем все креп-

нущие удары по философской, социальной фантастике, по творчеству Стругацких; апогея они достигнут в конце 70-х, однако и десятилетием раньше в названии статьи критика В. Свинникова само слово «философская» заключалось в издевательские кавычки...

Время, когда НФ развивалась в «режиме наибольшего благоприятствования», было весьма ограничено. А может, его и вовсе не было? Может быть, фантастика 60-х и выжила, и обильные плоды дала как раз потому, что боролась, отстаивала свое право на существование, защищалась от нападков некомпетентных критиков и чересчур компетентных — но не в литературе — узких специалистов? Во всяком случае, такое не исключено.

А сделать тогда фантастика успела фантастически много.

В считанные годы была пройденная стремительная эволюция от наивной НФ жюльерновско-беляевско-плана до подлинно «человековедческой». Лучшие произведения той поры были просто заквашены на полемике, распрямлялись с былыми стереотипами безжалостно и весело. Вспомним хотя бы пародийную главу из повести «Понедельник начинается в субботу», рисующую путешествие Александра Привалова в описываемое им будущее: Стругацкие блестяще показали нежизненность, убогость, выморочность примитивно-прагматической «ближней» фантастики с ее коллекцией мрачных типажей, манекенов вместо живых людей.

Фантастика 60-х развивалась, похоже, в принципиальном пренебрежении к правдоподобию НФ идей, положений, антуража, сохраняя лишь минимум необходимого для сюжета. Человек — мера всех вещей — оказался непременным условием таких разных произведений, как «День гнева» и «Винсент Ван Гог» С. Гансовского, как лучшие повести и новеллы Д. Биленкина, юморески И. Варшавского, как «Девочка, с которой ничего не случится» К. Булычева... Повествование неуклонно стало смещаться в общегуманитарную сферу, даже профессии многих героев (например, Плынова у Д. Биленкина, Киры

Сафрай у В. Журавлевой и др.) символизировали интерес авторов к внутреннему миру людей. В «Попытке к бегству» Стругацким было совершенно неважно, каким образом человек XX века Саул Репнин оказывается в будущем, но важны были сам герой, его поступки, его выбор.

Отсюда же, из отсутствия жанровой узости, произрастают и сказочные — лишенные даже малейшей степени наукообразия — произведения, которые сформируются в фантастической нашей литературе позднее; отсюда пойдет смешение невероятного с бытом у В. Орлова и А. Житинского — истоки их творчества следует, конечно, искать не только у Булгакова, но и гораздо ближе: у современников, в атмосфере раскрепощенного «можно» 60-х.

Одновременно вызревала фантастика «настроения» (термин, понятно, условный), весьма спорная с научными, рационалистическими позицией, но возможная с позиций художественных. Фантастика, восходящая к «готическому» роману, к «Замку Отранто» Уолпола, к Гофману и По. Эта ориентация вряд ли с определенностью ощущалась и самими авторами — скорее, она естественно рождалась в многообразии поиска новых тем, направлений. Помню свой детский восторг от рассказа М. Емцева и Е. Парнова «Последняя дверь». В критике этот рассказ неоднократно подвергался нападкам за несвязность сюжетных мотивировок, за отсутствие высокой идеи, за развлекательность и бог знает за что еще. Рассказ же, при всех его недостатках, был о другом. В нем действительно не было великих откровений, но зато он умело создавал настроение — атмосферу сладкой

жути, гнетущей непонятности, неожиданности, бессилия привычных (и тесных) рамок, куда мы горазды загонял все богатство мироздания. Между прочим и романтическая «готика» В. Крапивина берет начало там же, в тематических поисках 60-х.

Более того. Все «психологическое направление», которым заслуженно гордится «ленинградская школа», зародилось, на мой взгляд, там же — в споре с безудной технологией НФ предшествующих десятилетий. Тяга не к железу, а к человеческому была настолько велика у читателя, настолько любители НФ устали от стекла и бетона, «шагающих саксофонов» и никелированных «ручек приборов», что «Леопарду с вершины Килиманджаро» О. Ларионовой, неравнодушной к переживаниям своих героев, решительно прощали все издержки — и некоторый «надрызг», и затянутасть, и погрешности в сюжете. Достоинства книги были в тот момент слишком очевидны, и не случайно, что эта книга вместе с «Далекой Радугой» первая побывала в космосе, на борту орбитальной станции.

Главной чертой фантастики 60-х была молодая бескомпромиссность ко всему, что мешало. Со штампами она боролась иронией и издевкой. Сатира наконец-то сменила место дислокации — до этого объекты осмеяния и осуждения находились, по преимуществу, за океаном, в неназванной империалистической державе, обличать пороки которой было легко и необременительно. В 60-е едва ли не впервые стало очевидно, насколько антилитературен сам жанр фантастического памфлета, выросший на почве идеологических клише, — законнорожденное дитя эпохи «холодной войны». Для подобных произведений не требова-

лось ни литературного мастерства, ни знания обстановки — вполне хватало чтения тогдашних газет, откуда и черпался материал... Произведения, созданные в таком духе, конечно, не исчезли и в 60-е: в те годы выходило их немало, выходят они и сейчас. Но такие книги уже не могли претендовать на господствующее место в НФ, их выслеживали, как мамонтов, и остроумно, безжалостно высмеивали. Устаревали такие вещи, по обыкновению, почти с момента их выхода в свет. Пожалуй, лишь некоторые книги З. Юрвеа — за счет крепко сколоченного сюжета, прекрасного знания реалий и минимума фельетонных передержек — с интересом читаются и в наши дни, все прочие выглядят анахронизмом.

А «шпионская» фантастика? Ведь вымерла начисто, и торжественные проводы с лентами из многочисленных пародий были начаты именно в 60-е. На смену «приключениям тела» окончательно утвердились «приключения мысли», а драматические события вокруг похищения западными спецслужбами некоего изобретения уступили место «драме идей». Не знаю, как детектив, а фантастика выиграла от этого. И хотя в «Открытии себя» В. Савченко ирония преобладает над пафосом, произведение это было в высшей степени серьезным и детективные ходы не мешали понять главное: «квинтик» — один из многих, рабочая лошадка НТР — инженер Кривошеин становится едва ли не центром Вселенной, могущественным «демиургом, почти божеством. «Зауряд, который много смог» — так аттестован он автором.

Это внимание к частной личности, да еще инженерского звания (в прежней НФ — «лицо без речей», придаток какой-нибудь технической штурковины; в НФ позднейшей — один из «малых сих», вроде гоголевского Башмакина, персонаж анекдотов на темы безденежья), было характерным для всей фантастики той поры...

Сейчас, четверть века спустя, легко быть мудрым. Легко говорить, что любимый герой фантастики 60-х, набрав самых доброжелательных авансов, не смог расплатиться по счетам в 70-е, оказавшись не в силах сопротивляться бюрократическому своеволию «хозяев науки» (как правило, чиновников высоких рангов, а не ученых). Маги из «Понедельника...» Стругацких в «Сказке о Тройке» учатся играть в бюрократические игры, и умение в этих играх выигрывать означает по сути нравственное поражение. Инженеры Савченко позднее отзовутся в героях колупаевской «Защиты», где весь коллектив лаборатории будет озабочен не поисками истины, не «счастьем человеческим» (как в НИИЧАВО у Стругацких), а лишь одним:

как бы всучить смежникам неработающую установку и тем самым «закрыть тему». Вот куда уйдут чудеса изобретательности кривошеинных... Да, напрасно эти герои ставились на козлы, они оказались обыкновенными людьми; но вот то, что в этой «единице» НТР была увидена живая душа, человек со своими проблемами — огромная заслуга фантастики 60-х.

НФ литература тех лет — иногда по наивности, иногда по наитию, а временами вполне сознательно — наметила целый ряд симптомов социальных заболеваний, о которых разговор пошел только сегодня. Уродливые черты действительности можно было обнаружить не только в опальных «Улитке на склоне» или «Часе Быка», но и в произведениях вовсе невинных. Мало кому сейчас вспомнится рассказ Ю. Сафронова «Ничего особенного», опубликованный в давнем номере «Техники — молодежи». Герои его, потерпев кораблекрушение, оказываются на борту... не то инопланетного корабля, не то живого существа. Впоследствии выясняется, что чудо-техника — наш, отечественный, только тщательно засекреченный до поры аппарат для космических исследований, в зону испытаний которого герои ненароком угодили. Сами-то они, узнав правду, испытывают только восторг и гордость, а мы — еще и иные чувства. Ибо в свои 80-е знаем истинную цену ведомственной секретности...

То же и в романе А. Полещука «Падает вверх»: потрясенное и обрадованное население нашей страны узнает из официального сообщения, что мы, оказывается, давно слетали на Марс. Экспедиция-то возвращается, и никак не скрыть самого этого факта, поскольку ракета сядет прямо на Красной площади... Ну, что за летательный аппарат на самом деле приземлится в районе Красной площади, не мог, наверно, измыслить ни один фантаст; но и история неожиданного появления собственного марсианского корабля сильно напоминает историю с отечественным «шаттлом» в конце 80-х (то же удивление: не было, не было, и вдруг — есть, и давно!).

Подобная же атмосфера узнавания, только окрашенного еще и в мрачноватые тона, окружает ныне повесть Стругацких «Трудно быть богом» в ее современном прочтении. Сколько чернил извели критики, чтобы заклеить авторов, доказать, что они «против помощи отсталым народам». И потребовались горькие 70-е, потребовались трагические уроки Афганистана, чтобы главная мысль повести (нельзя безболезненно и легко «перепрыгнуть» из феодализма сразу в коммунизм, в светлое грядущее) оказалась бесспорной.

А само светлое будущее? Долгое время оно рисовалось фантастами в духе по-школярски понятого романа Н. Чернышевского «Что делать?» — настолько «светло и прекрасно», что напоминало более всего павильоны ВДНХ в день открытия, увеличенные до масштабов страны — а то и планеты. Примерно таким оно было и у Сафроновых («Внуки наших внуков»), и у П. Воронина («Прыжок в послезавтра»), и у М. Белова («Улыбка Мицара»), и у прочих, чьи книги сыщут сегодня разве что библиофилы. Страшно подумать, что стало бы, если б люди в этом будущем не вышли в космос! Захирело бы человечество: ведь все вроде есть, все проблемы решены, и что дальше делать на Земле — придумать авторам было затруднительно, космос оказался спасением...

Между тем коммунизм, как подметил герой повести «Хождение за три мира» Абрамовых, «не стабильная, а развивающаяся формация». И фантасты 60-х безуспешно пытались представить себе общество грядущего в развитии, лишенным умиленной благости.

Первым реальным шагом в этом направлении стал роман И. Ефремова. За тридцатилетие, прошедшее с момента его выхода, о «Туманности Андромеды» написано так много, что трудно сказать о нем что-либо, не впад в банальность. Рискну только заметить, что некая жесткость, спартанская простота будущего у Ефремова ощущаются как аргумент во внутреннем споре с теми, кто представлял коммунизм в виде бесплатного магазина — бери не хочу! Ефремов показал людей цельных и свободных в своих поступках; но при этом в известном определении свободы как осознанной необходимости главным для героев Ефремова, конечно, была все-таки необходимость. Будучи индивидуальностью, человек у Ефремова тем не менее гораздо больше принадлежал обществу, чем, скажем, герой утопий Стругацких.

Будущее Стругацких тоже было полемичным. Оно еще не изображалось столь конфликтным, как в их позднейших произведениях («Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер», «Отягощенные злом...») — оптимизм вообще был характерной чертой времен первой «оттепели», и это не удивительно: после того, что было, все казалось к лучшему. Но вместе с тем мотив некой романтической неуспокоенности пронизывает и «Возращение», и «Старожеров». Для героев Стругацких горизонт этого мира не задан прочно раз и навсегда, он отодвигался, как и положено, по мере приближения к нему — и это движение писателям удалось зафиксировать. С другой стороны, уже в «Возвращении» ко-

смонавты, вернувшись на Землю через много лет, став свидетелями будущего, которое и сами в меру сил приближали, не могут тем не менее стать его полноправными участниками и на практике постигают печальное правило: «Будущее создается тобой, но не для тебя». Отрицание каждым новым поколением, очень гуманное, ненасильственное, но отрицание (такова диалектика жизни) — становится узловым моментом развития общества у Стругацких. Позднее этот мотив, в более гротескной форме, возникает в «Гадких лебедях» («Время дождей»)...

Негативные отклики на утопические построения Ефремова и — в особенности — Стругацких, которые появились вслед за выходом их книг, понять можно. Признать, что светлая мечта, которой догматически поклонялись, может быть подернута даже слабой дымкой каких-либо проблем и забот, — многим это казалось кощунством. Нетрудно понять, и почему так поносили повесть Стругацких «Хищные вещи века». Критиков свергало в великое смущение, что многие атрибуты, традиционно считавшиеся принадлежностью коммунизма (четырёхчасовой рабочий день, почти бесплатная пища, царство автоматики и т. д.), писатели коварно передали капитализму: запахло изменой! «Вещи оказались не столько хищными, сколько привлекательными», — удивляюще писал один из рецензентов. И был по-своему абсолютно логичен. Ведь если исходить из понимания коммунизма как царства Большой Ложки, «хрустальных распивочных и алмазных закусочных», то и впрямь абсолютно надуманным и даже вредным покажется конфликт произведения, акцентировка на «духовном содержании», которое-де необходимо «вернуть людям». В повести-то, несмотря на изобилие, люди скотиннее, сходят с ума, совершают неслыханные по несурзности поступки — и не потому, что изобилие само по себе плохо, а потому, что цель подменена средством... Нет, многим такие рассуждения казались «от лукавого», только привносящими ненужные вопросы, разрушающими раз и навсегда утверждённую картину будущего (и настоящего), где счастье выражалось в тоннах и километрах, в угле и прокате.

А ведь фантастами (не только Стругацкими) была обозначена драма, которая станет главной для всего «потерянного поколения» эпохи застоя — поколения, не сказочно сытого (к этому мы не приблизились и ныне), но живущего достаточно стабильно. Поколения, которое знало, что его обманывают, но обманывало самое себя, не видя цели, не видя выхода...

Фантасты оказались первыми,

кто смог увидеть или хотя бы нащупать проблемы времени.

Но вот парадокс. Перелистывая старые журналы, подшивки газет 60-х годов, ловишь себя на мысли о невозможном ныне умиротворении, царившем, в общем-то, в собственном стане фантастов. Сейчас трудно даже представить, что когда-то в «Библиотеке советской фантастики» выходила книжка В. Михайлова, а творчество А. Казанцева обозначалось в многотомной «Библиотеке современной фантастики» не романом на полтысячи страниц, но небольшим рассказом. Трудно поверить, что Ю. Медведев на страницах «Техники — молодежи» благожелательно интервьюировал братьев Стругацких, а В. Щербаков был автором не только «молодогвардейских» сборников, но и «знаньевского» альманаха «НФ»...

Впрочем, идеилли обманчивы, столкновение между разными взглядами на литературу (шире — на жизнь) уже зрело, лишь не проявлялось столь откровенно, как впоследствии: вся фантастика была так молода и настолько Золушка в окружении ревнивых сестер, что, возможно, «внутренние» проблемы казались фантастам менее существенными, чем настоятельная потребность отстоять свое место в литературе. Тогда не было еще (или — «уже», если помнить о 40-х) откровенной «охоты на ведьм», и не заглядывал никто авторам в паспорта — проверить «пятаку графу» и вычислить «представителей племени вселенских бродяг». Только похолодание политического климата в конце 60-х затронуло по касательной и фантастику — и ее стали причислять, отыскивая неподобающие намеки и используя их как повод для запрета. Так было с «Улиткой на склоне» и «Сказкой о Тройке». Так было с «Часом Быка»...

Сейчас публикуется многое из того, что писатели создали именно в 60-е: «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Новое назначение» А. Бека, «Факкультет ненужных вещей» Ю. Домбровского... Становится ясным: четверть века назад наше прошлое уже было понято и осмыслено достаточно хорошо. Но вот будущее, самое ближайшее, даже писателям-фантастам известно не было. Не было среди них пророков. И все же...

Все лучшее в нашей фантастике — от 60-х. В эпоху, что шла следом укоренилась фантастика, которая никого не тревожила, не ставила никаких больных вопросов. Только сейчас, в самом конце 80-х, возникла острейшая проблема: как писать, когда «можно»? (Как писать, когда «нельзя», за десятилетия научились.) Куда направить свою энергию?

И писатели с надеждой вновь смотрят на 60-е, учатся у них.

Читатель всегда прав?

В декабрьском номере прошлого года мы предложили читателям оценить по пятибалльной системе те произведения, что составили наш журнал в журнале — «Аэлиту»-88.

Что из этого получилось?

К началу апреля — выдохшимся уже ручейком — тянулась пятая сотня читательских открыток и писем. Где-нибудь в мае она, очевидно, набегит-таки полностью. Но, вполне понимая нетерпение тех, кто просит «как можно быстрее сообщить результаты опроса», к тому же поторапливаемые нашим достаточно длительным производственным циклом, мы решили не дожидаться желанной полутысячи и просчитать итоги по четыремстам откликам. В конце концов, сотня за сотней свидетельствуют: расхождения в суммах оценок минимальны: После второй из сотен лишь поменялись местами «Владыки» и «Удар молнии», других изменений не произошло; после четвертой — уточнились сотые доли оценок... Кроме того, даже и 400 голосов — это в любом случае не наши внутриредакционные полтора десятка; тут можно, по-видимому, вести речь и об определенной степени объективности. Если же вы с этим последним суждением не согласны — вините самих себя, уровень собственной активности: несложно вычислить, что — при прошлогоднем тираже в 480 тысяч — откликнулся-то на наше предложение всего только один из тысячи друзей-подписчиков, остальные 999 — промолчали...

Впрочем, прервем комментарии. Обратимся к итогам опроса.

Повторяем оглавление «Аэлиты»-88. В скобках после каждого названия дано общее количество оценок, а следом — разбивка по баллам: от «пятерки» до «единицы».

1. Ольга Ларионова. Звездочка Во-Лбу (400: 316, 75, 5, 1, 3).
2. Евгений Дрозд. Скорпион (399: 186, 170, 35, 6, 2).
3. Вадим Худяков. Королевская охота (400: 181, 160, 43, 13, 3).
4. Евгений Филенко. Удар молнии (398: 138, 183, 61, 10, 6).
5. Василий Головачев. Владыки (397: 153, 152, 59, 24, 9).
6. Сергей Лукьяненко. За лесом, где подлый враг (398: 70, 165, 108, 22, 33).

7. Иван Тяглов. Шаг на дорогу (396: 59, 154, 121, 41, 21).
8. Степан Вартаков. Город Трора (396: 52, 149, 142, 30, 23).
9. Сергей Трусов. Бергство (395: 19, 117, 189, 49, 21).
10. Игорь Федоров. Трамвай до конечной (397: 39, 119, 142, 52, 45).
11. Георгий Гуревич. Ордер на молодость (396: 32, 119, 140, 39, 66).
12. Лев Куклин. Заповедник (397: 11, 74, 182, 68, 62).
13. Александр Чуманов. 16 копеек (398: 12, 51, 176, 63, 96).

Нетрудно заметить: порядок в оглавлении «Аэлиты»-88 стал иным, чем в декабрьском номере. Надо ли объяснять — почему? Совершенно верно, для каждого произведения мы вывели средний балл, он и продиктовал перестановку слагаемых нашего журнала в журнале.

Этот средний балл мы здесь не приводим — каждый может вычислить его самостоятельно. Более того: при желании вы можете вывести средний балл и для фантастики нашего журнала в целом. Иные из читателей уже сделали это — естественно, на основании собственных оценок. В результате у Н. Горнова (Омск), например, этот невыигрышный, увы, общий балл оказался равен 2,6. Собственные наши упражнения в статистике свидетельствуют, однако ж, что более прав Э. Денмухаметов (Казань), поднявший планку уровня «Аэлиты»*88 на целый порядок: 3,6.

Татьяна
БУРУКОВСКАЯ

ГАРМОНИЯ

Золотая сабля, покрытая узорочьем лесов, лугов, полей и перелесков, отсекала от голубого моря серебряный залив...

Изынное и зыбкое создание из песка, рожденное в союзе и противоборстве двух стихий — воды и ветра; живой и хрупкий мир, всецело отданный на милость человека; магическая красота, которая поистине завораживает взор,— все это и есть Куршская коса.

От Зеленоградска, где она начинается, до Клайпедского пролива пролегли 98 километров. Извилисты берега этой полоски суши, неодинакова ее ширина. Самое узкое место — 400 метров — у поселка Лесное, где одновременно видны и море, и залив. Зато в самом широком месте, у поселка Рыбачий, — между ними 4 километра. Впрочем, эти цифры усреднены, а весь облик косы изначально подвижен.

Изначально — это с тех самых пор, когда на цепочке подводных мелей (остатков размытой морем Клайпедской моренной гряды) стал оседать песок, переносимый вдоль берегового течения. Так сложилась южная часть косы, а в северной добавились речные отложения Немана, который когда-то сбрасывал свои воды между Нидой и Рыбачьем, а также в районе поселка Лесное. Позднее русло реки «ушло» на север, образовался Клайпедский пролив, а крупные отмели и острова соединились в песчаную косу. Она отгородила от моря большую бухту, которая, поглотив приморское пресное озеро, со временем превратилась в мелководный Куршский залив.

А на косе из поступающего туда песка стали нарастать песчаные холмы — дюны. Считается, что они появились 6—6,5 тысячелетия назад. Несколько позднее здесь поселились люди и придумали красную легенду о великанше Неринге, которая, желая защитить родной берег от разрушительных набегов морских волн, решила поставить на их пути преграду — песчаные горы. И когда преграда была готова, легла между нею и морем тихая вода. И все — благодаря смелливой и трудолюбивой Неринге. Ее именем и назвали косу. Кстати, имя рыбаки-великанши восходит к литовскому слову «нерия» — пересыпь, коса. Правда, насыпали ее не люди, а волны и ветер, но именно благодаря людям она сначала чуть не погибла, а потом, примерно двести лет назад, начала возрождаться и до сих пор не превратилась в цепочку островов. А ведь могла бы, не заметь люди, что обращенный к морю фасад косы лучше сохраняется там, где есть береговой вал, который препятствует прорыву морской воды в залив. Тогда-то и появился оригинальный способ создания авантюны — передовой, защитной дюны — с помощью поставленных вдоль берега, за пляжем, многоярусных плетней, которые постепенно, из года в год, засыпал перевеваемый и приносимый волнами песок, тем самым сохраняя жизнь, своеобразие и красоту Куршской косы.

Впервые она упоминается в исторических докумен-

тах 1255 года. И каких только событий не помнит этот зыбучий песок! Вечный шепот его — словно сказы о битвах жемайтов и самбов против рыцарей ордена меченосцев; о литовцах, поднявшихся на борьбу с грозными полчищами тевтонов; о славянах, не однажды встававших заслоном на пути агрессивных германцев и пруссов...

А когда на омытую морем розоватую ладонь берега ляжет солнечным сгустком янтаринка, в тихом шелесте дюнных песков послышится вдруг то неспешная песня викингов, то рассказы о странствиях темпераментных греков, то ритмичная речь латинян. Ведь купцы из далеких земель были здесь, на косе, привлеченные местным сокровищем — «солнечным камнем».

«Куршская коса настолько своеобразна, что ее необходимо увидеть, как Италию или Испанию, если хотим доставить душе нашей чудесные виды...» — так писал Александр Гумбольдт, географ и путешественник. А уж он повидал немало!

Томас Манн, с 1931 по 1933 год живший в Ниде, в светлом доме на вершине поросшей лесом тридцатиметровой дюны, сказал о Куршской косе: «Лучшего уголка в мире я не знаю».

...Можно живописать красоту, но какими словами рассказать о воздухе Куршской косы! Смоляной — от обилия сосен; чуть соленый — от близости моря; сладковатый, медвяный — от цветения трав, но — горячий настоем полыни; влажноватый, слегка отдающий ароматом сухого песка... Он кружит в постоянной поземке над поверхностью дюн. А они-то и создают удивительный облик косы.

Страна дюн, вторых по высоте в Европе. Строги и плавны линии этих песчаных гор, изваянных ветром по законам движения и равновесия. На 70 км протянулась их золотистая цепь, в которой звенья то смыкаются, а то разделены поперечными понижениями — долинами выдувания. По ним западный ветер прорывается через косу и несет к заливу массы морского песка. Он накапливается в устье этой «сухой реки» и образует вонзающийся в залив вырост берега — рог или мыс. Один из таких мысов — Крюк — находится в окрестностях поселка Морское. А над ним царят вершины самых высоких на Куршской косе дюн — Эфа и Планеристов.

Отсюда протянулась на юг, до поселка Рыбачий, гряда удивительно красивых, то обнаженных и сияющих белизной, то поросших лесом дюн. И, словно уравновешивая начало и конец самой высокой на косе песчаной гряды, на 62 м, как и гора Эфа, взметнулась к небу дюна Вышка. Взметнулась — и круто оборвалась у края болотистой равнины чуть севернее поселка Рыбачий. А к югу от него простерлась еще одна песчаная гряда, известная коварством и красотой перевеваемых пустынных Белых дюн.

Безмерно своеобразны, порой непредсказуемы эти горы

подвижного песка, постоянные лишь в одном: послушные господствующему ветру, они стремятся к заливу. Немало бед творили на косе странствующие пески, когда неразумная хозяйственная деятельность и войны привели к уничтожению лесов. Было разорвано зеленое звено в цепочке равновесия природы — и пески двинулись в наступление на уголья и жилища людей. Многие селения на косе не раз оказывались погребенными под песками. Трижды такая участь выпадала Ниде, дважды — Лесному, четырежды — Морскому.... Четырнадцать селений уничтожил на косе разбушевавшийся песок. Такую страшную дань заплатили люди за свое недомыслие.

Н. М. Карамзин, рассказывая о своем путешествии из Мемеля (Клайпеда) в Кенигсберг (Калининград), упоминает «ужасные пески» Куршской косы, продвижение по которой было столь затруднено, что извозчики, дабы сберечь лошадей, предпочитали ехать более длинным путем — через Тильзит (Советск).

Жизни косы угрожало безлесие. Беда призывала к действию, и местные жители, как могли, пытались заштититься от странствующих со скоростью 6—14 метров в год песчаных гор. Но ни ловушки — глубокие рвы и ямы вдоль западной околицы, ни хворостяные настилы на дюнах не спасали положение.

В 1768 году Данцигское общество естествоиспытателей объявило конкурс на самое дешевое и действенное средство усмирения разбушевавшихся песков. Победителем конкурса стал профессор Тициус, предложивший не самое легкое, зато самое естественное решение — вернуть косе лес.

В 1802 году начались работы, которые возглавил специально приглашенный датский лесовод Бьерн. Он разработал систему защиты от блуждающих песков почтового тракта Мемель — Кенигсберг и нескольких селений вдоль него. В 1810 году под руководством Бьерна были закреплены дюны вокруг посёлка Смиттыне, на самом северном конце косы.

Озеленением дюн близ Ниды занялся в 1825 году курш-лесовод Георг Куверт; пески возле поселка Пильконе (Морское) засаживал дерном и юными деревцами немецкий ученый Франц Эфа, чьим именем названа самая высокая из окрестных дюн. Усиленное озеленение Куршской косы продолжалось и после того как по Версальскому договору ее северная часть отошла к Литве, а южная осталась за Германией. Вокруг Смиттыне, Прейлы, Юодкранте и Ниды поднялись молодые леса, утверждая здесь жизнь.

Но грянула война.

На светлых дюнах был устроен фашистский танкодром. В огне войны погибло 800 гектаров с таким трудом выращенного леса. Сознательная неизбежность краха, гитлеровцы с мстительным отчаянием загнанного зверя уничтожили больше половины берегового защитного вала — авантюны, а также всю техническую документацию дренажной системы косы. А если учесть, что к началу войны остались неприрученными громадные массы песка, можно себе представить, какая огромная работа ожидала лесоводов Литовской ССР и молодой Калининградской области.

Стратегия борьбы за жизнь Куршской косы включала два направления: создание берегового вала на морском фасаде и закрепление странствующих дюн. Ныне коса более чем на треть покрыта лесами, сотни гектаров засажены травами-пескоукрепителями. Именно засажены. Причем вручную, чтобы не сдвинуть машинами песок. По 3—4 росточка в лунку, заполненную глиной, чтобы

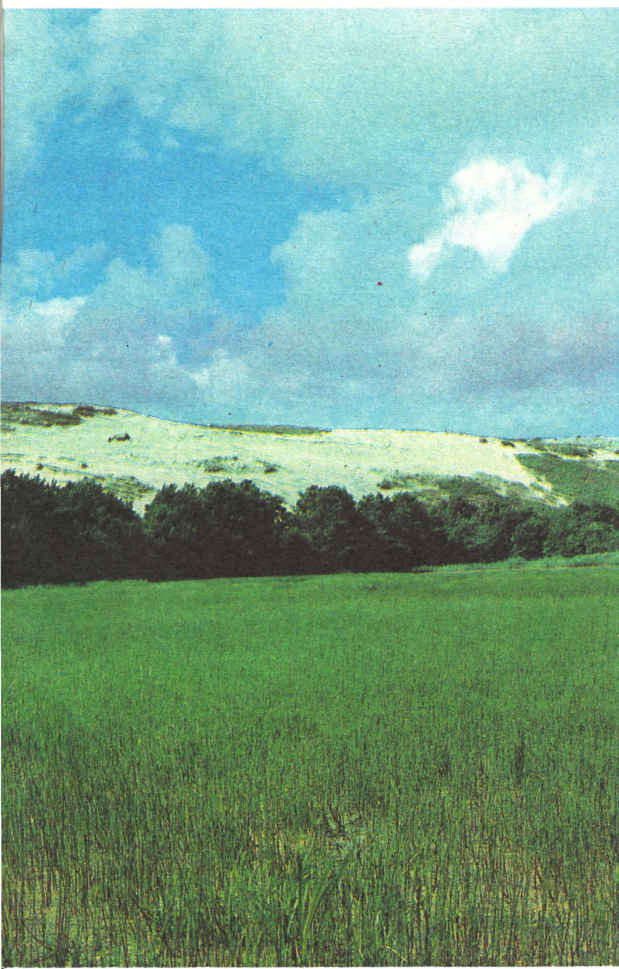
на первых порах удержать саженцы, укрепить их корни. Но даже при такой заботе 25 из 100 саженцев не выживают: законы приморской пустыни суровы. Но ежегодными, ежедневными стараниями людей расширяются владения зеленого цвета. На косе обосновались более 600 видов растений (то есть почти половина свойственных для флоры Калининградской области), в том числе — немало экзотических, чья родина — Северная Америка, горы Центральной и Южной Европы, Передняя, Средняя и Юго-Восточная Азия, Кавказ и Крым. В союзе с обычными растениями наших лесов и специфическими травами песчаных побережий они придают особую прелесть и своеобразие многоликим ландшафтам Куршской косы. Вот почему, не выезжая за ее пределы, можно как бы совершить путешествие по нашей стране с севера на юг, увидев при этом пейзажи и черты почти всех природных зон — от тундры до пустынь. И в то же время ощутить себя в огромном ботаническом саду, сложившемся сколь стихийно, столь и закономерно. Стихийно потому, что не ставилась задача создать на Куршской косе коллекцию растений и разместить их по законам «жанра» — куртинами родственных видов. Закономерно потому, что подбор приносимых сюда растений продиктован экспериментом на их выживаемость в суровых условиях перевеваемых, бедных питательными веществами песков. Но здесь происходит и естественное заселение уже закрепленных дюн и междюнных пространств растениями-аборигенами. Вот почему на косе уживаются степные злаки и таежные орхидеи, дальневосточный шиповник и североамериканская туя... Контрасты рельефа, воды и песка, покоя и движения — отсюда и контрасты ландшафтов, их бесконечное разнообразие на Куршской косе.

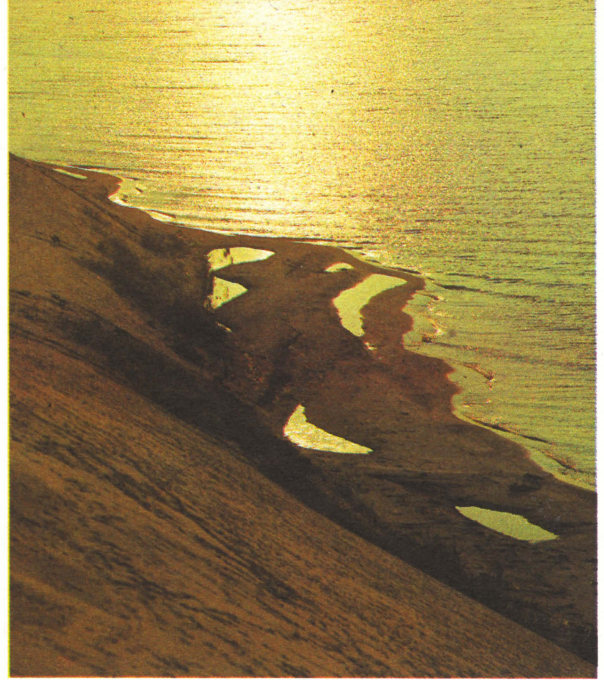
Здесь удивительна гармония случайного и необходимого. Случайно простираение косы с юго-запада на северо-восток совпало с основным направлением перелета птиц над Балтийским морем. Не будь косы, их трасса должна была пройти над побережьем Куршского залива, поскольку птицы предпочитают удлинить путь, лишь бы лететь над сушей, где можно и подкормиться, и отдохнуть.

Но есть Куршская коса и пролегла она по кратчайшему расстоянию, став исключительно удобным для птиц мостом и трактом. С огромных пространств Прибалтики, северо-запада и севера европейской части СССР, Финляндии, частично — Швеции собираются птицы и летят на зимовки над Куршской косой. Всего за несколько суток в конце сентября над этим уникальным местом пролетают миллионы птиц более ста пятидесяти видов. Их стаи нередко проходят на небольшой, всего несколько метров, высоте, особенно на участке между поселками Рыбачий и Лесное. Казалось бы, сама природа создала косу и этот участок на ней для изучения путей перелета (миграций) птиц.

Вот почему именно в Рыбачьем была основана в 1901 году доктором Иоганнесом Тинеманном орнитологическая станция, на которой впервые в мире осуществлено массовое кольцевание птиц. Куршская коса стала «орнитологической Меккой». Ее славу приумножают исследования сотрудников организованной в 1956 году доктором биологических наук Львом Осиповичем Белопольским биологической станции при Зоологическом институте АН СССР. К югу от поселка Рыбачий расположен полевой стационар, где ведутся работы по кольцеванию, ставятся эксперименты для изучения механизмов ориентации птиц, определяются видовой состав и численность пролетных стай.

Но для этого птиц надо сначала поймать. Тут и приходят на помощь орнитологам странные сооружения,

Повец янтаря; ветровая рябь на песке дюн; порубежье весны и лета отмечает коса, зажигая пурпурные свечи люпина; белая дюна; «зеленый остров» — одна из многочисленных дюн Куршской косы; «зеленый остров» — одна из многочисленных дюн Куршской косы; сумерки на Куршской косе; морской музей и аквариум в бастионной крепости Копгалис (построена на Куршской косе во второй половине XIX века для защиты клайпедского порта); пингвины — обитатели аквариума; пустыня у моря.

каждое из которых напоминает растянутую для просушки многоярусную рыболовную сеть-вентерь. В ее зев сечением около 450 кв. метров и попадают летящие очень низко, в 10—15 метров от земли птицы. Отсюда птиц извлекают, обследуют каждую в отдельности, кольцуют и, помимо других данных, записывают в журнал последние две цифры шестизначного номера кольца.

За каждым сообщением о поимке окольцованной птицы стоит огромная и важная информация. Она позволяет уточнить путь и скорость перемещения на определенном участке трассы, рассчитать энергетические затраты на ее преодоление у птиц разных видов и, наконец, знать, какие птицы, откуда, куда и когда отлетают на зимовку. Именно благодаря массовому кольцеванию стало известно, что соловьи, например, зимуют в южной половине тропической части Восточной Африки, скворцы — на севере Африки, яблони — на юго-западе Франции, а чечевицы — в Юго-Восточной Азии.

Орнитологические исследования — лишь один из аспектов работ, проводимых на биостанции. Но это — основное направление ее научной деятельности, руководит которой доктор биологических наук Виктор Рафаилович Долыник.

Впрочем, Куршская коса не обделена и другими животными. Здесь обитают представители почти всех 400 видов позвоночных и подавляющего большинства беспозвоночных (в том числе — насекомых) Калининградской области.

На косе каждый шаг сулит встречу то с красавцем лосем, то с изящным горностаем, с белкой, косулей, кабаном, серой цаплей... Здесь гуница охотно селится на чердаке жилого дома, стирая грань между дикой природой и цивилизацией.

Между тем так хрупко и раним все более зависимый от людей, их труда и доброты мир Куршской косы. Выпадает лишь одно звено — порвется вся цепочка ее экологического равновесия. Вот пример.

Один человек, поднявшийся к вершине даже поросшей травой дюны, сдвигает 40 тонн песка. Пройдут сто человек — начисто разрушат дюну средней величины. Песок, разметанный и беззащитный перед ветром, придет в движение, переместится на лесной участок, покроет дерновину и кусты, засыплет часть стволов. Острые песчинки, поднятые ветром, со временем обтекут кору, и деревья засохнут. Но еще до этого умирающий лес покинут птицы, и численность вредителей непомерно возрастет. А это — угроза окружающим здоровым участкам. Уйдут из мертвого леса и различные животные, отчего прекратится поступление в грунт органических веществ, микроэлементов, изменится состав погребенных песком почв. Иными словами, некогда живой участок превратится в пустыню, и лесоводам — в который раз уже! — придется начинать сызнова.

Более двадцати лет назад на территории косы введен режим заказника, что, несомненно, обратилось во благо косы. Но предстоит еще многое сделать для сохранения и обустройства этого уголка нашей Родины. Очередной шаг к этому сделан: постановлением Совета Министров РСФСР от 6 ноября 1987 года на территории Куршской косы в пределах Калининградской области образован Государственный природный национальный парк. Сам по себе факт более чем отрадный, особенно, если слово будет подкреплено делом. А работы, дел на косе — непочатый край.

Не говорю уже о благоустройстве поселков, эколо-

гически чистом топливе, в котором так нуждаются и люди, и природа косы; и о бетонных павильонах-мострах на автобусных остановках, и о чудовищных «противотанковых» бетонных сваях, вколотенных в живое тело косы якобы для ее защиты от размыва и для наращивания авантюны. Только песок не скапливается, отскакивает от могучих ветроломов, не образует авантюны — и все тут. И что об этом говорить — дело-то сделано: хоть некрасиво, неумно, да не смертельно все же.

Куда страшнее для жизни косы полное отсутствие так называемого мониторинга — комплексных долговременных квалифицированных наблюдений. Возможно ли не упустить болезнь, не зная критериев здоровья?

Есть на косе участки вымокающего леса, который совсем недавно был сухим. Что это — закономерные «подсосы» грунтовых вод или симптомы разрушения, размыва косы?

Есть странные песчаные плещи, на которых ну никак не приживаются из года в год сажаемые травы. Почему — песок слишком подвижен или растения не те? А какие — те?

Есть здесь турбазы, дома отдыха, пионерский лагерь, чьи-то дачи... Сколько туристов за сезон бывают на косе, утаптывают грунт в ее лесах, смещают дерновину и песок на дюнах? Никто не знает. Но даже по приблизительным подсчетам, вблизи баз отдыха нагрузка на гектар леса превышает предельно допустимую в два раза. Так что же, леса в этих местах обречены? И значит, вновь — песчаная пустыня?

Есть на косе и за ее пределами — вы не поверите! — лесники, которые предлагают уничтожить на косе всех копытных — лосей, кабанов, косуль, дабы не топтали траву, не объедали молодую поросль... Вот уж воистину «сон разума рождает чудовищ!» И будет рождать, пока Государственный национальный парк «Куршская коса» остается на бумаге и без достаточного стационарного комплексного научного обеспечения.

Природа не прощает невежества и равнодушия. Она существует для нас до тех пор, пока мы ощущаем себя ее неотрывной частью. Иначе рвется связь, выпадают звенья из цепочки ее единства.

Тогда-то на прекрасной Куршской косе, возрожденной и взлелеянной одними людьми, появляются раны и язвы, спровоцированные другими.

Я верю — все будет залечено. Вот только — когда и надолго ли? Важность проблем торопит. Ведь Куршская коса — уникальный природный комплекс. А все уникальное — хрупко.

...Я иду по косе, удивляясь, любуюсь, думаю. Может быть, и еще есть места на земле, чей облик столь же щедро наделен экзотическими чертами. Но здесь, на Куршской косе, обжитой, непокорной, прекрасной, — в каждой линии, в каждой краске отражается суть гармонии, создаваемой стихией и людьми.

Новеллы о природе

Борис ЗОЛОТАРЕВ

Рис. Ольги Горячевой

Исключение из правил

Под старым мостом, перекинутым через сырой овраг, поселились трясогузки. Безмятежно жилось им в этом укромном местечке. Но однажды, вылетев покормиться, на них напал ястреб. Увертываясь от разбойника, трясогузки с отчаянным криком бросились в укрытие. Тревога! На сигнал бедствия слетелась многочисленная пернатая братия, обитавшая поблизости. Общими усилиями отогнали врага. Водворилось спокойствие. Вскоре ястреб вернулся. В птичьем стане снова поднялся переполох. На этот раз на крик прилетели из ближнего леса и сороки. С неистовым стрекотаньем они устремились на пришельца. Хищник, не выдержав натиска преследователей, поспешно сошел с круга и уселся на сухой березе, росшей неподалеку от моста. Может быть, так он хотел избавиться от сварливых сорок, переждать, когда те успокоятся, уберутся в лес, и тогда он продолжит охоту? Сороки, однако, не собирались улетать восвояси, оставлять своих младших братьев в беде. Не переставая стрекотать, они отважно пикировали на ястреба. Чирикая на разные голоса, вились вокруг березы и мелкие птицы. Ястреб ерзал на суку, угрожающе взмахивал крыльями. Но тех это не пугало.

И хищник не выдержал. Он камнем бросился с березы и, сделав из самой земли красивый вираж, стремительно ушел ввысь и скрылся.

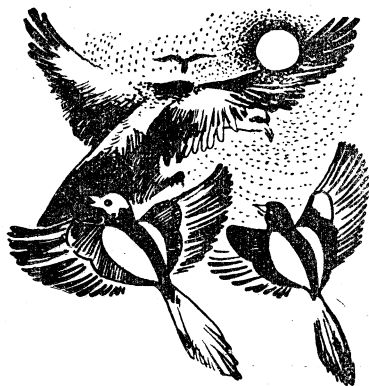
После такого отпора ястреб больше не появлялся у моста. Может, понял: хотя птички и невелички, а постоять за себя умеют.

Можно было бы и закончить на этом рассказ. Картина знакомая, событие в жизни пернатых,

в общем-то, рядовое. Однако есть в нем и нечто необычное.

Известно, некоторые птицы, особенно мелкие, не терпят компании сорок, более того, отгоняют их от своих гнездовий не менее энергично, чем хищников. Неприязнь объясняется просто. Сороки слишком равнодушны к чужим гнездам: то выкрадут яйца, то птенцов убьют, а то и само гнездо разорят. Казалось бы, за зло злом и платить надобно. На деле получается иначе. Сороки всегда приходят на помощь мелким птицам и, не помня зла, отважно защищают их.

Видимо, это тот случай в жизни, когда враждующие стороны объединяются, чтобы противостоять общей беде, общему врагу.

Посрамление вороны

В огороде, с затишной стороны, рано зачернела проталинка. Ее тотчас заметили вездесущие воробьи. Здесь они весь день рылись в вытаявшем мусоре, пурхались в подсыхающей теплой земле.

Вдруг на проталинку пожаловала ворона. Грязно-серые перья на боках и спине топорщились, крылья обвисли — так неряшливо выглядят обычно старые или голодные птицы. Воробьи, согнанные с излюбленного места, далеко не улетели, уселись на верхнем прясле огорода и возмущенно зачирикали. На бесцеремонную го-

стью это ничуть не действовало, она продолжала теревить лакомые кусочки. Тогда стайка порхнула на землю и стала окружать ворону. Один воробей подлетел к ней совсем близко и громко зачирикал, будто требовал: «Убирайся сюда, нахалка! Убирайся!» Ворона каркнула и кинулась на смельчака, намереваясь достать его клювом. Тем временем другой воробей, наверно, ожидавший, когда ворону отвлекут, подлетел к кусочку, схватил его проворно и, изо всех сил трепеща крыльями, поднялся на рябину, стоящую вблизи.

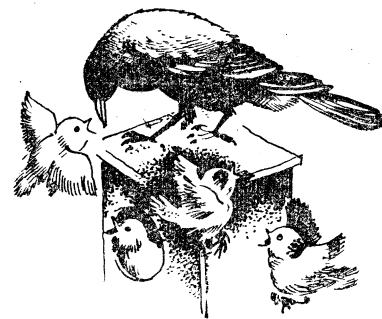
Разве можно простить такое вероломство! Наказать нахала! Оставив в покое гомонившую стайку, ворона бросилась за вороньей. Но тот успел юркнуть в пустой скворечник, прихватив и лакомый кусочек, отнятый у вороны. Та уселась на крышу домика и победоносно каркнула: «Тут-то ты, серый разбойник, и попался!» Она попыталась просунуть в лаз свой толстый клюв. Воробей же, чувствуя свою неуязвимость, стал дразнить ворону: высунется из скворечника, чирикнет раз-другой и обратно. Попробуй возьми меня!

Наконец вороне надоело ждать, когда похититель вылетит из своего убежища, а может, поняла, что не взять его, и, прокартавив: «Карр! Ворр!», улетела.

Убедившись, что осада снята, опасность миновала, наш смельчак вылетел из скворечника, довольный чирикнул и присоединился к своей братии, которая уже всюю хозяйничала на отвоеванной проталинке.

Возбужденные воробьи еще долго гомонили. Наверно, они хвалили смысленных братьев за то, что те так ловко надули ворону.

г. Североуральск.

Он сидел, вглядываясь в расплывающийся над Ленинскими горами вечерний полумрак. Народу на смотровой площадке довольно много, человек около двадцати. Он уже не раз приезжал сюда. Приезжал и стоял вот так, пытаясь представить, что же произошло здесь неделю назад. Хорошо, он попробует еще раз вникнуть в последнее утро инспектора ГАИ Виктора Садовникова.

Неделю назад, выслушав в полвосьмого утра вместе со всеми сводку — перечень дорожных происшествий за последние сутки, номера угнанных машин и описания особо опасных преступлений, — тридцатилетний инспектор ГАИ Виктор Садовников сел в стоящий у дверей отделения «Уазик». Через пятнадцать минут он уже выходил у своего поста — здесь, у стеклянной будки на Ленинских горах. Место, по московским понятиям, малооживленное, особенно в утреннее февральское дежурство. Впадение Мичуринского проспекта в улицу Косыгина. Перекресток считается нетрудным. Можно предположить: тогда, неделю назад, в воскресное утро, этот перекресток вообще выглядел пустынным. Дальше... Дальше — скорей всего, Садовников, убедившись, что знаки на перекрестке в порядке, поднялся по лестнице в стеклянную будку. Отомкнул ключом дверь, уселся на табурет, снял замок с панели управления. Садовников был мастером спорта по самбо, человеком, любящим жизнь, свою молодую жену и двоих детей. Впрочем, можно допустить, Садовников в то утро не испытывал восторга в связи с предстоящим дежурством. По показаниям товарищей, инспектор был человеком действия. Здесь же, в стеклянной будке, не всегда удается по-настоящему и повернуться. Что же дальше? Дальше ясно — Садовников щелкнул тумблером автоматической регулировки светофора. Кажется, именно с этого момента все пошло так, как рассчитал «Кавказец». Пожалуй, о том, что провод, соединяющий светофор с пультом, был заранее перерублен, Садовников, конечно, не догадывался. Он увидел всего-навсего, что светофор «на черном». То есть не подает признаков жизни. И все. Картина в жизни инспектора ГАИ обычная. Конечно же, с Садовниковым такое случалось и раньше. Звонок Садовникова о неисправности был зафиксирован в семь пятьдесят утра. Примерно в это же время свидетели видели на перекрестке стоявшего и ходившего милиционера. Садовников вынужден был спуститься на мостовую, чтобы регулировать движение вручную. Именно этого и добивался убийца, заранее повредив провод. Садовников ходил здесь, недалеко от края вот этого обрыва, ведущего вниз, к Москве-реке. Именно здесь, где-то около десяти — пятнадцати минут девятого, инспектор и увидел «Кавказца». Высокого человека «южного», «восточного» или «кавказского» типа с темными усами, в белой пуховой спортивной куртке и таких же белых спортивных брюках. Человек стоял на краю обрыва и показывал руками вниз: мол, смотрите, товарищ милиционер, что происходит, подойдите сюда! По крайней мере, именно так восприняла жесты «Кавказца» свидетельница Свирская, гулявшая в это время недалеко от смотровой площадки. Садовников, увидев эти жесты, сделал то, что сделал бы на его месте любой другой постовой: подошел, встал рядом и посмотрел туда, куда показывал «Кавказец». Именно в этот момент,

по показаниям свидетельниц, человек в белой куртке «махнул рукой». Свидетельницы сначала подумали, что этим жестом он хотел что-то объяснить милиционеру. После этого, по показаниям свидетельниц, оба, нападавший и Садовников, скрылись из вида. Женщины, конечно, не имели понятия, что в эти минуты в нескольких метрах от них убивают человека. Для него же, Иванова, слова «махнул рукой» с самого начала имели определенный, простой и ясный смысл: «Кавказец» успел ударить первым. Прутом. Или каким-то другим металлическим предметом, приспособленным для такого удара. Дальше — завязалась схватка. Оба, сцепившись, поневоле сползли по обрыву вниз. Ясно — тяжело раненный первым ударом, Садовников наверняка уже «поплыл». Женщины же в это время видели лишь пустой край обрыва. Только через несколько минут одна из свидетельниц, Нефедова, догадалась подойти к краю обрыва и посмотрела вниз. Потом наступило то, что и должно было произойти: увидев истекающего кровью, потерявшего сознание Садовникова, Нефедова истошно закричала: «Помогите! Скорей, на помощь! Человека убили! Помогите!» Нефедова продолжала это выкрикивать, даже когда к ней подбежали еще три женщины. Некоторое время, застыв от ужаса, они разглядывали умиравшего Садовникова. Находясь в шоке, никто из них не догадался, что телефон, по которому можно вызвать и милицию, и «скорую», рядом, в будке. Может быть, в тот момент Садовникова еще можно было спасти. Но две свидетельницы, Фелицина и Костюкова, оставшись у места происшествия, стали призывать криками на помощь. Пустая трата времени — хотя в конце концов эти крики привлекли к краю обрыва нескольких прохожих. Свирская и Нефедова побежали искать телефон-автомат. Это отняло еще несколько минут — ближайшая будка находилась далеко, метрах в двухстах на Мичуринском проспекте. Пока женщины ее нашли, пока дозвонились в милицию, пока приехала оперативная группа и «скорая помощь», «Кавказца», конечно же, давно простыл след. Садовников терял последние остатки крови. Все попытки спасти его потом, когда приехали опергруппа и «скорая помощь», были практически бесполезны.

Старший опергруппы, отправив Садовникова на «скорой» и отметив, что у раненого отсутствует личное оружие, тут же провел опрос свидетелей. Выяснил приметы преступника, передал их дежурному по городу. Все говорило о том, что убийство совершено из-за пистолета.

Выждав, когда на перекрестке зажжется зеленый, Иванов поехал назад, в следственную часть прокуратуры.

ГОСТИНИЦА «АЛТАЙ»

В кабинете Прохорова ничего не изменилось, если не считать снятого пиджака и стакана чая на столе. — Можем себя поздравить, — сказал Прохоров. — А что?

— Из гостиницы «Алтай» в день убийства выехал Нижарадзе Гурам Джансугович, трижды судимый.

— Кличку не выяснили?

— Теперь уже моя очередь спросить: а что?

— Ничего. — Иванов помедлил. — Не «Кудюм»? Прохоров некоторое время с интересом смотрел

на Иванова. Наконец, будто что-то решил, медленно отхлебнул чай.

— «Кудюм», точно. Я предполагал, что вы его знаете. Он проходил в Тбилиси по многим делам. В частности, по последнему с мошенничеством. После отбытия наказания освобожден три месяца назад. Выписался вроде бы домой, но пока по месту жительства в Гудауте его нет. Местонахождение неизвестно.

— Как его определили? По паспортным данным?

— По паспортным.

— А что-нибудь еще? В номере, например? Ну, там, приметы, следы, прочее?

— Если вы о следах пальцев, то принадлежавших Нижарадзе в номере не нашли.

В данном случае это было довольно важно: надо все время помнить, что дактилокарта с отпечатками пальцев Кудюма хранится в «ИЦ». Прохоров посмотрел в окно:

— Что вполне объяснимо. Во-первых, номер после того дня много раз убирали. Потом... Поймите, Борис Эрнестович, Нижарадзе тысячу раз мог позаботиться, чтобы их не нашли. Так ведь?

Прищуренные глаза, все черты лица Прохорова старались сейчас показать полную бесстрашность. Но за кажущейся бесстрашностью, конечно же, скрывалось торжество. Все правильно. Повод есть, сегодня, после недели бесплодных поисков, после отчаяния, которое уже начинало охватывать их всех, они наконец хоть что-то зацепили. Определение «Кудюма» было, можно сказать, принципиальной победой. Даже если это ложный след, даже если находка ничего не даст. И победа эта была одержана благодаря Прохорову. Иванов знал, только приняв дело к производству, Прохоров сразу же настоял на погостиничном обходе. Сам чертил схемы обхода, сам инструктировал группы. Для него же самого, Иванова, это, как он выражался, «шастание по гостиницам» представлялось пустой тратой времени. Прохоров был другого мнения. И вот — «Кудюм».

— Леонид Георгиевич, поздравляю вас. Но вы же сами понимаете, Кудюм... — Иванов замолчал. — Кудюм, засветившийся в белом пуховом костюме в «Алтае», — это, конечно же, нечто. Но Кудюм не мог убить Садовникова.

— Все понимаю, Борис Эрнестович. Кудюм мошенник, а не убийца. Но мошенник может в любую минуту стать убийцей, он от этого не застрахован, так ведь? Ну и... Ну и — надо поработать. Хорошо поработать. Вы согласны?

— Значит, я занимаюсь Кудюмом.

— Пожалуйста. Данных, что Кудюм совершил какое-то правонарушение, у нас нет. Так что, сами понимаете, в розыск его объявлять нельзя. Я позвонил к вам в МВД, его будут искать... Но в общем-то я рассчитываю на вас. И на ваших ребят.

— О чем разговор. Я сейчас же еду в «Алтай». Кстати, в каком он жил номере?

Прохоров перелистал перекидной календарь:

— На втором этаже, номер девять. Дежурные по этажу... Сейчас уточним. Значит, так: Акифьева, Лыкова, Грачева. Дежурят через двое суток на третьи. Опрошены из них Акифьева и Грачева, с Лыковой не говорили. Ну, там, на месте, думаю, разберетесь.

— Разберусь, куда я денусь. Разрешите от вас позвонить?

— Конечно. — Прохоров придвинул телефон. — Это городской.

Сняв трубку и набрав номер отдела, Иванов подумал о Хорине и Линяеве. Наверняка им давно уже надоело томиться в отделе. Целую неделю дальних телефонных звонков и читки сводок дело не идет. Но деться некуда, по характеру преступления, по некоторым приметам он до сих пор рассчитывает, что «Кавказец» с добытым оружием как-то проявится. Именно поэтому он бросил все силы на проверку сводок и звонки на места. В трубке щелкнуло, отозвался знакомый, с хрипотцой голос:

— Хорин слушает.

— Николай, это я. Как вы там?

— Все в порядке, Борис Эрнестович.

— Линяев?

— Сидит рядом.

— Новое есть что-нибудь?

— Н-ну... — Хорин помедлил. — Кое-что есть, но вы же знаете, пока не будет проверено...

— Свежее? В смысле, я пока не знаю?

— Да, без вас тут кое-что поступило.

— По Москве?

— По Москве. Дама одна жалуется, мужа ограбили.

— Ага... Ну ладно, мы скоро встретимся, расскажем. Вот что: меня интересует Нижарадзе Гурам Джансугович из Гудауты, кличка «Кудюм». Запишите.

— Записал. Нижарадзе Гурам Джансугович, Гудаута, кличка «Кудюм». Правильно?

— Да. Во-первых, позвоните в Абхазию, узнайте, что, как. Потом постарайтесь достать последние фотографии этого Нижарадзе. Ну и материалы, что найдете. Как управитесь, захватывайте все с собой и подъезжайте к гостинице «Алтай». В гостиницу не заходите, ждите в машине. Все, до встречи.

Попрошавшись с Прохоровым, Иванов уже через полчаса остановил машину в Останкино, недалеко от гостиницы «Алтай». Долго ждать не пришлось, минут через двадцать сзади притормозила серая «Волга» с Хориным и Линяевым.

Прежде чем пересесть к ним, Иванов оглядел темневшую в стороне пятиэтажную гостиницу со слабо освещенными окнами. Там все тихо. Дверцу «Волги» открыл сидевший за рулем жилистый чернявый Хорин; сев рядом, Иванов увидел кивнувшего с заднего сиденья Линяева. Если Линяев, невысокий блондин, в обычные минуты выглядел рыхлым, развалистым, то в худощавом Хорине, казалось, таится некая дрожь, как в туго натянутой струне. Все это, конечно, видимость. В каждом движении Линяева угадываются необходимые оперативнику качества — сила и нужная резкость. Хорину же, при всей его кажущейся нервности, никогда не изменяет спокойствие. В связи с особым характером преступления в его группу включены асы из асов. Но пока основная функция этих асов, увы, сводится к выполнению различных мелких поручений. В подобных случаях главная задача участников опергруппы — находиться в состоянии повышенной боевой готовности. Пригодится ли оно когда-нибудь, он не знает и сам.

— Достали. — Линяев вытащил из внутреннего кармана куртки конверт. — Вот, три. Все, что удалось.

Иванов бегло просмотрел фото. Все три пере-

сняты и увеличены, узнать Кудюма на них не так просто. Одно наверняка сделано для личного дела в ИТК, две других — из последнего следственного дела. Ничего, других нет, сойдут и эти.

— В Управлении о Нижарадзе пока ничего не знают, — извиняющимся тоном сказал Хорин. — Я звонил абхазцам, те тоже в неведении. Розыск оформить нельзя, сами понимаете.

— Понятно. Что там с этой... дамой, или кто там у вас?

— Да вот, сообщили из одного отделения. В центре. Пришла к ним сегодня женщина, жена заведующего «Автосервисом». Фамилия — Гари...

— Гарибова, — подсказал Линяев.

— Да, Гарибова. Говорит, вчера у ее мужа какой-то неизвестный, угрожая оружием, отобрал двадцать тысяч рублей. Как сообщили из отделения, неизвестный, описанный этой дамой, похож на «Кавказца». Высокий, южного типа, лет тридцати. С усами.

— Где она его видела?

— Они пришли к ним домой. Муж и неизвестный. По ее показаниям, муж был бледен, не в себе. Сказал, что это его племянник. Ну и попросил ее снять со своей книжки двадцать тысяч рублей. Якобы для больного родственника. Она, конечно, ничему не поверила. По ее словам, неизвестный правую руку все время держал в кармане.

— Сняла она деньги?

— Да. Сняла и принесла домой, хотя это не проверено. Муж передал деньги неизвестному, и тот ушел. После этого муж ей сказал, чтобы она никому ничего не говорила. Мы попросили ребят из отделения до вас мужа ее не трогать. Потом она вроде на коленях умоляла их не выдавать ее. Даже заявление не написала. Муж, мол, убьет. Все это они передали со слов. Мы вызвали ее повесткой, завтра в два будет у вас. Правильно?

— Правильно. Значит, пока так: ждите здесь. До упора. Но, в общем, я недолго.

Подойдя к гостинице, он толкнул входную дверь. Вошел в полусвещенный вестибюль. Невысокий пожилой швейцар только покосился, ничего не сказав. За табличкой «Администратор» никого нет, горит настольная лампа. На креслах перед конторкой, обставившись чемоданами, сидят мужчина неопределенного возраста и полная немолодая женщина.

— Я из милиции. — Иванов посмотрел на швейцара. — На втором этаже кто сейчас дежурит? Акифьева?

— Грачева. Позвать?

— Спасибо, я сам поднимусь. Как ее имя-отчество?

— Вера Мелентьевна.

— Пожалуйста, не говорите пока никому, что я здесь.

Швейцар кивнул. Иванов поднялся на второй этаж. В полутьме выделялся лишь столик дежурной. Женщина лет сорока; волосы забраны узлом, поверх форменного халата толстая вязаная кофта. С видимым неудовольствием отложила раскрытую книгу:

— Слушаю.

— Вы — Грачева Вера Мелентьевна? — Вытянул краешек удостоверения. Почувствовав, что разговор будет долгим, женщина аккуратно заложила страницу.

— Она самая.

— К вам, наверное, уже обращались — по поводу жилья из двести девятого?

— Обращались, а как же. Что это вы за него так, за этого двести девятого? Что он сделал-то?

— Вы вообще его помните? Внешне?

— Ну-у... Вроде такой... Как бы южный. Особенно-то я его не разглядывала, всех разглядывать, с ума сойдешь. Но так вроде он был с усами. Ну и крупный мужчина.

— Этот номер, двести девятый, — двойной?

— Двойной. Но он жил один. И оплачивал за двоих.

— Понятно. — Иванов достал из кармана три фотографии «Кудюма». — Посмотрите, не он? Не торопитесь, внимательно посмотрите.

Дежурная передвинула фотографии. Поменяла их местами у лампы.

— Вроде напоминает — этого-то. Только... — Подняла глаза. — Только этот — явный ведь уголовник? А?

— Вера Мелентьевна, вы меня не спрашивайте. Посмотрите еще раз и скажите: похожи эти фотографии на жилья из двести девятого номера? Который съехал неделю примерно назад? Нижарадзе Гурама Джансуговича?

Дежурная снова принялась рассматривать фотографии.

— Отдаленно вроде можно сказать.

— А не отдаленно?

— Вроде бы тот, из двести девятого, такой был... спокойный, солидный.

Любопытно, если Нижарадзе из двести девятого был не настоящий. Но кажется, больше ничего определенного она ему не скажет.

— Позвольте фотографии.

Дежурная протянула фотографии, сказала с сожалением:

— Вообще сходства я не уловила.

— Кто его еще видел из работников гостиницы?

— Все. Он тут жил четыре дня. Сменщицы мои видели, горничные. Но так, я с ними говорила, — его мало кто помнит. Он все время в номере сидел. А когда жилец в номере, мы стараемся не беспокоить.

А ведь интересно все может разложиться, если это не Нижарадзе. Что ж — теперь можно заняться горничной.

В крошечной комнате отдыха в конце коридора, усевшись на стул, горничная долго рассматривала фотографии. Вернула, скептически сморщилась:

— Знаете, все-таки не он. Тот был весь какой-то округлый такой, надутый... А этот — щуплый. Нет, не он.

Дежурная могла ошибиться — фотографии все-таки некачественные. Но вряд ли вместе с дежурной ошиблась еще и горничная. Похоже, здесь жил не «Кудюм». А тот, кто использовал его документы. Если так, все меняется.

— Когда вы убирали, он каждый раз был в номере?

— Я его всего два раза видела. А так — убирала без него.

— Ну, а когда убирали при нем, что он делал?

— Ничего не делал. Сидел, и все.

— Просто сидел? Или что-то делал в этот момент? Постарайтесь вспомнить?

— Я ведь то с пылесосом, то со щеткой. Пока сметешь, пока ведро вынесешь...

— Все-таки постарайтесь. Он что, в потолок смотрел? Чай пил?

— Вроде он то ли считал что-то, то ли писал.

— Считал или писал? Почему вы так подумали?

— Он за столом сидел, пока я ходила. Я в его сторону вообще-то не смотрела. Но так — вроде у него плечи шевелились. Все время. Будто он писал. Или переставлял что-то на столе.

— Переставлял? Вы не ошибаетесь? Именно переставлял?

— Ну да. Это я так сейчас думаю. Тогда-то мне все равно было, но сейчас... — Горничная помедлила. — Самой даже любопытно. Вообще-то, кто он такой, этот двести девятый? Уголовник, что ли?

— Если это тот, кого мы ищем, — уголовник. Теперь, Лена, вы говорите, вы ведро из этого номера выносили? Мусорное? Постарайтесь вспомнить, что было в этом ведре?

— Что там может быть? Газеты смятые. Окурки, бумага грязная. Мусор.

— Какие газеты, вы не помните? На русском языке?

— На русском? — Горничная замолчала. — А на каком еще?.. Ну да, он же грузин. Нет, по-моему, все-таки на русском. Хотя точно не скажу.

— Конечно, от каких сигарет окурки, тоже не помните?

— Да вы что. Я и не смотрела. От сигарет, и все. А от каких — мне как-то все равно.

— А бумаги какие были? В мусорном ведре?

— А какие могут быть бумаги? Бумаги как бумаги.

— Ну, мало ли. Допустим, он мог выбросить старые проездные билеты? Или документы?

— Документы? Не-ет... — Горничная замолчала. — Нет, документов там не было. Вообще, ничего такого не было. Если уж так... Обертки, помню, от вафель были. Да, обертки.

— Обертки от вафель?

— Да. Он их много, помню, накидал.

Обертки от вафель. Нет, эти обертки от вафель ни о чем ему не говорят.

— Сладстена, значит, был?

— Не знаю. Мужчина он крупный. С чаем, наверно, употреблял. У нас буфет не работает. Закрыт.

— А вафли где же он взял?

— На этаже, у дежурной. У нас на этаже все есть. Вафли, вода минеральная, чай, сахар.

— Ну, а какие они, эти обертки? От вафель.

— Вы что, оберток от вафель не видели? Бумажки такие, белые. Хрустящие. Мы, знаете, их сколько выгребаем.

— Понятно. Леночка, вы о чем-нибудь с ним говорили?

— Чего мне с ним говорить? Спросила только: «Я у вас уберу?» — «Да, пожалуйста». И все.

— Вы не обратили внимания — он говорил с акцентом?

— Ой, не помню. Вообще-то... Нет, не помню. Может, с акцентом.

То, что ни администратор, ни швейцар не смогли опознать «Нижарадзе» по фотографии, ценности особой не представляло — в любом случае они вряд ли детально запомнили его лицо. И все же, отпустив

Хорина и Линяева и разворачивая машину, Иванов был почти уверен: в двести девятом номере останавливался не Кудюм.

СОПОСТАВЛЕНИЕ

Прохоров, которому на следующее утро он изложил свои соображения, долго вытирал платком пот со лба и шеи.

— Прежвременных выводов мы с вами, конечно, делать не будем. Но, может быть, это действительно не Кудюм?

— Тогда кто же?

— Ну, допустим, «Кавказец»?

— На «Алтай» напали вы, — дипломатично сказал Иванов. — Я только поговорил с персоналом.

— Ладно вам, Борис Эрнестович. Славу мы еще разделим.

— Я не о славе.

— А о чем?

— Мы можем найти Кудюма и ничего не узнать.

— Понимаю. Вы имеете в виду — этот паспорт Кудюм мог просто потерять?

— Вот именно. Или паспорт украли, такое бывает. Кто — Кудюм и понятия не имеет.

— Резонно. Но все-таки, Борис Эрнестович, я очень хотел бы спросить у Кудюма, когда мы его найдем: как было дело? И посмотреть, что он ответит. Согласитесь, это будет интересно?

Договорившись, что он будет спросить Прохорову, если узнает что-то новое, Иванов спустился вниз и сел в машину. Включил зажигание, развернулся, выехал на улицу Горького. Разглядывая покрытые снегом улицы, усмехнулся. Он слишком хорошо знал себя: если в нем самом не появилось желания что-то сделать, дела можно было и не начинать. Он мог соглашаться, поддакивать, обещать, мог даже, случайно или по инерции, сделать требуемое, если поручение оказывалось не очень серьезным. Но в серьезных случаях любое дело, он это давно понял, без его желания почти наверняка будет обречено на неудачу. И вот сейчас, именно здесь, на улице Горького, при повороте к Каменному мосту, он вдруг понял: в нем возникло желание задержать «Кавказца». Именно задержать, глаза в глаза. Теперь уже он знал: то, что шансов найти «Кавказца» у него мало, не имеет никакого значения. Он вдруг впервые попытался представить себе, кто же такой «Кавказец» на самом деле. «Высокий», «темный», «южного типа», «надутый». Рисовалось что-то безликое, расплывчатое. Ничего конкретного. Уже подъезжая к знакомому зданию на Октябрьской площади, он мысленно вернулся к Кудюму. Все-таки он хотел бы понять, откуда у «Кавказца» чужой паспорт? Что — Кудюм отдал ему паспорт сам? Не похоже. Вряд ли фармазонщик по собственной воле свяжется с убийцей. Значит, передача паспорта «Кавказцу» с ведома Кудюма мало вероятна. Но мало вероятно и то, что опытный мошенник-профессионал потеряет паспорт. Или, что у него его украдут. Потом, сам «Кавказец» тоже не простачок. Конечно, то, что он, поселившись в «Алтае», использовал паспорт уголовного, могло быть простым совпадением. Но в этом мог быть и какой-то скрытый смысл. Мог.

Именно с этой мыслью Иванов остановил машину у Министерства внутренних дел.

ПРОРАБОТКА

В его кабинете, если сравнивать, допустим, с тбилисскими условиями, все было на высшем уровне. Стены покрывали деревянные панели, зимой и летом работал кондиционер. На столе, кроме двух телефонов, стояло еще и переговорное устройство, с восьмого этажа открывался вид на Октябрьскую площадь. Но главное — здесь не было того, что постоянно присутствовало в Тбилиси. В тесноватой приемной замнач РОВД постоянно стояла суета, сутолока. Не было никаких гарантий, что в кабинете вдруг не окажется самый неожиданный посетитель.

Да, в Тбилиси к нему мог войти каждый, так было принято. Здесь же, наоборот, стояла тишина и была возможность вызывать только тех, кого ты хочешь. Казалось бы, все это свидетельствовало о его, Иванова, возвышении. Тем не менее все пять лет тишина этого кабинета действует на него угнетающе. Впрочем, его угнетает не только тишина. Он, Иванов, только сейчас, на пятом году пребывания в Москве, понял: человеку, выросшему и проведенному большую часть жизни в Тбилиси, к другому городу привыкнуть почти невозможно. Даже к такому, как Москва. Тбилисский воздух, тбилисский дух, все, к чему он привык с рождения, уже въелось в него.

Все это мелькнуло в секунду, как мелькало уже не раз — от взгляда в окно, на расстилающуюся внизу Октябрьскую площадь, до движения собственной руки с карандашом к перекидному календарю. «14.00. Гарибова». Кто такая эта Гарибова? Вспомнил — в два должна зайти женщина, по показаниям которой человек, похожий на «Кавказца», отобрал позавчера у ее мужа двадцать тысяч рублей. Подчеркнув запись, мельком глянул на часы. Двадцать пять второго. Значит, Гарибова должна скоро быть. Позвонил, вошли Линяев и Хорин.

— Борис Эрнестович, абхазцы сообщили: Нижарадзе Гурам Джансугович в декабре обращался в Гудаутское РОВД по поводу утери паспорта, — доложил Хорин.

— А... Все-таки обращался.

— Да. По оформлении документов там же, в Гудауте, ему выдали новый паспорт. В настоящее время Нижарадзе в Гудауте нет. Вообще, по сведениям РОВД, по месту прописки он появляется крайне редко.

— Где он потерял паспорт?

— По его заявлению, паспорт Нижарадзе потерял в поезде «Москва — Сухуми», возвращаясь из Гагр. Гостил у родственников.

— Подтверждения есть?

— Проездной билет, согласно устному объяснению Нижарадзе, он выкинул. Абхазцы обещали связаться с родственниками. А также найти эту поездную бригаду. Чтобы выяснить о билете.

— Вы спрашивали у абхазцев, куда вообще мог запропасться Нижарадзе? Ведь, наверняка, он что-то говорил. Ну там — жене, родственникам, соседям.

— Есть сведения, что Нижарадзе мог уехать ближе к Пскову или Новгороду, — сказал Хорин. — Я связывался уже и с теми, и с этими.

— Еще что-нибудь из новостей? Начальство не тревожило?

— Пока нет.

— Насчет Гарибовой — вы помните? Вот, поме-

чено в календаре, Жду к двум. Не мешало бы знать их выходные данные. Точные имена, фамилии, возраст, прочее.

— Сейчас. — Хорин достал записную книжку. — Гарибова — Светлана Николаевна, домохозяйка. Тридцать восемь лет. Муж — Гарибов Георгий Константинович, директор станции автообслуживания в районе Тушино. Пятьдесят два. Проживают оба в центре, на улице Рылеева. Дом девять, квартира сто пятьдесят один. Детей нет.

— Не проверяли — этот Гарибов сейчас на работе? Он мог взять бюллетень, уехать, мало ли?

— Я звонил, на проходной сказали — директор на месте.

— Хорошо. Будьте у себя. Если появится Гарибова, сразу направляйте ко мне.

Гарибова вошла в его кабинет ровно в пять минут третьего.

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ГАРИБОВА

Это была пепельная блондинка, из тех, про которых говорят: «Она еще красива». Сероглазая, с маленьким прямым носом и пухлыми губами. Войдя, Гарибова осторожно положила на стол пропуск, села, сцепив руки. На чем, на чем, но на привычке разных женщин по-разному украшать себя Иванов взгляд набил еще в Тбилиси. Эти сухие мягкие руки и открытые прической красивые уши наверняка привлекли к золоту и бриллиантам. Сейчас украшений нет; здесь, в этом кабинете, золото и бриллианты были бы не к месту. Одета хорошо и со вкусом: вязаное, без сомнения дорогое платье, агатовое ожерелье, платиновые часики. Она будто искала глаза Иванова, хотела что-то увидеть в них, но при этом ее взгляд оставался невидящим, бессмысленно-стеклянным.

— Борис Эрнестович, я просто умоляю вас — вы должны обещать мне не рассказывать это мужу. Конечно, раз я пришла, я все вам расскажу. Но если муж узнает, что я была в милиции... Все, он не простит. Вы можете это понять?

Конечно, многое она наигрывает. И все-таки сейчас в глазах у нее самое настоящее отчаяние.

— Светлана Николаевна, если меня не заставят крайние обстоятельства, самые крайние... А я надеюсь, они не заставят, — муж о вашем приходе сюда не узнает.

— Спасибо. И... не милиции мой муж боится. Ясно же, он боится этого человека. Понимаете, в общем, мой муж очень приличный человек. До «Автосервиса» работал на заводе главным инженером. А когда позавчера... Когда он пришел с этим... Я сразу поняла — никакой это не племянник. Все выглядело глупостью с самого начала. Племянник... Хорош племянник. Вы, наверное, уже знаете все? Вам рассказали?

— Рассказали в общем. Кстати, когда точно это случилось?

— Позавчера. Днем. Двенадцати еще не было. Сначала позвонил муж. Говорил он вроде спокойно. Но я сразу поняла, у него что-то с голосом. «Света, пожалуйста, будь сейчас дома. Я найду, и не один. С родственником». Я попыталась выяснить, с каким родственником. И вообще, что это за визит, в середине рабочего дня. Но на все вопросы он только

повторил: «Я тебе сказал, будь дома. Это очень важно. Мы скоро будем». Ну, я кое-как прибрала. Потом слышу, минут через тридцать, открывается дверь. Входят, Георгий и этот... племянник. Верзила, на голову выше мужа. Борис Эрнестович, если бы вы видели его лицо. Если бы вы его видели.

— Что в нем было особенного?

— Просто что-то страшное. Так вроде с виду молодой парень, лет тридцати, не больше. Но лицо... Знаете, ноздри какие-то вывернутые, щеки надутые, глазки маленькие. Усищи такие черные, волосы тоже черные, челочкой так на лоб. И все время правая рука в кармане. Не знаю даже, что у него там было. Но руку из кармана он не вынимал. Бр-р... Как вспомню, просто страшно делается.

— Как он был одет?

— В таком костюме, пуховом, спортивном.

— Белом?

— Темно-синем. Куртка, брюки. Такой, знаете, модный. Марочка слева на груди, «Адидас». Ну, в общем, сейчас такие носят.

Если это в самом деле «Кавказец», любопытно. Темно-синий костюм по аналогии с белым. Только тот костюм белый и «Карху», этот же — темно-синий и «Адидас».

— Когда они вошли, муж его как-то представил?

— Сказал: познакомься, Света, это мой племянник. Они прошли в комнату. Георгий сел, «племянник» остался стоять. Я сразу поняла, тут что-то не то. Меня просто начало колотить. Знаете, колотит, и все. Георгий сам не свой, бледный весь. Я смотрю на него, а он говорит: «Света, у нас случилось несчастье. Тяжело больна моя родственница, тетя.

Нужны деньги на операцию. Сейчас ты возьмешь книжку, паспорт и снимешь со счета двадцать тысяч. И принесешь сюда». У меня в глазах потемнело. Мы ведь такой суммы вообще никогда не снимали. И все это, знаете, таким металлическим голосом. Таким, что ясно — никакой больной родственницы нет. Я открыла было рот, хотела что-то сказать, но тут муж на меня просто зарычал: «Молчи, слышишь, молчи! И делай, что сказали! Бери книжку, паспорт и снимай деньги! Пойми, это вопрос жизни и смерти!» Как он сказал — «жизни и смерти», я все поняла. А он тут еще добавил: «И торопись, слышишь, торопись! Если ты до часа не принесешь деньги, будет плохо!» «Племянник» сразу же посмотрел на часы. Я запомнила — было ровно десять минут первого. Ну, после этих слов меня всю как обварило. Я поняла, никакой это не племянник. Поняла — убийца. Вот он сидит, держит руку в кармане. И ясно так стало: если я не принесу сейчас этих денег, до часу, он Георгия просто убьет. Тут, честное слово, в голове заметалось: до часа еще долго. Может быть, выйти и позвонить в милицию? Начала искать паспорт, книжку, пока все нашла, пока оделась — смотрю, уже двадцать минут первого. Думаю, успею, не успею? Говорю: «Смотрите, уже двадцать минут первого. У нас только до сберкассы идти минут десять». «Племянник» усмехнулся: «Захотите, успеете. И вот еще: когда выйдете, за вами неподалеку пойдет один молодой человек. Так что не удивляйтесь. Для надежности — все-таки сумма большая». Все, думаю, никакой милиции. Вышла, иду к сберкассе, боюсь оглянуться. Сердце колотится, встречных почти не вижу. В сберкассе очереди не было, два человека.

Контролер и кассирша у меня знакомые. Сначала говорят — надо было предупредить. Такой суммы может не найтись. Я им говорю — мол, решили дачу покупать. В общем, наскребли. Пока получала деньги, все косилась — нет ли где этого молодого человека. Ну и, пока шла назад, все, как в тумане.

— Никого не видели?

— Вы что? Я не только «молодого человека», я вообще никого не видела. В лифт только когда вошла, смотрю — на часах без десяти. Из лифта вышла, дверь открываю, руки трясутся. Что, если он возьмет сейчас деньги и нас убьет? Чтобы свидетелей не было? Потом, думаю, мы ведь даем деньги, зачем ему нас убивать? Да и обратного пути нет, там Георгий. Все мысли в какую-то кучу. В общем — вхожу, они там. Георгий в той же позе сидит. «Племянник» рядом. Только я вошла, он сразу — на часы. Муж говорит: «Все в порядке?» Я говорить даже не могу, протягиваю сумку. Муж отдал ее «племяннику»: «Считайте». Тот: «Пересчитайте сами». Муж пересчитал — ровно двадцать тысяч.

— В каких купюрах были деньги?

— Около двух тысяч были сотнями. Еще около трех тысяч — полсотнями. Остальные десятки и пятёрки. В пачках.

— Номер купюр не переписали?

— Вы что. Не в том была состоянии. Потом — за мной же следил этот «молодой человек».

«Молодой человек» мог за ней и не следить. Но мог и следить. Понять сейчас, как все было на самом деле, трудно.

— Значит, ваш муж пересчитал деньги. Дальше?

— Сложил в сумку и отдал этому... «племяннику». Я помню, он к двери подошел. В одной руке держит сумку. Смотрит на нас и слушает. Долго стоял, минут, наверное, десять. А другая рука все в кармане. На лестнице было тихо, лифт только один раз проехал. Он подождал, пока лифт остановится. Наверху где-то. Потом улынулся, улыбочка у него такая мерзкая. «Спасибо». Дверь открыл и вышел. Все.

— Что вы стали делать дальше?

— А что мне оставалось делать дальше? Сначала кинулась к мужу. Трясу его, кричу: «Георгий, что случилось?» Кричу в голос, а он сидит с закрытыми глазами. Я кричу, а он сидит. Потом говорит тихо: «Света, хочешь, чтобы у нас с тобой все было в порядке?» Сначала я что-то говорила ему, а он только одно: «Хочешь?» Наконец я говорю: «Жорочка, ну что ты, милый, конечно, хочу...» «Так вот, очень тебя прошу, об этом случае никому не говори. Никому. Ни родственникам, ни подругам, ни знакомым. Но главное — не вздумай обращаться в милицию. Слышишь? Если ты это сделаешь, — все. Считай, между нами все кончено. В ту же секунду». Хорошо, говорю, Жорочка, хорошо, но ты мне хотя бы объясни, кто это был. Он: «Неважно, кто это был. Был и все, тебя это не должно касаться. О деньгах не волнуйся, заработаем. Все, я поехал на работу». Он уехал, а я сижу и не понимаю, что со мной. Просто не понимаю. В одну секунду кому-то отдать двадцать тысяч. Борис Эрнестович, поймите меня правильно. Я не мешанка, не стяжательница, не накопительница. Но вы понимаете? У нас были какие-то расчеты, планы. И вот, в какую-то секунду все рухнуло. Ну, что я буду объяснять. — Она долго молчала. — Нельзя это оставлять безнаказанным. Нельзя, вы понимаете?

— Все же, Светлана Николаевна, вам придется написать подробное заявление. Вот бумага, ручка. Садитесь и спокойно пишите. Обязательно укажите подробности. По возможности точное время. Место нахождения и номер сберкасссы. Номер вашего счета. И не бойтесь, укажите все данные вашего мужа. Место работы. Должность. Место и год рождения. Короче, все данные. Сделать это все равно необходимо. Не бойтесь. Обещаю, договор, что ваш муж ничего не узнает, остается в силе.

Чуть поколебавшись, заявительница взяла лист бумаги и ручку.

После ухода Гарибовой Иванов некоторое время сидел, пытаясь понять свои ощущения. Похоже, это «Кавказец». Само собой, надо еще проверить, насколько искренней была Гарибова. Многое будет зависеть и от разговора с самим директором «Автосервиса». Но даже если Гарибова что-то и скрыла, того, что он от нее узнал, хватит, чтобы они начали заниматься «племянником».

Послав Линяева проверить точность показаний Гарибовой в сберкассе на Арбате, Иванов тут же выехал с Хориным в Тушино, в «Автосервис».

«АВТОСЕРВИС»

Белосое и веснушчатое лицо оперуполномоченного районного ОБХСС Байкова, сидящего за баранкой, выражало сейчас то, что и должно было выражать. Ему позвонили «сверху» и попросили оказать содействие двум работникам министерства. Он это содействие честно оказывал.

После вопроса о Гарибове Байков на секунду повернулся.

— Н-ну... что вам рассказать о Гарибове... Директор «Автосервиса» есть директор «Автосервиса». На посту около года. Вообще-то, товарищ подполковник, материалов на Гарибова в нашем отделе пока нет.

На след «племянника» они напали довольно быстро. Первым о проникновении на территорию «Автосервиса» высокого человека с черными усами в костюме спортивного типа вспомнил вахтер.

— Было. Позавчера, утром, часов в одиннадцать. Точно, как вы говорите, — такой высокий, плотный, лет тридцати. И костюм синий. Фирмы, правда, не помню, но импортный. Я его тормознул, ну, а он: «Друг, я к директору. По срочному делу. Дело горит, понимаешь?»

Немолодой вахтер изучающе посмотрел на Байкова. Он пытался понять, что скрывается за всеми этими расспросами. Кашлянул:

— С виду он так вроде деловой, с напором, с таким лучше не связываться. Потом, он ведь в самом деле шел к директору. Минут так через двадцать они уехали вместе с Георгием Константиновичем. На директорской машине.

— Во сколько примерно это было? — спросил Иванов.

— Около половины двенадцатого.

Все совпадает. Значит, «племянник» был здесь точно. Для уточнения деталей, поговорив еще немного с вахтером, они разделились. Хорин двинулся к ремонтникам, чтобы походить среди мастеров и «на публику» спросить двух-трех о южанине в костюме «Адидас». Иванов с Байковым, поднявшись на второй этаж, заглянули в приемную Гарибова.

Здесь слышался легкий гул, все стулья в небольшой комнате были заняты. Несколько человек стояло у окна. Байков кивнул строгого вида немолодой секретарше:

— Добрый день, Алина Борисовна. Можно вас? Буквально на одну минуту?

Секретарша вышла в коридор. Иванов улыбнулся:

— Алина Борисовна, дорогая, я хотел бы всего только пару вопросов. Может быть, отойдем?

— Н-ну... пожалуйста.— Отойдя вместе с Ивановым к окну, секретарша покосилась на оставшегося у двери Байкова.— Слушаю.

— Позавчера вы были на работе?

— Позавчера? Конечно.

— Вы помните посетителей, которые были у директора в первой половине дня?

— В общем. Да, конечно, помню. Вас кто-то интересуется?

— Позавчера к директору мог заходить такой... Молодой человек высокого роста. Южной наружности, похож на кавказца. В синем спортивном костюме. Не помните такого?

— Почему же. Очень хорошо помню. Он пришел в начале одиннадцатого. Они довольно долго сидели. Минут пятнадцать.

— Одни?

— Одни. Георгий Константинович сразу же позвонил. И попросил никого не впускать. Сказал, что у него важный разговор.

Кажется, факт нападения и вымогательства крупной суммы с помощью оружия подтверждается. По крайней мере, пока.

— У директора с этим... молодым человеком была договоренность?

— Не знаю.

— Но ведь вы же его пропустили? Молодого человека?

— Я его не пропускала. Он пришел сам. За всеми же не уследишь. Он подождал, пока из кабинета выйдут, и вошел. Я и сказать ничего не успела. Почти тут же позвонил Георгий Константинович. Сказал, чтобы я никого не впускала. Он будет занят по важному делу.

— Значит, директор поговорил с молодым человеком. Что было потом?

— Они вместе вышли. Георгий Константинович сказал, что поедет по делам, будет после обеда.

Главное, что было нужно Иванову, он выяснил. «Молодой человек», похожий по описанию как на «племянника», так и на «Кавказца», проник позавчера на предприятие довольно сомнительным образом. Четверть часа он провел в кабинете директора. О чем он беседовал наедине с Гарибовым, никто не знает. Конечно, можно уже сейчас идти к Гарибову. Все же Иванов решил придерживаться прежнего плана. Пусть директор, узнав об их поисках, сам позвонит Байкову. Да и он должен дать Гарибову шанс. В расчете на его совесть. Секретарша снова покосилась на капитана:

— Собственно, а что с этим молодым человеком?

— Ничего особенного. Просто... есть у нас кое-какие подозрения.

Они двинулись к приемной; остановившись у двери, секретарша посмотрела на Байкова:

— Так я не понимаю — вы еще придете? И вообще, мне что — говорить о вас Георгию Константиновичу?

— Придем, обязательно придем,— сказал Байков.— А насчет Георгия Константиновича... Смотрите сами, Алина Борисовна. Можете сообщить о нашем визите. Секрета здесь особого нет. А можете и не сообщать.

Иванов просидел в отделе до позднего вечера, но ожидаемого им звонка Гарибова так и не дождался. Спустившись, уже в машине подумал: может быть, поехать к Гарибову домой? Нет, слишком крайняя мера.

ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ГАРИБОВ

Утром Иванов позвонил Байкову:

— Ну что? Никаких новостей?

— Пока никаких, товарищ подполковник. Все тихо. Гарибов с утра вышел на работу. Звонить не думает.

— Придется вам поехать к нему. И поговорить. Ждать больше мы не можем. Скажите — по нашим данным, два дня назад у вас был человек, которым мы интересуемся. Мол, что вы можете о нем сказать?

— Ну, а если начнет отнекиваться?

— Продолжайте разговаривать. И предупредите меня, я подъеду.

Вскоре позвонил уже Байков:

— Товарищ подполковник, Гарибов не выдержал. Позвонил сам.

— Сознался?

— Сказал, есть важный разговор. Выехал ко мне, скоро будет.

Когда Иванов вошел в кабинет Байкова в РУВД, Гарибов уже сидел там. На директоре был хорошо сшитый темно-серый костюм, темная рубашка, аккуратно повязанный галстук. Несмотря на наметившуюся лысину и резкие морщины, на вид Гарибову никак нельзя было дать даже пятидесяти. Темные глаза из-под густых бровей смотрели на Иванова уверенно и спокойно. Байков вздохнул:

— Вот, Борис Эрнестович. Не получается что-то у нас с Георгием Константиновичем.

— Поясните,— подыграл Иванов.— Что не получается?

— Да вот, не получается серьезного разговора.

— А что такое? — Присев на стул, Иванов посмотрел на Гарибова.— Объясните, Георгий Константинович, что, собственно, происходит?

Некоторое время Гарибов рассматривал положенные на стол руки. Покачал головой:

— Да вот и я что-то не понимаю. Почему же не получается разговор, Виталий Сергеевич?

— Не знаю, почему,— Байков вздохнул.

— Наоборот, по-моему, получается. Как раз у нас получается серьезный, обстоятельный разговор.

— Не получается,— сказал Байков.— Не получается серьезного обстоятельного разговора.

Гарибов пожал плечами.

— А в чем дело? — спросил Иванов.

— В том, что я вот тут спросил Георгия Константиновича... Что он может сказать по поводу интересующего нас молодого человека? Ну, вы помните?

— Помню.— Иванов с интересом посмотрел на Гарибова.— Молодого человека в синем спортивном

костюме? Который был на «Автосервисе» два дня назад?

— Точно. Так вот, Георгий Константинович упорно утверждает, — это его родственник.

— Родственник?

— Да. Племянник. Представляете? Все бы ничего. Одностораживает: Георгий Константинович утверждает, что он ничего об этом своем племяннике не знает.

— Ничего не знает?

— Совершенно верно. Даже фамилии. Представляете?

— Это в самом деле так, Георгий Константинович? — спросил Иванов.

Гарибов, по-прежнему разглядывавший свои руки, чуть шевельнулся:

— Не понимаю только одного, почему это так удивляет? Бывают особые обстоятельства.

— Какие же?

— Он — сын сестры моей матери. Но, так сказать, незарегистрированной сестры.

— Как понять — незарегистрированной? — спросил Байков. — Это что, брак?

— Не брак. Но их родство нигде не зафиксировано. У мамы с сестрой был один отец. Но разные матери. Они не общались. Фамилию мамина сестра, получается, моя тетя, носит по матери. Какую, я понятия не имею. И вообще, я про них никогда ничего не знал. По-моему, не такие уж это удивительные обстоятельства.

Некоторое время все трое молчали.

— Интересно, — сказал Иванов. — Вы про них никогда ничего не знали. Как же вы узнали племянника?

— Я знал его еще маленьким. Тетка приезжала с ним — не помню уж, зачем. Сейчас, когда он пришел, я его узнал.

— Понятно. И как его зовут?

— Олег.

— А по отчеству?

— Отчества я не знаю.

— Странно, — сказал Байков.

— Действительно, непонятно, — заметил Иванов. — Как это можно не знать отчества?

— Я даже фамилии их не знаю. Мама, наверное, знала, я — нет.

— Простите, ваша мама жива?

— Умерла. Десять лет назад.

— Ясно, Георгий Константинович. Значит, он, то есть ваш племянник Олег, к вам пришел, и что?

— Пришел, поздоровался. Я его узнал. Ну и — он говорит, мама, в смысле, моя тетя, очень больна.

— Где живет эта ваша тетя, он не сказал?

— Где-то на Украине. Не помню точно. Поймите, я был взволнован.

— Неужели совсем не запомнили? Хотя бы примерно? Что это, город, село?

— Кажется, он назвал город.

— Какой? На какую букву хотя бы?

— По-моему, Днепропетровск. Или Днепродзержинск. Что-то в этом роде.

— Значит, будем считать — Днепропетровск или Днепродзержинск. Что было дальше?

— Олег сказал, мама больна. Нужна срочная операция. Операцию будет делать известный хирург. Ну и — нужны деньги.

— Много денег?

Гарибов помедлил. Будто обдумывал ответ.

— Много. Двадцать тысяч рублей.

— Ого! Зачем же столько денег?

— Олег объяснил, это очень сложная операция. Нужны дорогие лекарства. Оплата сделок. Но главное — все зависит от хирурга. Ну и... его надо отблагодарить.

— Как понять «отблагодарить»? Дать взятку?

Гарибов усмехнулся:

— Борис Эрнестович, давайте не будем.

— Давайте. Но все же интересно.

— Вопрос идет о жизни и смерти. Может быть, это взятка, не знаю. Называйте, как хотите. Короче, Олег сказал, что ему срочно нужно двадцать тысяч. В долг. Он обещал отдать.

— И вы дали?

— Конечно. Ни секунды не задумываясь.

— Почти незнакомому человеку?

— Ну и что? Во-первых, он все-таки родственник. У меня не так много родственников. Потом, в такой ситуации, думаю, не только я отдал бы деньги.

На секунду у Иванова мелькнуло сомнение: может быть, все это правда? Все действительно было так, как рассказывает Гарибов? Кажется, он недооценил Гарибова. Конечно, все, что касается «незарегистрированного родства», — выдумано. Все же остальное тщательно продумано. Настолько тщательно, что, если Гарибов твердо решит стоять на своем, выбить почву у него из-под ног будет очень трудно. Почти невозможно. Иванов перевел взгляд с телефонного аппарата на Гарибова:

— Как же вы отдали эти деньги? Они что, лежали у вас в столе?

— Зачем в столе. Мы с Олегом поехали ко мне домой. У нас есть некоторые сбережения. У меня и у моей жены. Ну и — я попросил жену снять со своей книжки двадцать тысяч. Деньги мы не разделием. Она сняла, я передал деньги Олегу. Он уехал.

— Куда точно он уехал, вы не поинтересовались?

— Нет. Он сказал — торопится, у него билет на вечерний поезд.

— На какой? Может быть, он назвал вокзал?

— Нет. Сказал — домой. Этого мне было достаточно.

Ясно: Гарибова ограбили. «Изъяли» двадцать тысяч. Но сообщать об этом ограблении он не хочет. Бойся. Почему — объяснений может быть много. Главное объяснение, конечно же, — какая-то связь с «Кавказцем». Какая? Скорее всего, Гарибов все-таки жертва. Жертва, не желающая выдавать преступника. Значит, как-то связанная с ним. Иванов сделал незаметный знак Байкову: оставьте нас одних. Капитан, сославшись на дела, вышел. Сейчас надо сделать все, чтобы Гарибов сказал правду. Именно сейчас. Потом может быть поздно. С каждым новым объяснением Гарибов будет заучивать свою версию. Иванов — искать несоответствия и возражать. Обычная игра. Но пока будет идти эта игра, уйдет время. А с ним — «Кавказец».

— Георгий Константинович, повторяю: мы считаем, что я принял ваши объяснения. Но вы же разумный человек. Оба мы знаем: у вас отняли двадцать тысяч. Неважно как — обманом, силой, угрозой оружия. Но отняли.

— Не отняли. Эти деньги я отдал сам.

— Допустим. Теперь подумайте: что будет, если

я всерьез приму вашу версию? О «племяннике». Вы представляете, что будет?

— Это не версия. Это правда.

— Упрямый вы человек. Ладно. Допустим, мы считаем — ваше объяснение чистая правда. В таком случае вы знаете, что ваш племянник особо опасный преступник? Объявленный во всесоюзный розыск?

— Первый раз слышу.

— Хорошо. Верю. Вы могли об этом не слышать. Так вот, по нашим данным, ваш «племянник» объявлен в розыск по всей территории СССР. Как опасный преступник. Совершивший тяжелое преступление. Может быть, не одно. За каждое из таких преступлений ему грозит исключительная мера наказания.

Он нарочно затянул паузу. Гарибов не пошевелился.

— Вашим объяснением, выдающим этого преступника за вашего родственника, вы ставите себя с ним на одну доску. То есть сами становитесь преступником. Соучастником тяжелейшего преступления. Надеюсь, вы это понимаете?

Не меня выражения лица, Гарибов потянулся к карману. Достал пачку «Пэлл Мэлл». Посмотрел на Иванова:

— Я закурю. Разрешите?

— Конечно.— Уловив жест, Иванов покачал головой: — Спасибо, я не курю.

Гарибов шелкнул зажигалкой. Помедлив, прикурил, глубоко затянулся. Выражение его лица показало Иванова задумчиво-отсутствующим. Кажется, сейчас Гарибов срочно пытается еще раз все взвесить. Может быть, понять, как нужно вести себя с Ивановым. Можно допустить, этот человек умеет разбираться в людях. Знать бы только, насколько он честен. Дело даже не в деньгах. Пока для него Гарибов загадка. Во всяком случае, понять, связан ли как-то директор «Автосервиса» с нарушением закона, сейчас сложно. Но ясно, этот человек попал в трудное положение. Гарибов положил сигарету на край пепельницы.

— Хорошо, Борис Эрнестович. Я буду говорить правду.— Помедлив, Гарибов снова взял сигарету. Несколько раз затянулся, разглядывая дым.— Но помните меня тоже. Вы бывали в положении, когда вам приставляют нож к горлу? Вернее — дуло пистолета?

— У него был пистолет?

— Был.— Они встретились взглядами. Как будто врать ему Гарибов не собирается. По крайней мере, пока.— Как только он вошел, он достал пистолет. Ну и все остальное шло уже под этим соусом.

— Что «остальное»?

— Разговор. Обычный разговор. Если, конечно, его можно считать обычным. Говорилось все тихим голосом. Мол, так и так, нужны двадцать тысяч. Срок до часу дня. Если к этому времени денег не будет, я буду убит. Кроме того, у моего дома дежурит еще один. Они знают, что жена сейчас дома. Если до пяти минут второго денег не будет, второй человек войдет в квартиру и убьет также мою жену. И заберет все, что считает нужным. Если же я отдам деньги до часу дня, они уйдут. И я с ними никогда больше не встречу. Так сказать, гарантия. Такие условия.

Докурив сигарету, Гарибов осторожно притушил ее о край пепельницы.

— Я не знаю насчет героизма. Как все это бывает. Говорят, люди идут на пули, ложатся на гранаты. Ну и так далее. Но я, наверное, не герой. Впрочем, может быть, в каких-то обстоятельствах я и пошел бы на пули. Но знаете, когда ты сидишь вот так... Под пистолетом в собственном кабинете... И когда тебе говорят про жену, поневоле начинаешь взвешивать. И решать, что лучше. Двадцать тысяч или собственная жизнь. И жизнь жены.

— Георгий Константинович, вы знаете этого человека?

В глазах Гарибова сейчас отражается все, что угодно. Злость. Ненависть. Недоумение. Но только не колебание.

— Не знаю. И вообще, надо уходить с этой должности. Считаюсь, все директора «Автосервисов» миллионеры. Видимо, поэтому он и пришел ко мне.

— Давайте уточним вопрос. Согласен, может быть, именно этого человека, с пистолетом, вы не знаете. Но наверняка вы можете предположить, кто мог его к вам послать?

— Борис Эрнестович, предположить я мог бы, если бы был в чем-то замешан! В чем-то, понимаете, хоть в чем-то! Но я ни в чем не замешан! Ни в чем! Я обычный человек!

— Может быть, все-таки кто-то вызывает у вас подозрение?

— Борис Эрнестович, неужели вы думаете, я не прикидывал? Вертел так и этак. Мало ли, может, кто-то из знакомых? Или из тех, кто у нас обслуживается? Бывшие сослуживцы, допустим? Враги, наконец? Да мало ли кто?

— И что же?

— Когда посылают двух убийц порешить, так сказать, тебя и жену, всегда поймешь, кто бы это мог быть. Рано или поздно. Здесь же — не понимаю. Не идет ничего в голову, и все.

Полное впечатление — Гарибов действительно не знает ни «Кавказца», ни того, кто его навел.

— Хорошо, Георгий Константинович. Будем считать, вы действительно ничего не знаете. Но в таком случае вы должны были сразу позвонить в милицию. И сообщить, что на вас было совершено разбойное нападение.

— Здесь я виноват. Просто испугался. Знаете, уже потом, когда все произошло, меня охватил страх. Но я ведь в конце концов позвонил.

— Поздновато. Да и здесь тоже сочиняли какие-то басни. О «незарегистрированной» тете. Не к лицу это вам. Да, кстати, почему грабитель стал «племянником». Кому пришла эта идея?

— Он сам предложил. Повторяю, как только он вошел, он сразу достал пистолет. Сел. И стал объяснять. Что и как. Во-первых, я должен был тут же позвонить секретарше. Мол, важное дело, буду очень занят, пусть никого не пускает. Во-вторых, я ведь тоже не сразу согласился. Сказал, у меня просто нет таких денег. Потом, когда понял, что дело серьезное... А я это понял — стали сообща выяснять, как я могу передать ему двадцать тысяч. Он спросил: «У вашей жены деньги на книжке есть?» Раз есть, значит, я должен сказать, что он мой племянник. Ну и... всю остальную сказку.

— Вы не заметили, какой системы у него был пистолет?

— Насколько я понял, наш пистолет. Армейский. Системы Макарова.

У Садовникова тоже был пистолет системы Макарова.

— Опишите его внешность.

— Высокий. Да, высокий и крепкого сложения. Черные волосы, черные усы. Лицо... такое, как бы сказать, неприятное. Нос небольшой, курносый. Глаза светлые. Говорил он с легким акцентом. Думаю, скорей всего, кавказец. А вот кто точно... Грузин, армянин, азербайджанец... Не знаю.

Дождавшись, пока Гарибов выйдет, Иванов набрал его домашний номер. Трубку сняла хозяйка:

— Алло? Слушаю вас.

— Здравствуйте, Светлана Николаевна. Это Иванов, из милиции. Помните?

— Д-да... Конечно.

— Светлана Николаевна, нам надо встретиться. Есть серьезный разговор. Как у вас со временем — завтра? Скажем, в первой половине дня? В час дня? Пропуск будет выписан. Адрес вы знаете. Жду. Всего доброго, Светлана Николаевна.

Сообщив о заявлении Гарибовой дежурному на Петровку, 38 и договорившись о направлении опергруппы на квартиру Гарибовых, набрал номер отдела. Сказал снявшему трубку Линяеву:

— Сергей, сейчас ты или Хорин свяжись с Петровкой. Заявление Гарибовой есть, я им уже сообщил. Выезжайте с ними на квартиру Гарибовых.

— Понял, Борис Эрнестович.

Уже по дороге в Управление, разглядывая летящую навстречу мокрую мостовую, подумал: по сути, он по-прежнему ничего не знает о «Кавказце». Так же, как и раньше. Какие-то лоскутки. Обрывки. Что за напарник? Был ли он на самом деле? Или все это выдумка, чтобы припугнуть? Ну и — национальность. Конечно, сам он, если бы столкнулся лицом к лицу с «Кавказцем», его национальность определил бы сразу. Гарибов же, как и все коренные москвичи, разбирается в этом смутно. Если верить описаниям Гарибова, «Кавказец» скорее похож на мингрела.

Остановив машину у Управления, Иванов подумал: все же сведения, которые он сейчас узнал, говорят о многом. Во-первых, обо всем этом интересно будет узнать Прохорову. Но раньше, конечно, он должен поделиться новостями со своим шефом, заместителем начальника Управления.

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Шефа Иванов в последнее время видел практически каждый день. Иногда по нескольку раз — являясь главным образом по вызову. Вообще же в обычные дни попасть к заместителю начальника было даже трудней, чем к самому начальнику. Так уж повелось, что с самого начала работы в ГУУР шеф Иванова принял. Правда, особых выгод по службе это Иванову не приносило. Шеф был среднего роста, чуть полноватым человеком с сединой в редких белесых волосах. Улыбался крайне редко. Также крайне редко он надевал генеральский мундир. У шефа было два гражданских костюма, за пять лет Иванов хорошо изучил оба — однобортные, светло-коричневые, один в чуть заметную полоску, другой гладкий. Сегодня он в гладком.

Иванов начал рассказывать. Пока речь шла об «Алтае», о разговоре с горничной, даже о визите

Гарибовой, карандаш, которым генерал поправлял что-то в бумагах, продолжал двигаться. На посещения «Автосервиса» он застыл. Изложение разговора с Гарибовым генерал выслушивал уже выпрямившись. Правда, карандаша он пока не выпускал, делая вид, что иногда поглядывает на написанное. И вдруг, разглядывая что-то в окне, прервал Иванова:

— Выходит, разгон. Разгон, разгон, разгон... Интересно.

Когда рассказ был окончен, шеф поднес карандаш к глазам. Старая привычка, выдававшая серьезный интерес, — вот так, будто изучая на свет, смотреть на кончик карандаша.

— Вообще-то, молодец. Молодец, что его нащупал. Вот только подсказал бы, к кому он придет еще? И вообще, скольких он уже успел разогнать?

Иванов промолчал. Генерал положил карандаш на стол, осторожно, будто это была по меньшей мере противопехотная мина.

— Насчет прошлого можем что-то сказать?

— По фотографиям его никто не признал. Я направил группу взять следы пальцев в квартире Гарибовых. Но... Думаю, он там ни за что не брался. Что касается гостиницы «Алтай» — там картина смутная. После него в номере жили. Ну и — убирали. Во всяком случае, следы, которые мы сняли в номере, в ИЦ не прошли. Так что был он судим или нет — неизвестно.

— Все понял. Помощь не нужна?

Всесильность шефа заключалась и в том, что, если надо, он мог подключить к работе чуть ли не все министерство. Но только если это действительно было надо.

— Спасибо, Иван Калистратович. Пока обойдусь своими силами.

Минут через двадцать, переехав через два Каменных моста и миновав улицу Фрунзе, Иванов уже сидел в кабинете Прохорова. После рассказа о признании Гарибова Прохоров мельком просмотрел заявление директора «Автосервиса». Иванов же сказал:

— У меня просьба. — Гарибову пока к себе не вызывай. Разговор с новым человеком может ее сбить.

— Понимаю. У вас уже установились какие-то отношения. Хорошо, договорились. С Гарибовой будешь работать ты.

Иванов вернулся в отдел. И вовремя. Звонил телефон. Он снял трубку:

— Слушаю вас.

Он явственно слышал чье-то придыхание. Наконец мужской голос спросил:

— Простите, Борис Эрнестович?

Голос довольно мягкий. Но вопрос прозвучал твердо, без колебаний.

— Борис Эрнестович. Простите, кто говорит?

— Это... Ну, будем считать, я звоню вам по поводу Гарибова.

— По поводу Гарибова?

— Да. Вернее, обстоятельств, связанных с Гарибовым. Вы ведь в курсе?

— В какой-то степени. Но все-таки, кто вы? Я ведь должен знать, с кем говорю.

— Вы это узнаете. Но сначала я хотел бы договориться с вами о встрече.

Человеку, который с ним говорит, наверняка за

сорок. Судя по голосу, он занимает в жизни не последнее место.

— Вы хотите со мной встретиться?

— Хочу. Но только на нейтральной почве.

— Как понять — на нейтральной почве?

— Где-нибудь в городе. Это возможно?

— Может быть, это кто-то, связанный с «Кавказцем»? Вряд ли. «Кавказец» не из тех, кто сам ползет в петлю. Скорее, этот человек как-то связан с Гарибовыми. Ведь и муж, и жена знают его телефон.

— В принципе возможно. И... когда вы хотите встретиться?

— Чем скорее, тем лучше. Сейчас вы можете? Скажем, минут через сорок? Вас устроит?

Иванов помедлил несколько секунд. О том, что встреча может быть опасной, он не думал. Таких встреч он никогда не боялся. Но надо все-таки решить, как он пойдет. Один или с кем-нибудь.

— Вполне, — сказал он. — Где мы встретимся?

— В кафе... — голос назвал кафе в центре, в котором собиралась главным образом молодежь. — Но вы должны обещать, что придете один.

Ничего обещать незнакомцу Иванов не собирался. Вообще он не любил давать обещаний. Но в любом случае в кафе он пошел бы один. Поэтому сказал:

— Хорошо. Я приду один.

— Спасибо. Значит, я буду ждать вас через час. На первом этаже, столик в дальнем углу. Там может быть очередь, на всякий случай я предупрежу швейцара. Скажите ему... Скажите, что вы к Алексею Павловичу. Я буду сидеть за столиком один. На мне будет серый костюм. Очки. А как я узнаю вас?

— Я подойду и представлюсь.

— Значит, через сорок минут я вас жду. До встречи.

— До встречи. — Положив трубку, Иванов посмотрел на часы. Без пятнадцати шесть. Интересно... Значит, к столику в углу кафе он должен подойти в двадцать пять седьмого. Время еще есть. Естественно, в кафе он придет один. Разговаривать с «Алексеем Павловичем» тоже будет один. Но подстраховаться нужно. Линяев и Хорин. Сидеть в кабинете им надоело, вот и хорошо. Все-таки живой выезд. Побудут где-нибудь поблизости. Лучше всего им, конечно, просто посидеть в машине, недалеко от входа в кафе. Он вызвал Хорина и Линяева. Через минуту они сидели у него в кабинете. В Управление оба пришли работать после него, тем не менее он знал каждого давно и хорошо. Но вот так, рука об руку, в одной опергруппе, работать им приходилось впервые. Понятно, оба считались сильными оперативниками. Обычно каждый из них сам возглавлял группу, ставить их «на подхват» было расточительством. И все-таки ему хотелось бы понять, не по репутации, а в деле чего стоят оба. Вошедшие ждали, что он скажет.

— Только что мне позвонил какой-то человек. Сказал — хочет поговорить по поводу Гарибова. Назвался Алексеем Павловичем.

Линяев промолчал. Хорин хмыкнул, скорее из вежливости.

— Интересно.

— Встреча назначена через сорок минут, в кафе. Этот Алексей Павлович попросил, чтобы я пришел

один. Но поскольку все это касается не только Гарибова, но и Садовникова, сами понимаете.

— Понимаем, — сказал Линяев.

— Придется вам посидеть в машине. Подъезжайте чуть позже меня. Удобные места там есть. Встаньте и ждите.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ

Подъехав к кафе, Иванов остановил машину почти у входа. Скрываться ему пока не от кого и незачем. У дверей на ступеньках небольшая очередь. За стеклянной дверью пожилой швейцар. Фуражка с золотым гарусом, все как положено. Табличка «Мест нет». За окнами кафе темно, вспыхивает цветомузыка. Стараясь не привлекать внимания очереди, вышел из машины. Подошел к стеклянной двери, постучал. Встретившись взглядом со швейцаром, показал глазами: надо. По виду его сейчас можно принять за лицо свободной профессии. Возраст неопределенный, седых волос нет. Одежда — тонкая кожаная куртка, свитер, узкие брюки. Ботинки, рассчитанные на уличную слякоть. Все, как надо. Швейцар приоткрыл дверь:

— Вам что, молодой человек? Мест нет, все занято.

Чуть надавив, Иванов быстро проскользнул в образовавшуюся щель. Очередь подалась было за ним. Из-за этого швейцар отвлекся, накидывая скобу. Не давая опомниться, Иванов шепнул:

— Вас должны были предупредить. Алексей Павлович.

Не дожидаясь ответа, прошел в зал. Огляделся. Кафе в основном заполнено мальчиками и девочками, такими же, что стоят снаружи. Столик в дальнем углу: лицом к залу сидит человек в сером костюме и в очках. Кажется, по общей конфигурации — человек невысок. Худощав. Волос на голове почти нет, их остатки на неровном черепе аккуратно подстрижены. Маленькие светлые усики. На вид лет сорок. Отхлебнув кофе, не отрывая чашки от губ, посмотрел в его сторону. Поставил чашку. Взял салфетку, аккуратно промокнул усы. Положил салфетку в пепельницу. Достал сигарету из лежащей рядом пачки. Подойдя, Иванов остановился у столика. Сигареты достаточно редкие, «Фифс авеню». И заigaretка не из дешевых, электронный «Ронсон».

— Простите, вы — Алексей Павлович?

— Совершенно верно. Алексей Павлович. А вы Борис Эрнестович?

— Борис Эрнестович.

— Садитесь. Не знал, что вам заказать, поэтому взял только кофе.

— Кофе как раз то, что нужно. — Иванов сел. Человек, сидящий напротив, смотрит, чуть улыбаясь. В прищуренных серых глазах настороженная приветливость. Похоже, взгляд отработанный. Несмотря на возраст, моложав. Тонкая голубая рубашка, подобранный в тон галстук, на левом безымянном пальце кольцо-печатка.

— Слушаю, Алексей Павлович. Вы хотели со мной поговорить?

— Хотел. — Алексей Павлович протянул пачку.

— Не курю.

— Прекрасно. А я — если позволите. — Алексей Павлович не спеша прикурил. Глубоко затянулся, осторожно выпустил дым в сторону. Сделав несколь-

ко затяжек, положил сигарету на край пепельницы.

— Понимаете, все это... Звонок вам по телефону, встречу здесь, разговор с вами... Все это я затеял по собственной инициативе. Сам. Но толкнула меня на это... забота о безопасности нескольких людей. Им угрожает серьезная опасность. Очень серьезная.

— Кому «им»? Что это за люди?

— Мои друзья. Люди в высшей степени порядочные. Со всех точек зрения. В том числе и с точки зрения закона.

— Прекрасно. Ну, а остальное?

— Что «остальное»?

— Скажем, их имена? Где они живут, работают?

— Могу назвать одного человека. Гарибов Георгий Константинович. Вы ведь его знаете?

— В какой-то степени. Вы хорошо с ним знакомы?

— Это мой друг. Давний и очень близкий.

— И что же Гарибов? Какое отношение он имеет к нашему разговору?

Алексей Павлович вздохнул:

— Борис Эрнестович, вы ведь знаете все про Гарибова. Давайте говорить начистоту.

— Давайте. Я с самого начала за это. Так что же я про него знаю?

— Все. Вы прекрасно знаете, что на Гарибова напали. Знаете, что под угрозой оружия его заставили отдать двадцать тысяч рублей. Вам все это известно.

— Допустим. Интересно только, откуда это знаете вы? Вообще, Алексей Павлович, может быть, хватит недоговоренностей?

— Хватит. Вы хотите знать, откуда я это узнал? Мне рассказала Светлана Гарибова. Насмерть перепуганная. Ну и, чтобы у вас не было никаких сомнений, вот моя визитная карточка.

Иванов взял протянутый белый квадратик. «Шестопалов Алексей Павлович. Засл. деят. науки РСФСР. Директор НИИ «Дорстрой».

Дождавшись, пока Иванов изучит визитку, Шестопалов сказал:

— Теперь вы понимаете, что происходит? По Москве ходит убийца. Вооруженный. Сегодня он ограбил Гарибова, до Гарибова побывал у кого-то еще. Завтра придет еще к кому-то.

— Вы не подозреваете, с кем этот убийца может быть связан?

— Дорого бы я дал, чтобы понять это.

— Вы сказали — «завтра он придет к кому-то еще». Почему вы в этом так уверены?

— А вы в этом не уверены? Есть у меня такое предположение. Исхожу из характера.

— То есть вы опасаетесь, что он придет и к вам?

— Ну вот...— Шестопалов поиграл пачкой.— Дождь. Вы уже смотрите на меня как на преступника. Так, Борис Эрнестович?

— Разве я сказал что-то обидное?

— Обидное...— Шестопалов пожал плечами и подзвал официантку. Пока он делал заказ, Иванов вспомнил: «До Гарибова побывал у кого-то еще». Может быть, действительно «Кавказец» приходил к кому-то еще? И Шестопалов об этом знает? Вообще-то фраза была произнесена как оговорка, но к ней стоит вернуться. Официантка поставила кофе. Сделав глоток, Иванов спросил миролюбиво:

— Только не подумайте, что я опять запускаю «скрытую мину». Но все-таки хотелось бы еще спросить о ваших друзьях. Как я понял, мой телефон вы тоже узнали от Гарибовой?

— Она мне позвонила... Примчалась, выплеснула душу. Как говорится, заплакалась в жилетку. Ну и — дала телефон.

— А... другие ваши друзья? Кто они?

— В силу ряда причин, которые я уже объяснил, я не могу назвать их имена.

— Но ведь если вы не назовете имен ваших друзей, какой смысл в нашей встрече? Вы просите защиты у милиции. Но как милиция может защитить тех, кого не знает? Извините, Алексей Павлович... Но у меня может создаться впечатление — вы хотите, чтобы мы защитили только вас?

— Вы отлично знаете, что это не так.

— Может быть, у ваших друзей есть какой-то общий признак?

Шестопалов приподнял чашку, будто разглядывал на свет. Поставил на блюдце.

— Увы. У них есть общий признак. Отличающий в том числе и меня. Не знаю, почему, но этот признак обычно вызывает недоверие. Особенно у вас. У милиции. Это состоятельные люди. У них есть дача, машина, деньги на книжке. Вот и весь их признак. Просто о некоторых вещах я пока не имею права говорить.

— Вы посоветуетесь с вашими друзьями, и мы вернемся к этому разговору? — сказал Иванов.— Я правильно понял?

— Пожалуй.

— В таком случае — когда?

— Скажем, завтра. На этом же месте, в этот же час. Вас устроит?

— В принципе устроит. Но хотелось бы вернуться еще к одному вопросу. Правда ли, что до Гарибова грабитель был у кого-то еще?

— Борис Эрнестович, если вы помните, я этого не утверждал. Я просто предположил, что до Гарибова он мог быть у кого-то еще. И все. Да, я подозреваю, что он был еще у одного из моих друзей. Но пока это только подозрение.

Расставшись с Шестопаловым, Иванов коротко передал содержание разговора с ним Линяеву и Хорину. Оба некоторое время обдумывали услышанное.

— Надо выяснять его окружение, — сказал Хорин.

— Верно. Поэтому тебе, Николай, Шестопалов, — Иванов протянул Хорину визитную карточку. — Много за сутки ты не узнаешь, но все же выясни, что сможешь.

КРУГ ЛИЦ

Утром Иванов поехал в прокуратуру. Выслушав рассказ о Шестопалове, Прохоров проворчал что-то вроде «бум-бум-бум...»

— Шестопалова и его знакомых что-то объединяет. Но сам-то ты пытался прикинуть, что может сблизить этих мифических людей?

— Пытался, — сказал Иванов. — Понимаешь, на уголовников они не похожи. Ни Гарибов, ни Шестопалов.

— Но что-то же их объединяет?

— Объединяет. В час дня у меня встреча с Гарибовой. Может, у нее что-то выдарапаю.

Условившись, что будет звонить как только что-то узнает, Иванов поехал в Управление. По дороге он снова попытался понять суть неуловимой общности Гарибова и Шестопалова. Вариантов было много, и все-таки ни на одном он не мог пока остановиться. Единственное, что он знал точно — этих двух людей объединяет что-то знакомое. То, с чем он уже сталкивался. Это знакомое было в манерах, в одежде, в похожих марках сигарет, в печатках на пальцах. Даже в образе мыслей.

В Управлении он коротко доложил шефу о вчерашних событиях. Так же, как и вчера, генерал выслушал его с повышенным интересом. Это было понятно, если считать, что «Кавказец» и «племянник» одно и то же лицо (а что это один человек, можно было уже не сомневаться), розыск выходил из некоего безвоздушного пространства, в которое поневоле попал в первые дни после убийства Садовникова. Обращение Шестопалова в милицию вкуче с выходом на Гарибовых переводило работу в реальную плоскость. Теперь вместо гадания на кофейной гуще Иванов мог вплотную заняться людьми, как-то связанными с убийцей: Гарибовым, Гарибовой, Шестопаловым и Кудюмом. Возможно, к этим кандидатурам вскоре прибавится еще несколько человек. Значит, прежде всего он должен заняться выяснением всего, что касается окружения этих людей. Изложив шефу основные соображения и получив добро, Иванов заглянул в комнату Линяева и Хориана. Нового здесь он ничего не узнал: Линяев звонил по телефону, безуспешно пытаясь установить местонахождение Кудюма. Что касается Хориана, то Иванов знал еще с вечера — Хорин занимается Шестопаловым. Часы показывали без двадцати час.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

А.И.

20 Октября 1983

Ваша Верность

Шлегу Мадарову и Главному Начальнику
№ 1 Отдела Службы Соединенной Императорской
Вашею Высочайшей Командой Генерала
Артману и Кавалеру Николаю Павловичу

Начальника 7-го Округа
Корпуса Мадарову
Далосианов
Милославский
«В.И.И.»
Репорте

Вашею чести почтительнейше представляю
Вашему Высочайству, в дополнение донесения
моего от 23-го прошедшего Октября за № 114
в подлиннике репорт по полученному мною
от Полковника Корпуса Мадарова С.И.
Рикова, по предмету наблюдения его в г.
Астрахани за французскими литерато-
рами Александром Дюма путешество-
вавшим по России

Сделано по Высочайшему повелению
Секретаря Императорской Канцелярии

О том, что автор «Трех мушкетеров» с июня 1858 года по февраль 1859 года жил в России, знают немногие. Еще менее известны записки Дюма о путешествии по России. Они вышли на французском языке, когда писатель еще находился в России, а последние три тома из шести были напечатаны всего лишь через два месяца после того как Дюма покинул ее пределы. Таким образом, в России Дюма создал около двух тысяч страниц впечатлений о путешествии, не считая почти такого же количества переводов. Фантастическая работоспособность!

Первые три тома записок называются «Из Парижа в Астрахань», на русском языке они никогда не издавались, последние три освещали поездку Дюма по Кавказу и в сильно сокращенном виде были напечатаны в 1861 году в Тифлисе под названием «Кавказ. Путешествие Александра Дюма». Книга превратилась в раритет и знакома лишь немногим.

В 1988 году тбилиское издательство «Мерани» выпустило первое полное издание на русском языке книги А. Дюма «Кавказ», подготовленное мною. Готовя это издание, я исходил не только из желания дать современным читателям незаслуженно забытую книгу знаменитого автора, но и опровергнуть многие из бытующих легенд, среди которых: 1) в книгах Дюма правды ни на грош, 2) за Дюма писали литературные «негры», 3) к Дюма не стоит вообще относиться.

В 1986 году издательство «Правда» выпустило полумиллионным тиражом «Воспоминания» Авдотьи Панавой (и до этого они многократно издавались). Со страниц мемуаров встает странный и малоприятный образ Дюма, идет рассказ о гастрономических интересах заезжего француза, а не о личности автора замечательных книг. Ну что ж, мнения современников и мнения потомков о том или ином деятеле культуры далеко не одинаковы. Отношения современников к Дюма тоже противоречивы: одни его не воспринимали всерьез, приписывая ему всяческие грехи, другие ставили чрезвычайно высоко как писателя и как человека, отмечая, что в Дюма не было

АЛЕКСАНДР ДЮМА В РОССИИ

Михаил БУЯНОВ

Кандидат медицинских наук, известный детский психиатр Михаил Иванович Буянов — автор многих книг, посвященных психическому развитию подрастающего поколения. Его книги «Необычные характеры», «Ребенку нужна родительская любовь» и другие переведены на иностранные языки и языки народов СССР.

Давним увлечением ученого является исследование той части творческого наследия А. Дюма, в которой отражены наблюдения и размышления великого французского романиста во время его путешествия по России.

По сценарию М. И. Буянова начинаются съемки советско-французского двухсерийного фильма «По следам Дюма».

М. И. Буянов живет и работает в Москве.

той раздвоенности, на которую любили ссылаться многие («Пока не требует поэта...»), оправдывая свое несовершенство. И сейчас, когда по-новому можно взглянуть на свидетельства современников Дюма, нет никаких причин мифологизировать и, уж тем более, принижать значение и облик этого великого писателя.

Как получилось, что я, врач-психиатр, занялся изучением творчества Дюма?

Однажды я заинтересовался судьбой одного из родоначальников психотерапии Хосе Кустодие де Фариа (1756—1819) и смутно почувствовал, что где-то уже слышал о нем. Но где, когда? И неожиданно вспомнил: в «Графе Монте-Кристо». Узник замка Иф, который спас Эдмона Дантеса. Насколько герой «Графа Монте-Кри-

ДЮМА В РОССИИ

в природе не существовало: был переулок под названием Цыганский уголок. Когда переименовали Эльдoradoвские переулки, моссоветовские грамотеи почему-то дали Цыганскому уголку имя 4-го Эльдoradoвского переулка, ликвидировав одновременно три предыдущие.

Вот что сообщал в Петербург шефу российских жандармов генерал-лейтенант Перфильев — начальник 2-го округа корпуса жандармов:

«...Многие почитатели литературного таланта Дюма и литераторы здешние искали его знакомства и были представлены ему 25 июля на публичном гулянье в саду Эльдorado... 27 же июля в означенном саду в честь Дюма был праздник, названный НОЧЬ ГРАФА МОНТЕ-КРИСТО. Сад был прекрасно иллюминирован и транспарантный вензель А. Д. украшен был гирляндами и лавровым венком...

В Москве Дюма посещал все достопримечательности и ездил в предместье Москвы; в начале августа с сыновьями генерала Арженевского он ездил в имение их отца, где осматривал памятник и бывшие в 1812 году батареи, был в Спасо-Бородинской пустыни, в Колоцком монастыре и в Бородинском дворце...

В семье Нарышкиных, где жил Дюма, его очень хвалят, как человека уживчивого, без претензий и приятного собеседника. Он имеет страсть готовить сам на кухне кушанья и, говорят, мастер этого дела (последнюю фразу кто-то из читателей донесения подчеркнул: возможно, сам царь.— М. Б.). Многие, признавая в нем литературные достоинства, понимают его за человека пустого и потому избегали или сдерживались при разговорах с ним, опасаясь, что он выставит их в записках и будет передавать слышанное от них вопреки истине».

В Москве Дюма обитал не только у князя Д. П. Нарышкина, но периодически навещал и его брата К. П. Нарышкина, проживавшего на Поварской улице в доме 48. Какое было изумление пишущего эти строки, когда выяснилось, что этот дом на улице Воровского стоит целых полвека. Это, видимо, единственный сохранившийся в Москве дом, в котором жил Дюма. И расположен он рядом с управлением Союза писателей.

Несколько раз Дюма встречался с известной поэтессой Е. П. Ростопчиной. По его просьбе она написала очерк о Лермонтове и послала его Дюма в Тифлис. Когда Дюма получил этот очерк, Ростопчина уже скончалась. Этот очерк — громадный вклад в лермонтоведение и напечатан он был впервые в книге Дюма «Кавказ», а оттуда перепечатывался во всех сборниках воспоминаний о великом русском поэте.

Дюма тянуло на Бородинское поле. Как вспоминает один из мемуаристов, «Дюма... заговорил о Бородинском сражении, о великом патриотизме москвичей, не задумывавшихся даже ради спасения своего отечества зажечь Москву, о великой ошибке Наполеона, опьяненного победами и рискнувшего идти на Москву».

В начале сентября 1858 года писатель покидает Москву и отправляется в село Елпатьево Переяславль-Залесского уезда, а оттуда в Кострому и Нижний Новгород и пароходом в Казань, Саратов, Астрахань. 7 ноября Дюма прибыл в Кизляр, отсюда и началось его путешествие по Кавказу.

Донесение жандармов из Астрахани было последним из найденных мною. Ни в тбилисских, ни в московских архивах последующих жандармских донесений не было, хотя наместник Кавказа князь А. И. Барятинский обещал наладить за Дюма слежку. Впрочем, князь этот был необычным человеком. Он стоял на весьма демократических позициях и, возможно, не захотел унижать свое достоинство слежкой за любимым писателем. Но это из области предположений.

Итак, жандармских донесений о кавказском путешествии Дюма нет. Как же проверить, насколько правильно

писатель сообщает об этом многонациональном крае с очень сложной историей?

Чтобы ответить на эти вопросы, я решил проехать по всем местам, которые описывает Дюма, и проверить документы тех времен, сопоставить описываемое писателем с официальными сведениями.

Я был потрясен, когда, проделав гигантскую работу, обнаружил, что Дюма ни в чем — ни в малом, ни в большом — не ошибался.

Не буду отомлять читателей перечислением находок и описанием своих разысканий, приведу лишь несколько примеров.

Книга «Кавказ», написанная в Тифлисе и Потти, открывается главой по истории и географии Кавказа. Всего около 30 машинописных страниц, но в них уложены все основные сведения о многонациональном Кавказе, его бурной, насыщенной событиями истории. Откуда же Дюма брал абсолютно точные сведения?

Подготавливая «Кавказ», писатель проделал колоссальную работу, он изучил множество исторических документов, пропустил их через свой разум и сердце. Все это характеризует Дюма как историка, умеющего отобрать заслуживающий внимание материал, человека с задатками истинного ученого. Дюма использовал ежегодные выпуски «Кавказского календаря», а также вышедшую в 1849—1858 годах на французском языке фундаментальную монографию знаменитого грузинского историка Вахушти Багратиони «История грузинского царства» и почти дословно перенес некоторые ее страницы в «Кавказ». Обилие исторических лиц, краткие, но четкие и выразительные характеристики, поразительная способность с полуслова понимать суть дела — все это типично для Дюма. Впрочем, в конечном итоге тут важны не сами по себе исторические сведения, которые Дюма позаимствовал у ученых (так поступали все писатели и ничего зазорного тут нет, иначе вообще не было бы исторической литературы), а пафос «Кавказа», художественная сторона книги. Со страниц «Кавказа» предстает сам автор, его облик, его отношение к людям и историческим явлениям. В истории Александр Дюма — как и подобает писателю — выделяет борьбу людских характеров и стремление народов к свободе и независимости. Исторические заимствования Дюма пропущены через его творческую лабораторию и вышли из нее куда более интересными, нежели в первоисточниках.

Недалеко от Темир-Хан-Шуры (ныне Буйнакск) Дюма повстречался с неким инженером-поручиком Троицким и подробно описывает их совместные злоключения. Служил ли в Кавказской армии тех лет такой человек? Я стал проверять. И нашел: действительно, в конце 1858 года в Темир-Хан-Шуре служил военный инженер-поручик Николай Петрович Троицкий.

Дюма рассказывает, как однажды он ходил с русскими солдатами в ночной секрет. Достоевский, прочитав об этом, сильно издевался над Дюма: дескать, хвостун беззастенчивый этот Дюма.

Проверил я и это.

Дюма упоминает, что он ходил в секрет с тремя солдатами, называет их фамилии и полно описывает внешность. Звали солдат Игнатъев, Баженок и Михайлюк. Существовали ли они на самом деле, а если да, то были ли они в период пребывания Дюма на Кавказе в тех местах, которые он описывает?

Недалеко от московской станции метро «Бауманская» находится Центральный государственный военно-исторический архив СССР. Архив безукоризненно подобранный, но далеко не полный: многие документы безвозвратно утрачены. На рядовых документы вообще не сохранились. Но тут мне повезло: обнаружилось дело Варфоломея Ивановича Михайлюка. Похоже, что это тот самый, кто ходил с Дюма в ночной секрет.

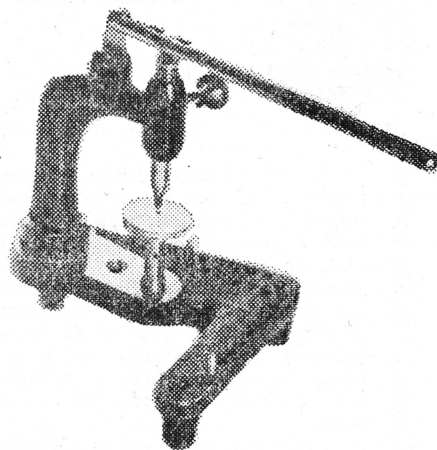
О других участниках секрета ни слуху ни духу.

Приехав в Тбилиси в августе 1985 года сдавать рукопись «Кавказа» в издательство «Мерани», я, по обыкновению своему, первым делом направился в Музей искусств

АМИР
ХАМЗИН

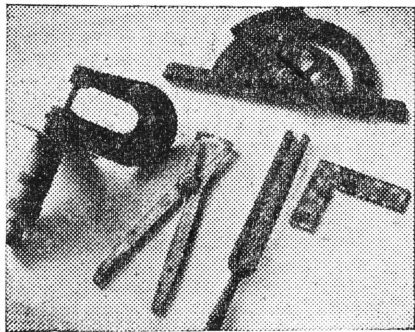
ЧЕМ ЛЕЧАТ ЧАСЫ

Об ангарском коллекционере часов Павле Васильевиче Курдюкове не раз рассказывали газеты и журналы у нас в стране и за рубежом, в том числе «Уральский следопыт» в 1972 году. Более 30 лет он разыскивает старинные хронометры, изготовленные известными и неизвестными мастерами часового дела. Более двух тысяч его находок хранятся ныне в ангарском музее часов, в Московском политехническом музее, в омском краеведческом: часы старинные и современные, русские и японские, китайские и из стран Западной Европы.

Мне довелось увидеть в домашнем музее Курдюкова еще одну уникальную коллекцию: на этот раз часовые инструменты.

— Если коллекционированием часов во всем мире занимаются десятки людей,— рассказал Павел Васильевич,— то часовой инструмент в собрании встретишь не часто. Признаться, я и сам не ожидал, что у себя дома найду такой клад. Уже давно перевалило за тысячу экземпляров количество мною собранных и отремонтированных хронометров. В то же время, где бы ни пришлось побывать, я приобретал часовые инструменты. С годами у меня скопилось их изрядно, а когда я решил привести их в порядок, то обнаружил, что, оказывается, собрал полнейший набор всевозможного часового инструмента и приспособлений швейцарского, немецкого и отечественного производства...

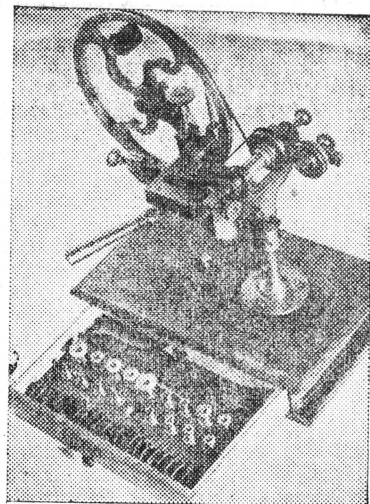
Разглядывая внимательно это уникальное собрание, можно заметить, что и возраст экспонатов самый различный. Имеются даже такие, которыми пользовались в XVII, XVIII, XIX веках. К примеру, зубонарезной станок с большим маховым колесом, с полным набором фрез сделан в Швейцарии примерно в конце XVIII века, в то время еще не было нержавеющей стали и потому он изготовлен из никеля. Или нитбанки — так называются стальные пластины со множеством отверстий. Полный комплект пуансонов, насчитывающий 60 единиц, изготовлен известной швейцарской фирмой «Болей». Любый часовщик мечтает иметь их у себя.

В домашнем музее Курдюкова все эти необычные экспонаты разместились под витринами в стеклянных шкафах, на полочках. Среди молоточков, наковален больших и маленьких, среди токарных станочков и отверток различных размеров, всевозможных кусачек, круглогубцев, пассатижей вдруг вижу старинный микроскоп и старинные весы. Оказывается, на весах взвешиваются химикаты для обработки деталей, а в микроскоп можно разглядеть самые мелкие детали и дефекты на них, невидимые простым глазом. Имея опыт и такой инструмент, часовщику можно спокойно браться за лечение часов любых марок.

— А что вы скажете об инструменте отечественного производства? — задал я вопрос, который давно вертелся у меня на языке.

— У нас в стране подобный инструмент изготавливается в Харькове, и должен заметить, что в последние годы продукция харьковского завода намного улучшилась...

И все же, что будет с коллекцией? Не в правилах старого коллекционера держать такое собрание под спудом. Как я выяснил дальше,

он намерен выставить их в ангарском музее для всеобщего обозрения. Такая экспозиция привлечет к себе внимание посетителей.

На снимках: это лишь немногие предметы уникальной коллекции.

Фото автора

ВИТАЛИЙ
ПАШИН

МИЛЛИАРДЕР

Жителя Костромы Александра Николаевича Соболева в шутку называют миллиардером. Сумма цифр, обозначающих рубли на бумажных денежных знаках его коллекции, превысила пять миллиардов. И такие «крезы» есть во многих городах страны, имя им — бонисты, иначе — собиратели бон, вышедших из употребления бумажных денег.

В начале 20-х годов за проезд на трамвае взималось пятьсот целковых, а номер газеты «Правда» стоил две с половиной тысячи рублей... Финансы молодой Советской республики были вконец расстроены. Количество бумажных денег, находившихся в обращении с 1917 по 1923 год, увеличилось в двести тысяч раз и достигло астрономической цифры — одного квадриллиона (единица с двадцатью четырьмя нулями) рублей.

Диапазон номиналов, представленных в коллекции денежных знаков, поистине огромен: от копейки

до одного миллиарда рублей. В Закавказье в начале 1924 года выпускались банкноты достоинством десять миллиардов рублей.

Рынок наводнили всевозможные ассигнации, не имевшие обеспечения золотом. Наряду с государственными казначейскими билетами в ходу были деньги, выпускаемые отделениями Госбанка в различных городах, предприятиями, кооперативами, даже частными лицами. Кредитные билеты печатались на оберточной и обойной бумаге, на игральных картах, на шелковых лоскутах...

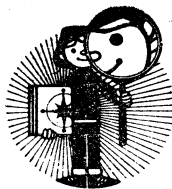
Самые оригинальные деньги ходили в Якутии. Здесь даже обобщились без типографского способа печати. С обратной стороны красочных винных этикеток, большой запас которых обнаружили на складе одного купца, от руки был написан тот или иной номинал, скреплен печатью и личной подписью народного комиссара финансов Якутской республики А. Семенова. Неграмотные якуты быстро научились ориентироваться в номиналах «винных» денег: этикетка от мадеры — рубль, от портвейна — трешка, от кагора — десятка, от хереса — 25 рублей.

Это самые редкие денежные знаки. Коллекционеры знали о них только понаслышке и поэтому не очень верили в существование «винных» денег. И вдруг сравнительно недавно эти ассигнации были обнаружены в... личном архиве Максима Горького. Дело в том, что А. Семенов был приятелем писателя, гостил у него на Капри, вел с ним переписку. В одном из писем Алексею Максимовичу, зная неравнодушие Горького ко всякого рода курьезам из области коллекционирования, Семенов и послал несколько экземпляров «винных» денег разных номиналов.

А вот еще один забавный случай из истории денег.

В середине 20-х годов в Шадринске один эппман открыл маленькую кондитерскую фабрику, которая производила конфеты-тянучки. Для них требовалась обертка, а бумаги достать было не так просто.

Хозяин фабрики узнал, что в подвалах местного казначейства хранятся стопы отпечатанных Временным правительством бумажных денег. Эти не бывшие в обращении, но уже потерявшие цену кредитные билеты только занимали место. Поэтому эппману не составило большого труда уговорить местные власти продать ему денежную макулатуру оптом, а затем надпечатать на обороте каждой «керенки» два слова: «конфета-тянучка».

МИР НА ЛАДОНИ

Умирают, чтобы жить

Ботаник Гарвардского университета Э. Дэвис утверждает, что живой труп, или Зомби, излюбленный персонаж фильмов ужасов отнюдь не вымысел. На Гаити умеют воскрешать. Дэвис видел, как колдуны отравили человека за нарушение законов рода. Мнимо умершего похоронили, а затем, когда коматозное состояние прошло, нарушителя откопали.

Как делают ядовитый напиток? В нем, в частности, есть растертая в порошок жаба и вытяжка из шар-рыбы, которые содержат тетрадоксин, действующий на нервную систему. Отравление — операция, требующая осторожности. Слишком большая доза может вызвать подлинную смерть. Откапывают Зомби вовремя, чтобы он не задохнулся, и искусно разыгрывают церемонию воскрешения. Для этого его насильно кормят смесью батата и дурмана, которая вызывает галлюцинации и эффектный бред под возгласы ужаса зрителей.

И. ПОДОЛЯНЮК

Официальной валютой на крохотном тропическом острове Йап считается доллар США. Но куда выше ценятся «раи» — каменные деньги. Это монолиты, напоминающие по форме мельничный жернов с отверстием посередине, стоят перед «файлу» (мужскими домами) в каждой деревне. Таких монет диаметром от 0,3 до 3 м на острове около шести с половиной тысяч. Некоторые из них, по оценкам археологов, имеют возраст до 2000 лет. а последние «чеканились» из аргонита еще в 1931 году. Этот кристаллический камень не встречается на самом Йапе. Ближайшее месторождение находится за 400 км от него, на острове Палау. В тамошних каменоломнях йапцы вырубали заготовки для «раи», а затем таскали их по песку, чтобы отшлифовать до нужной степени. А ведь немало добытых с таким трудом денег летело за борт лодок, попавших в шторм на обратном пути. Зато на Йапе каменные колоссы обычно не сдвигаются с места даже при многократной смене владельца. Покупательная способность

Здесь тяжело платить

«монет» зависит не столько от их габаритов, сколько от искусности изготовления. За один камень диаметром в три ладони можно, например, купить взрослую свинью.

Вывозить «раи» с острова правительство разрешает неохотно и облагает огромными налогами покупателей, главным образом японских, американских и европейских охотников за сувенирами. На языке финансовых воротил это называется так: йапская валюта не конвертируема. Поэтому-то Йап, входящий в Федерацию государств Микронезии, все еще богат камнями. Однако многим островитянам нечем платить за импортные товары. На это нужны американские доллары...

Б. ПИНАЕВ

Крылатый дар

В центре просторного зала, где собраны подарки Ульяновскому филиалу Центрального музея В. И. Ленина, внимание посетителей неизменно привлекает прозрачный куб из органического стекла. Подходишь ближе — и видишь внутри фотопортрет Владимира Ильича Ленина. Это изображение вождя мирового пролетариата было взято на борт «Руслана» — самого большого в мире самолета Ан-124, способного перевозить 150 тонн полезного груза — в день его первого вылета 30 октября 1985 года.

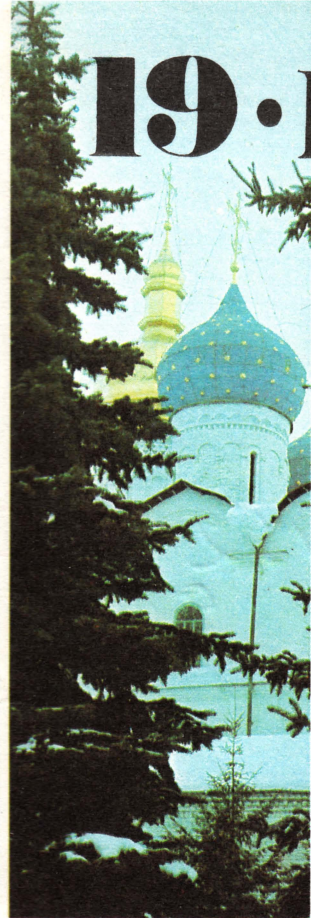
На полях фотографии (ее размер в половину газетного листа) автографы всех восьми членов экипажа — Галуенко, Максимова, Шулещечко, Жовнира и других. Рядом с портретом экспонируется золотистого цвета макет самого крылатого исполина «Руслана», запечатленного в крутом вираже.

На дне стеклянного куба прикреплена гравированная пластинка с дарственной надписью: «Ульяновскому филиалу Центрального музея В. И. Ленина в честь первого вылета самолета Ан-124, построенного на родине В. И. Ленина».

Летчик-испытатель Александр Галуенко возглавлял и тот экипаж, который 21 декабря 1988 года впервые поднял в небо супертяжеловоз — самолет Ан-225, получивший звучное имя «Мрия» (по-украински «Мечта»). Возможно, макетный вариант этого нового детища ОКБ имени О. К. Антонова, способного доставлять 250 тонн грузов, в том числе космический корабль «Буран» на внешней подвеске, тоже «произведет посадку» в ульяновской экспозиции Ленинианы.

В. ДЕБЕРДЕЕВ

19 • КРАЕВЕДЕНИЕ • 90

19 • КРАЕВЕДЕНИЕ • 90

Родиноведение «Уральского следопыта» будет держаться на двух китах: на интересном и общедоступном очерке, популяризирующем нашу историю (рубрики: «По белу свету», «Юность отцов», «Давным-давно» и другие), и на собственно краеведческом поиске, исследовании, документе. Предлагаем следопытам всех возрастов нести к нам в редакцию результаты своих архивных и всяких иных разысканий. В вашем распоряжении рубрики «Краеведческая копилка», «Тропой поиска».

Мы намерены продолжать и наши публицистические разделы «Товарищ Время», «Память», «Каменный пояс Урала», переосмысляя отечественную историю через призму открытости, правды и человечности, отыскивая в нашей жизни крупницы памяти активной, деятельной.

Читатель продолжит на страницах журнала заочное путешествие по малым городам России.

В разделе «Человек и природа» мы предполагаем опубликовать приметы народного погодоведения.

НАМ БЫ ХОТЕЛОСЬ С ПОМОЩЬЮ «КРАЕВЕДЧЕСКОГО БУМЕРАНГА» СДЕЛАТЬ БОЛЕЕ ЖИВЫМ И ЭФФЕКТИВНЫМ ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ, ЧТОБЫ СЛЕДОПЫТСКАЯ ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА ВСЕГДА СОТВЕТСТВОВАЛА ДУХУ ВРЕМЕНИ.

КРАЕВЕДЕНИЕ 1990 ГОДА

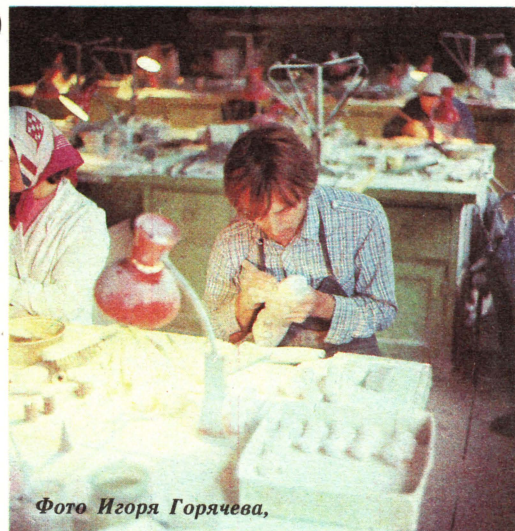

Фото Игоря Горячева,

Фото Владимира Шура

САМЫЕ ПРЕКРАСНЫЕ СУЩЕСТВА ЗЕМЛИ — ТАК НАЗЫВАЕТ ПИСАТЕЛЬ НИКОЛАЙ НИКОНОВ ТРОПИЧЕСКИХ БАБОЧЕК ИЗ СЕМЕЙСТВА «ПАРУСНИКОВ», «ПТИЦЕКРЫЛОВ», ОРНИТОПТЕР, ОГРОМНЫХ ВЕЛИКОЛЕПНЫХ ЮЖНО-АМЕРИКАНСКИХ «МОРФО».

Читая повесть «ОРНИТОПТЕРА РОТШИЛЬДА», вы совершите увлекательнейшее путешествие вместе с великими натуралистами-исследателями Генри Бейтсом, Альфредом Уоллесом и бароном Ротшильдом по девственным дождевым лесам и саваннам Амазонии, Юго-Западной Африки, Индии, побываете у подножьев Гималаев, на островах Индонезии, на Новой Гвинее.

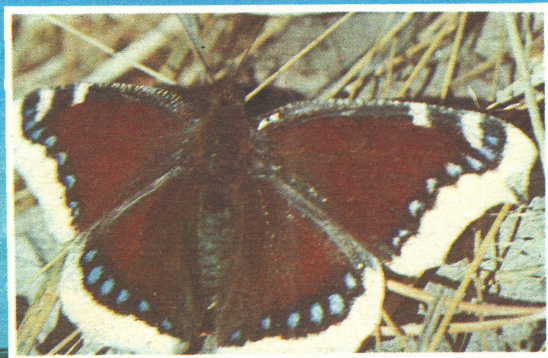
Рассказы о заморских тропических чудесах писатель дополняет истинами о его встречах с редкими бабочками Урала.

Книга пронизана большой тревогой. Мир насекомых, и в том числе бабочек, редет. Он требует и ждет бережности, понимания и любви. «ОРНИТОПТЕРА РОТШИЛЬДА» будет иллюстрирована цветными изображениями красивейших бабочек нашей планеты.

ТЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА ЗА СОХРАНЕНИЕ ЖИВОТНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВНОЙ И В ПОВЕСТИ Л. Нечаева «НЕЩЕЧКО».

Любители остросюжетных произведений продолжают знакомство с рассказами известных американских и западноевропейских мастеров приключенческого жанра, которые «УС» печатает под рубрикой «Зарубежный микродетектив».

Со старым знакомым — следователем Шатохиным вы вновь встретитесь в криминальной повести томского писателя В. Привалихина «Монисто северных аборигенов».

9-152
08

Проблемы выбора своего пути в жизни встают перед молодыми людьми в повестях Н. Соломки «Горбунок», Н. Березовского «Побег», Е. Перехвальской «Холодильник для мамы».

Вы сможете прочитать также рассказы Т. Чекасиной, С. Винокуровой, О. Рихтера и др., новые стихи известных и неизвестных поэтов.

Более 20-ти книг написано популярным во всем мире и практически неизвестным нашему читателю американским прозаиком Э. Р. Берроузом о приключениях Тарзана — человека, воспитанного обезьяньей стаей. «УС» намерен предложить вашему вниманию отдельные произведения из этой серии, начав их публикацию в будущем году.

ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ АГЕНТСТВАМИ «СОЮЗПЕЧАТЬ» ПОВСЕМЕСТНО И БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ. ИНДЕКС ЖУРНАЛА 73413. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД 4 РУБ 80 КОП.

Фото Николая Маркова,
Павла Горбунова